Р19 Ср II 144. 1

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ
4059

236.
P II 90

КАССІА-ЦАРИЦА,

ИЛИ

ТРАВЕЗИРАНЪ ОКТАВІАНЪ,

ТРОШКОМЪ

МАТИЦЕ СЕРБСКЕ У ПЕШТИ.

X E 9

P10 Cp II 144.1

4059

J. Warschag del. Lehnhardt sc. Pest.

Стани, любовь те моя матер-
ня окаменила!

Р19 Ср II 144.1
Р II 90

КАССІА ЦАРИЦА,

или

ТРАВЕЗИРАНЪ ОКТАВІАНЪ,

сочиненъ

МИЛОВАНОМЪ ВИДАКОВИЧЕМЪ

ПРОФЕССОРОМЪ,

МАТИЦА СРБСКА
Пр. 236
146.

ТРОШКОМЪ

МАТИЦЕ СЕРБСКЕ У ПЕШТИ.

Lebensbeschreibung der Kassia die Kaiserinn.

У БУДИМУ

Писмены Крал. Всеучилища Пештанскогъ

1827.

Budae die 29. Maii 1825.

Imprimatur

Georgius Petrovics m.p.

Librorum Censor.

Благоохотнымъ Читателємъ.

Ево вамъ дражаишїи мои Читатели оно дѣлце, на кое самъ васъ іощь лре две године лонудїо да се лренумеріраше, но всуе! оно е лодъ именемъ **Кассїа Царица,** или **Травезиранъ Октавїанъ.** Повѣсть една (истина) романтїческа, но у лризрѣнію на лримѣре нѣке, кое намъ она ко̀ исправленію нравїй нашы лредставля, есть ловѣсть моралнa, и лоучителна, отвора намъ благочувствителна сердца къ лрисвоенію добродѣтели, и вооружава духъ у намъ лротивъ лорока, а нарочито лротивъ **зависти,** и споручнице нѣне **лажи,** кое ѣете овдіе и видѣти, хахо су съ невинностїю лостулиле, и колико су у своемъ ковaрству далеко услѣле! — Но видиѣете лотомъ и жалостна слѣдствія лажи. Видиѣете отмащенїе лравосудїя божія, и совершено избавленїе невинности: чутиѣете не съ малымъ утѣшеніемъ, хахо е лромыслъ небесный **зависть** и **лажь,** грозна ова чудовища, и

отровъ роду человѣческому, хазнїо; а на противъ **невинность** *свуда чудеснымъ начиномъ храніо, и послѣдохъ ю подъ вѣнцемъ претерпѣнїя свѣтлїю, и любезнію свѣту представїо, и обявїо.*

Кассїа е была една добродѣтелнѣйша персона (особа) и царица, кою е Октавіанъ мужъ нѣнъ више за добродѣтель, неже ли и за нѣну ангелску красоту, любїо, и даже до обоженїа чествовао; но по нещастїю онъ е имао матерь, лакостну нѣку преко мѣре жену, коя ніе могла нѣжну ону сына, къ своїой супруги любовь терпѣти! она е тысящне начине измышлявала, како бы сироту Кассію у Царя оцернити и омразити могла, но дуго време не може; Кассїа бо царское сердце яко у своїой власти имадяше.

Видећи убо окаянна мати, да у своей злоби никако успѣти не може, измысли найпосле на ню невинну едну, и честну, цѣломудрену Госложу, и вѣрнѣйшу мужу своему, супругу, онакову лажь, съ коїомъ сву любовь сына къ супруги своей на еданъ путъ у сердцу угаси, и дотле его издезуми, да ю кукавну оттера.

Октавїанъ е иначе ламетанъ мужъ быо, и заисто еданъ отъ оныхъ, кои сквозь чуже очи негледе: ничтоменше лажь му се материя тако сердца косне, да се онъ о Кассіи превари! Но ніе чудо, человѣкъ е, ако е и Царь быо.

Кадъ видите на кой е начинъ Мати его обманути знала, хоћете га извинити и признати, да е онъ паче сожаленїя, нежели осужденія достоинъ.

О любезнїи читатели! колике е быстре уме лажь потупила, и колике е свѣтле очи погана ова и луда страсть до данасъ помрачила, и помрачава! шта нхъ има и садь на свѣту нашой Кассїи, Прекрасному Іосїфу, добродѣтелному Велизаріи войводи, и овимъ подобныхъ Славныхъ людїй, коихъ есе поганъ езыкъ окачїо, и кои зато увреждени, хъ Богу уздишући са светымъ пророкомъ волїю „погубиши Господи вся глаголющыя лжу!“

Лажи су различне, но найгора и найубиточнїя, а при томъ найподлїя, и найлудья быти видисе, коя намъ се изъ зависти радья, као што намъ е ова у примѣру Октавіанове матере противъ свое снае. Што се пахъ ратныхъ нѣкихъ приключенїй овдїе тиче, не сумнямъ, да ћете и ова со удоволствїемъ читати; обаче и то, као у дѣлу романтическомъ, и неищите у ловѣ, сти овой два она нсторическа ока **гдие што-и кадъ е было?** *Романъ до отъ исторіе разликовати валя; ибо ова токмо о дѣлу истинствуе, и* **како е, гдїе, и кадъ е** *было? показуе: а романъ вещи само намъ истини уподоблява, и такове у нѣки примѣры намъ,*

као у елной веселой игри представля; опоминѣ насъ и учи изъ прошастогъ времене, како што треба, и желисе у напредахъ да буде.

Романъ убо искусно сочиненъ, и лѣпо, за чувство благородно списанъ, уподоблявасе Театралной игри, и баснамъ; аллїгорїамъ и Сатирамъ, коими су паметни люди такоже многа до данась зла изъ свѣта истребили и прогнали. Романъ намъ представля примѣре и добродѣтели и порока; представленіе убо добродѣтели возбуждава сердца наша на све, што е годь добро, и честно; што е годь Богу угодно и предъ свѣтомъ похвално: а представленїе порока сгнушава намъ таковый, и отвращава намъ сердце отъ свака невалялства.

За ову книжицу мени се подхвати любезный мой Коста Перишичь платити, у случаю то есть, ако я съ пренумерацїомъ на край изити не бы могао. Иначе бо я познаюћи тѣсна саданегъ времене обстоятелства, не бы се быо у дѣло ово ни упущао. Но єсть! мы смертни на земли едно, а судба, невидима наша судба са свїемъ друго! — Іунія 15-го 1825. лицемъ на дань онай и за Сербле иногда на полю Косову нещастный, смерть младогъ Перишича внезапу предвари! и то нещастнымъ еднымъ случаемъ! не пощади единца у Майке! презре што е наученъ, лѣпо воспитанъ, што е онъ отъ свію

за добродѣтель свою любимь, и почитаемъ быо; што е здравъ и младъ, у 26-ой години юноша! све то велимъ судба его презре, и его намъ као красный цвѣтъ, подъ косу смерти поверже, и земли предаде! тко его нïе познавао, тай ее за нимъ нïе заплакао, и тай его нïе ожалïо: а я за нѣгову къ мени сыновню любовь, и нѣгово мени као отцу почитанïе, да самъ се и савъ у саме слезе разтопити могао, не бы его довольно оплакао, но всуе, што бы бы! —

И тако намъ любезнïи читатели! Кассïа наша, као една ко олтарю вечь приведена дѣвица, и на самы враты, да намъ на свѣтъ изиде, Мецену свогъ изгубивъ, помощи се лиши! — зашто отъ пренумерантовъ я ни онолико скупити ни самъ могао, колико самъ на книгу потрошïо! —

Мыслећи убо я, и разсуждаваюћи по томъ како бы самъ дѣлце ово на свѣтъ издао, и народу его сообщïо, да ми конечно труди мои не пропадну, поднесемъ его найпосле (наваждењемъ едногъ пріятеля) Сербской Матицы, коя и изъ призрѣнïя зарь къ мени, као едной отъ своихъ трудолюбивыхъ пчелицъ, пріими, да его о своемъ иждивенїю на свѣтъ изда; хотя да и сама на слабы свои їощь крылы около нове свое кошнице облеће, и ново сатье за потомство наше

тру-

трудолюбно устрояваюћи, на помощь отъ куда изгледа.

О када бы се отъ куда благородна, за обшу ползу Сербске матице ревность многимъ тако сердца коснула, како што намъ се нѣкїи у овомъ показаше, да обрате внимателный свой взоръ на овай новозаведеный фундъ, и да бы свакїй, колико тко може на воздвиженїе его жертвовао; то бы намъ се безсумне у истой матици новъ источникъ за подкрѣпленіе младе наше лїтературе открыо. Да нити списатели у будуще нужду имаю на изданїе какове книге камчити, и просячити, нити бы се пакъ пренумеранти више потужили, да су се пренумерїрали и платили, а книге нису добыли! обаче отъ согласія све зависи. Согласіе е обшей ползи златный оный столпъ, на комъ се намъ обше наше благополучїе утверждава! — Concordia parvae res crescunt, discordia etiam magnae dillabuntur. Согласїемъ и мале вещи расту а несогласіемъ и велике падаю.

„У Латїновъ мудра пословища; о да бы се намъ коснула сердца! —

У Темешвару 17-*го Марта* 1827.

М. Видаковичь.

У време оно, Октавїанъ е, Царь Римскїй, мужь младъ, и взоромъ красенъ, добродѣтеленъ, и разуманъ, къ тому и силнѣйшїй быо. Онъ имадяше и супругу именемъ Кассїю, свими, како тѣлесными, тако и душевными добротами украшену, и себи подобну, кою онъ паче мѣре любяше, и отъ нея любимъ бяше.

Овай честный паръ людїй што е и могао отъ Бога себи више тогда желити, нежели, да получе и плодъ взаймне свое любови, и нимъ сердца своя їощь болше соедине; да увиде и миле свое наслѣднике, да ихъ лѣпо воспитаю, и почувствую, даѣ у нихъ и по смерти своей живѣти. Често су она за овимъ уздисали, често слезе пролывали, найпосле Богъ ѣе имъ благородно ово желанїе ихъ исполнити, обаче — каковесу судбе до тогъ терпѣти

морали! — Рѣдкесу убо и саме добродѣтели, противъ коихъ се порокъ неополчи, ахъ! нещастїе наше сотымъ.

Царъ имадяше матеръ стару, жену весма худе нрави, и пакостна сердца, коя немогаше терпѣти, што Сынъ ея супругу свою толь нѣжно люби! Ово е нѣкимъ старымъ женамъ и свойственно, аки бы имъ се у томъ сыновня къ нимъ любовь нешто умалявала! —

Дань по дань, Кассїа затрудни, и сотимъ садъ любовь и почитанїе себи своего супруга усугуби, но по нещастїю: и злобу противъ себе у своей свекрови, коя стане измишляваши на снау свою нѣко подозрѣнїе. Кассїа ово примѣти, и оскорбисе, но ћути, мужу не казуе.

Приспѣ убо часъ да низложи любезно бреме свое, и щастливо роди два Сына, два прекрасна младенца, здрава, као ланадь. Садь призна Октавїанъ, да се наверху своего щастїя находи: весь дворъ Его исполнисе веселїя, само една мати его помрачена злобомъ, не узме участїя ове всеобще радости! Царь ово съ негодованїемъ прїймивши, не пропусти пребациги ей. Но она потергне му прежде измишлену лажь, говорећи „Свѣтлый Царю, и Сыне мой! я не знамъ може ли и коя любовь чувствителнїя за поштено сердце быти, нежели любовь Родителска своему чаду. Я ово признаюћи, имамъ иравый и узрокъ, што ми се сердце твоей радо-

радости не согласуе: и съ колико те видимъ Сыне да се више о новодобытой дѣцы радуешъ, и *твою* као за нѣкїй небесный благословъ, не само любишъ но вѣнъ ю и обожавашъ: съ толико ми то сердцу теже садъ пада, гдѣ, се као едно беззлобно дѣте у томъ варашъ! — Ахъ! како тешко моему матернему сердцу, подъ коимъ самъ те носила, садь пада, оно ти открити, коеѣе те весма оскорбити! — Хотѣласамъ те, (бришуѣи претворне слезе) поне за нѣко време отого поштадити, да се тымъ сладкимъ мечтанїемъ їошъ наслаждавашъ, обаче — судба заръ и сама мерскому дѣлу отложенїя, да на свѣтъ не изиде, терпѣти не може! — Заполико време она не родити, пакъ садь на еданъ путъ двое! ово нїе чистъ посао, нїе безъ смѣсе другогъ быти могло! зли су Сыне, и опаки сада обичаи! —

Царь на ове рѣчи садь воспряне, лице помрачи, и очи му свѣтле заиграю „Маши! возопи съ удивленїемъ, што ты то говоришъ, какова молнїя изъ твоихъ уста душу мою проиде, и съ какве ты мене высине моего благополучїя садь низрину и сбацы! што е то за волю Божїю, што е за мою Кассїю! о Боже! Та я би животъ — Лакше (прехвативши му мати рѣчь) лакше мое дѣте и царю мой, младъ си, а жестокъ си: нїе све злато, што се блиста, искуства треба, докъ ты праву добродѣтель отъ хитре прет-

 вор-

ворности разпознати узможешь! Оваесе тако у свѣтлу оне одежду предъ тобомъ обукла, да бы те я весма тешко и увѣрити могла, да е твоя испа, тобомъ обожаема Кассїя, теби невѣрна была, докле ти управъ дѣломъ самимъ и предъ твоима очима ово не освѣдочимъ! — Царь на то плѣснувшисе, затвори очи рукама, и унило главу свою наслонивъ матери на перси, поћути, потомъ „Маши! о Маши моя! ел' то истина? Кассїа моя! мени не вѣрна! Како, и откудаћешь ти мени моћи то докаваши?

Ахъ! — ты си у томъ ошъ нѣкогъ преварана, я то вѣроваши не могу; пре умрети, него то и помислити! Иди, иди ми Маши испредъ очїю, докле ми дѣломъ самимъ то не освѣдочишь, я невѣруемъ! — Добро! я идемъ, и хоћу ти дѣйствително освѣдочити. Ово рекши, сердита Маши изиде.

Царь заоставши самъ, смущавасе горе доле по соби ходећи „Да ми тко другїй то рече, но Маши! — И — хоћу ти дѣйствително освѣдочити! — О я нещастный на свѣту, ако то буде! — Ахъ! немогу я мира и покоя имати, докле то неиспытамъ, сад целый ћу дворь узнемирити, само да видимъ што е то. Ово рекши хитросе окрене и оде.

Царица сирота їощь по породьаю никудъ не излазаше, нити што знадяше, какову мрежу лажь ей сплетье. Царь пакъ уеди-

уединившисе у собу, погрузисе у слезе, коими мало сердцу своему оплакшавъ, отложи прежде испытъ по двору чинити, нежели се найпре што отъ матере, као што му е се и обѣцала извѣсти. Ова много о томъ майсторисаюћи, какоће лажь свому Сыну за едну праву истину, потвердити, Царицы досадити и главе ей доити моћи, смисли овако „найде ед-ногъ придворногъ служителя, юношу у найболшемъ цвѣту, подкупи его и рѣчми ласкателними дотле избезуми, да се усуди едну ноћь покасно съ нею у царичину собу унити! царицы успаватой у постелю спустити се и загерлити ю, ободраваюћи его, да се ништа не бои то учинити, зашто е то вели, за едну жену коя е скоро родила, здравїя ради нуждно, да ю мушко мало теплотомъ отъ себе, поугрѣе и сотимъ почерпнуте оне у породу силе ея мало обнови и окрѣпи: а яћу приложи, овдѣ предъ врати постояти. Овай младый будала помысли тако е, и ово полакомисе за новце, ово пакъ съ тымъ препоручитисе царевой матери у милость, а при шомъ нїе заръ ни смѣео, као царицы таково што ни отрећи, склонисе убо, и учини, што мусе рекне, легне лагано и царица его и не осѣти Злоковарна ба ва умѣсто задержатисе по обѣщанїю предъ браты, поити садь царю „устай и оди Сыне, садь да видишь и увѣришь се како ти е Кассїа твоя вѣрна! — Царь скочи, сче-

па

па мечь у руку и полети за матеромъ: кадъ у собу, има шпа и видѣши юноша съ нею! Кои спазивши царя, страхъ и трепетъ сквозъ цѣлый животъ свой осѣти, кровь мусе чисто у немъ смерзне, и скуписе подъ їорганъ, ни паре изъ себе несмѣ да пусти. — Царь гнѣванъ разярень, и нечаяно удивленїемъ садь пораженъ, за нѣколико магновенїй укоченъ стоећи погледи на матерь и проче и приступи ко кревету, види ю како шихо спава, и како е ей невинна и чиспа кровь ея лице оруменила, клоне мало и отъ ярости поупишасе.

Нато царица презне сироша и осѣтивши нѣкогъ страногъ поредъ себе, ужаснесе, и врисне „шкое ово за име Божїе! — сопымъ смотри и царя съ прочими“ не пытай бездѣлнице, позиче Мати, шко е, но казуй шко е! „Ахъ! я садь видимъ, да самь оклевешена, возопи царица, садь видимъ до чега лажь и невиннѣйшаго человѣка довести може! о я бѣдна! о я една несрешьна на свѣшу! мени есе ово и предсказивало! — сопымъ дьипи съ кревеша, и клекне предъ царя, на шо юноша скочи, и изъ ошчаянїя устремисе къ врашма, но Октавїанъ лупи его по полъ главе мечемъ, и съ земльомъ его состави! — Царю мой, Господине мой! слезами поливена клечећи вопїяше царица, умѣрипе себе, уполипе мало гнѣвъ свой, высше преварени о коль страшно преварени! — о Небо! о всевыш-

нїй

нїй Боже ты ми еданъ можешь быти свидѣтелъ мое невиности! — Ахъ! — Ваша свѣтлость имайте стерпѣнїе извѣстити-се, за волю божїю, ово су ваша дѣца, два ова невина млденца, два красна цвѣта наше брачне любови, и двѣ чисте капле царске ваше и благородне крови, но высте — Молчи бездѣлнице, повиче у ярости баба, їошь се усуѣшъ говорити! што ю терпишъ о Сыне! на смерть и ню и копиладъ исту на смерть! и можешь ли молимъ те као памећанъ мужъ више рѣчемъ ея нежели собственима очима своима вѣроваши! Та есил' садь запекао, есил' очима садь видио овогъ блудногъ Сына поредъ нея, пакъ їоць терпишь изговоре ея, о чуда! — Царь съ низпущеномъ главомъ къ земли поѣупи, и узданувши рекне, о Кассїе! Кассїе моя! Кадъ бы шы мене о томъ увѣрити могла, поне толико да су ова два невинна ангела моя, шо бы я лакше мою тугу за ово швое преступленїе, кое самъ очима видїо, претерпѣти могао, али! — устай! уклони ми се мало испредъ очїю! водите ю у другу собу, и позоръ дайте на ню.

Нато еданъ Министеръ „Ваше Величество! увреждение е ово за ваше царско лице, и ваше толь чувствително Сердце, велико, обаче мы молимо умѣрите се мало, да предузмемо дѣло ово на строго испытанїе, можно даѣе оно со свимъ другочїе изити, нежели, што се намъ у первомъ

вомЪ овомЪ устремленїю види: дужность е наша ню точно сослушати, и видѢти, хоѣеду ли изговори ея каково мѢсто имати. Да видимо, да нїе шу какова злоба, и хитро каково коварство бѢду на ню бацыло: о Ваше Величество! више путїй лажь тако се у истину претвори, да ю ни проницателнѣйшїй умЪ познати не може! — Нато баба „сЪ таковомЪ вы и повседневно своего царя заслѢпляваше, и садь ето на очигледь вараше его, при дѢлу са свимЪ освѢдочену навлачите му завѢсу на очи: то е ваша благородна вѣрность, то е заклетва, поразила ВасЪ! велико его на васЪ повѣренїе дотле е его заслѢпило, и дотле вѣнь довело, да се онЪ на себе више ни ослонити не смѢ!“ Имайте милость, отговори МинистерЪ, поштадите насЪ отЪ таковыхЪ рѣчїй, мысмо слуге цареве, но при томЪ и раби Божїй, мы свагда совѢсти нашей подЪ отговоромЪ стоимо, мысмо дужни сЪ терпѣнїемЪ свако дѢло на разсужденїе предузимати, а вы купно, и са свѢтомЪ, можете о нама мыслити како хоѣете, можете, и говорити што вамЪ е воля, мы то увниманїе и не узимамо.

СотымЪ униду у другу собу, и царь сѢдши на канапе, понуди и проче мѢсто узети. На то униде и ДагобертЪ краль Францоскїй, коисе отЪ нѣкоего времене, као гостЪ ту при Октавїану нахождаше, овай его садь посади до себе „Любезный мой;

мой; почне царь, вы видите колико самъ я несрећанъ, коего су многїи до данасъ благопелучїю завидили, видите, како ме судба съ верху моего рѣдкаго щастїя, немилостиво у юдоль плачевну низрину! ели то попущенїемъ Промисла Божїя, и есамь ли я ово заслужїо, или е самъ ангелъ сатанинъ то кодъ Бога, за мое заръ, каково преступленіе, исплакао, да ме на ово искушенїе бацы, кое све силе мое превосходи, ели велимъ тако не знамъ, но то едно знамъ, да садь мене за едногъ найнесретьнїегъ человѣка на свѣту быти признаемъ! — о Боже! — о Кассїе, што учини ощь мене? Честь моя подъ царскимъ вѣнцемъ, и нѣжнѣйша любовь моя къ ней, сердце мое на двѣ части садъ немилостиво раздири, разумъ мой измежду нихъ равновѣсїе держећи, мученїе му увеличава: опростити ей съ погубленїемъ мое чести, не могу, а посубити едну душу, съ коїомъ ми е сердце мое скопчато, значи за мене столпъ онай срушити, на комъ е мое щастїе до данасъ утверждено было! Садь што знамъ чинити? Ахъ! —

При овымъ рѣчма улети стара као бѣсномучна у собу „Царю! но и Сыне мой! ако ты ей за таково преступленїе садь опростишь, то я као маши твоя, коя толику срамоту снеши немогу, идемъ скочити у Тыберъ, или у найкрайню собу затворитисе, и остапокъ жалостногъ могъ живота уней до послѣднегъ могъ ча-

са

са оплакивати, и свѣтусе више не указати! прудиħу се мени и изЪ главе избити, да си мой СынЪ быо и изЪ моихЪ персїю перву рану прїймїо. О ако си ты толико нечувствителенЪ на честь твою постао, я нисамь! Едали е она една на свѣту, да мыслишЪ, бытиħешЪ несретьанЪ акосе ея лишишь. Срушиħетисе столпЪ щастїя! каковесу то рѣчи? каково малодушїе? Нейма више жена на свѣту, онаковыхЪ креатура као и она? Срамота за тебе, а їощь веħа за мужескїй полЪ, не безчести поне полЪ овай, кои женске као какове креатуре треба да взира, а не да имЪ се тако подлодушно отдае, и верховно свое щастїе у едной слабомощной жени находи! Садь видимЪ да е слѣпа твоя кЪ ней любовь и мужество твое разслабила, чувство кЪ чести угасила, и со свимЪ те успавала и учинила, да и заборавишь на себе, шта си быо! яо ниси ты жалостной мени таковЪ быо, но тако-вымЪ те она поганЬ учини, она те до тогЪ унинїя приведе: чини убо отЪ садь што ти драго, я веħЪ видимЪ мое доброютро; видимЬ да помоħи неима! сотымЪ изиде. —

Е моя мати право си и рекла, дасте креатуре, но кадЪ е судба наше щастїе сЪ вами скопчала, неможемо безЪ васЪ ни быти: жена е убо едно нужно зло! — Жена е честна, любезный мой, прехвати краль, вѣнецЪ мужу, но зла и неугодна, еданЪ

немирЪ

немирЪ и сердцу смущенїе. — АхЪ, а што я знамЪ о моей Кассїи мыслити приложи царь, она е мени вѣнецЪ была, кой самЪ я далеко царскому вѣнцу предпочитовао, обаче — садь видимЪ дасамЪ се у томЪ варао: и кадЪ е кодЪ нея онакова притворность быти могла, ясамЪ не знамЪ штоѣу отЪ садь о женама и мыслити. Но зачудо ми е, рекне еданЪ МїнистерЪ, да се тако яко ихЪ величество, царица, противЪ нея ожесточила, изЪ рѣчїй ея судити не види ми се, да ю честолюбїе до оне яросги доводи, но нѣка потайна злоба ея, и ако се не варамЪ, аки бы се чисто она и радовала, што е снаха ея у то зло пала. То е женамЪ почти свїемЪ као слабїимЪ полу свойствено, приложи царь, оне су пристрастне, оне и при маломЪ сердца своего движенїю, восхитесе, и предѣлЪ прелазе, кадЪ кого хвале, превозносе его до неба, а кадЪ се противЪ кого ополче, стерале бы его и у АдЪ. Она е на мою, до душе и прїе мерзила, и на ню рѣчи нѣке мени и доносила, но я нисамЪ хотѣо вѣровати, докле ми нїе ето за свѣдочила, зато се садь и на мене люти, а већЪ ню бы, да е у власти ея и на смерть осудила, обаче я то чинити немогу, яѣу ю отЪ мене оттустити, некЪ узме свою дѣцу, пакЪ некЪ иде сЪ милымЪ БогомЪ кудЪ хоће. Я ю више терпѣти, и срамоту мою поднети немогу. Случай овай, койсте и сами видѣли, мое є сердце кЪ ней на-

навѣки затворїо: кадъ ю убо любити, као што самъ ю любїо, не могу, како да ю терпимъ, и очима гледимъ. Само то ми е садь жао, што онаго ниткова не претерпѣхъ, да его испытамъ, отъ кого е времене онъ съ нею заблудїо, есули дѣца отъ него, или е она їощъ съ кимъ смѣсу имала, и прочая: ал' вѣнъ садь е касно, ню пытати, ніе ползе, казати ми и исповѣдити несмѣ, буди бы ю и на смерть осудїо.

Ваша свѣтлосшь, милостивый царю! рекне еданъ найстарїи ошъ Мїнистровъ, Ихъ Величество. Царица (мати) наречито отъ насъ то и захтѣва, да ю на смерть осудити имамо, обаче то мы никоимъ начиномъ чинити неможемо, будучи да исто дѣло ея, сотымъ, што есе онай бездѣлникъ кодъ нея застао, нїе їощъ доволно засвѣдочено, да идѣца нису ваша собствена царска кровь, нити смо пакъ їощъ и царицу точно саслушали, може ту и какова бѣда на ню быти. — „Какову убо пристойну ей казнь упыта царь, да се ей учини, за право налазите? Ваше Величество, отговоре судїе, будучи даесе онай младъ человѣкъ при ней, као што смо видѣли, застао, то заслужуе смерть; обаче да їощь и то не спои намъ извѣстно, како е было, ели она и знала, кадъ есе онъ, може быти на важденїемъ чїимъ, и подкуплѣнъ отъ кого то учинїо, зато доклесе годь и най-

менша

менша сумня за истину не призна, осудити ю на смерть неможемо, но даю отпустите: дѣце пакъ што се тиче, ни толико неможесе садь доказати, да е каковъ іощь онда браконарушитель ей быти могао, на кого бы подозрѣнїе пало, зато дѣцу отбацыти неможете. Нато Краль Дагобертъ " Ваше Величество, изволите дѣло ово добро на разсужденїе узети по момъ мнѣнїю болѣе и подъ сумньомъ дѣцу за свою задержати, нежели изъ малого подозрѣнїя оваго садь у ярости отбацыти ихъ, и потомъ аки судба отъ кудъ дѣло вамъ откры е, да су ваша или ако и не откры е, за отбачену дѣцу ако дойдете у раскаянїе и на вѣки ужжалите. Зато я за непристойно тако осудити налазимъ: зашто, гдѣ е подозрѣнїе, ту е и сумня, а мы кого за дѣло, коесе подъ сумньомъ находи, осудити неможемо; но найпосле ню отпустите, кадъ иначе быти неможе а дѣцу задержите, и дайте ихъ лѣпо, као свою собствену воспитати, пакъ ће вамъ само време показати, да нисте погрѣшили.

Ове рѣчи коснусе царю сердца, онъ заключи, дѣцу, буди и подъ сумньомъ, да су егова задержати, а матеръ имъ отпустити но есть! скочи стара, упресе изъ петныхъ жила, сына преобрати и цѣломъ суду преодолѣ, да како царицу, тако и двое дѣце ея абїе изъ двора имаю операти, што више мало нїе царя и до

то-

шого довела, да ю купно съ дѣцомъ погубити даде, кое бы быо и учинїо, да се благодушнїи Мїнастри нису противъ того ополчили.

Садь убо царь даде ю предъ себе довести, и со наводненима очима погледавши ю, у сожалителной нѣкой яростн рекне ей, проклета, нек' ти буде любовь моя, ты си мене несрѣћнымъ учинила! преступнице една, коя си подлу кровь съ моїомъ царскомъ кровїю смѣсивши, славу мою много помрачила, штаси садь заслужила съ твоїомъ копыладїю? Она, као сужна съ ниспущеномъ къ земли главомъ споећи, повуче красне свое очи на любезногъ своегъ супруга! изъ коихъ ей двѣ чисте, и бысеру подобне капле низъ печално лице ея сроне се „милостивый царю, Господине мой, клекниувши рекне му, я већъ видимъ да мени изговори мои мѣста неимаю; видимъ да васъ о моей невиности увѣрити немогу, поступите убо са мномъ како е ваша воля, яћу быти жертва, или смерти, или мученїя, само смилуйте се на она два невинна младанца, коя, ако и невѣруете да су ваша, у чемъ су могла она што согрѣшити и участїе моего преступленїя имати да се на смерть отсуде; смилуйте се о царю мой, као на созданїе Божїе. Бога ради смилуйте се и опростите имъ животъ, яћу ихъ буди кому на воспитанїе вручити, найтиће се зарь Хрїстїанска коя душа да ихъ се прїйми, и съ ко-

лико я на милость Божїю, и мою невиность съ чистомъ моїомъ совѣстїю оснывамъ, време ће само Вашему величеству освѣдочити, да су она отъ собствене крови ваше, коя ће имъ скоримъ временемъ и све чертице на лицу, собствене ваше царске повући, а како е онай несрећникъ дерзнуо къ мени дойти, я не знамъ, осудите ме живу спалити, я не знамъ, нит' самь осѣпити жалостна могла, кадъ есе у мою собу подкрао, но то вѣруемъ, да е подкупленъ, и да е оно бѣда на мене! Ваше величество — на то царь, доста повиче, устай, глава ми е већъ обтереће на, и чувства су ми већъ у мени утернула, слушаты те не могу, я ти животъ працамъ, иди! и нека ти Богъ суди носи и твою копиладъ, да ми се еданъ путъ смири душа моя у мени: иди и да се више нигдѣ у моей земли свѣту не укажешъ. Да насъ се спреми, даће ти се што на путъ, пакъ сутра нека те мои люди до границе пропрате и отпусте, яћу сердце мое разуму подчинити, и честь мою любови твоей, у коей самь се варао, предпочитаюћи, трудићусе на тебе конечно забораваши, а ти како ти Богъ да, коего си святу волю преступила, или како ти ангелъ сатанинъ да, кой те е на таково искушенїе и привео.

Она на то бризне на ново плакати, и полети къ ногамъ царскимъ „Царю мой, Милостивый Царю, благодаримъ за ми-

милость! благодаримъ за дѣцу, више него за мене и бѣдный живошъ мой „благодари паче овой Господи, приложи царь, а я не знамъ како бы ши опростїо. На кое она у трепету суща бацы садь погледъ свой са страхопочитанїемъ и на ове, у комъ чувствителнѣйшу благодарность свою свїемъ тако изяви, да е свакому почти и слезу изъ ока произвела.

Сотымъ изведу ю садь на полѣ, гдѣ ю многе дворске даме, слезами поливене, онако чувствомъ разслаблену, милостиво прихваше о невинна жертво! свака ю герлећи вопїяше, о света душо и дико женскаго пола, шта се учини отъ тебе, и до шта дойде! — Ахъ любезне мое, їецаюћи проговори царица, умѣритесе и самномъ за едно, їошъ ме нїе Богъ са свимъ оставїо, Царь мени животъ опрости, даде ми и дѣцу, и сутраћу рано, по наредби его, васъ и отечество оставити, ахъ за вовѣкъ васъ оставити, кудъ ћеме судба моя отъ вести, и какоће далше са номъ поступити не знамъ!

По доволномъ садь плачу, и сѣваню стану ей за путъ спремати: напуне ей едне велике бїссаге разнаго вида єла: Колача, пацета, печеня, три чешыри бутеле изряднаго вкуса ко подкрѣпленїю слабой вина; ко тому за свакїй случай и коекаковихъ теевъ, пуну едну кесу дуката, и едну кутїю драгоцѣнныхъ адїдьаровъ, и одѣянїя, сва ова дворске даме

їощь

їощь у вече ей справе, и потомъ већу часть ноћи съ нею у плачевномъ разговору проведу, тѣшећи ю и у вѣцаваюћи, да се само на промыслъ Божїй ослони, да безъ промисла Божїя ишшта се не сбыва. Да судба Божїя више путїй добродѣтель на искушенїе бацы, но опеть не допуща да мерскїй порокъ надъ нею побѣду одержи, да невиность лажь буди кадъ низвергнути буде, даће Царю буди кадъ, време очи отвориши и даће онъ самъ видѣти, како е страшно преваренъ био. И тако далше съ нею време проведши, оду спавати, но санъ царицы едва, и то предъ саму зору очи затвори.

Сутрадань двороправитель, кой е наредбу їощъ увече отъ Царя прїймїо, даде извести, и осѣдлати царицы едногъ великогъ коня, на когъ сада све што е за путь преправно было, натоваре: Цѣлый дворъ, и толикїй около двора народъ у трепету нѣкомъ и туги великой царицу видѣти, кадъ пойде, чекаше, коя кадъ имъ се, плачемъ разслаблена, и многими дамами окружена съ двое мало дѣце, ука же ни една се заръ душа ту отъ плача не задержа. Она рѣчце проговорити не могаше, но само часъ на едну, часъ на другу страну народу се кланяше. Најпосле двигну ю на коня, и додаду ей два повїена младенце, коя она намѣстри предасе на маперне крило свое, и погледи на небо, погледай о всевишнїй, возопи, ко-

го данась погибели предаетъ! — На то изиду 8, одабреныхъ юнаковъ на кони и вооружанїй, кои ю садъ узму себи у среду, двороправитель приступи къ ней и пружи ей едну кессу съ новцы, кою ей Царь на путь послао и тако изъ дворасе крене. Полети народъ за ними громилами, и далеко ихъ изванъ града, докле е допущено было, къ едной гори устопце изпрати; потомъ стоећи, еднако су за нею гледали и плакали, док' имъ нїе већъ и за еданъ холмъ, као сунце увече на западу, изпредъ очїю изчезла. Царь е се съ матеромъ у собу затворїо био и сквозъ прозоръ ово гледаюћи, непрестанно плакао, и да нїе его маши еднако пострекавала, и отвраћала како е онъ иначе благе природи био, можно дабысе и раскаяо био, и опетъ ю помиловао но всуе! исполнисе врагу воля. —

И будући да е юнакомъ истымъ заповѣдьено было, а нарочито от старе царице, да ю далеко отведу и у какове густе шуме, и дубраве заведу откудъ неће моћи вите ни изити, но ту, или от звѣровъ да расторгнута буде, или блудећи съ дѣцомъ по непроходимой пустыни отъ шуге гдѣ скапа и съ дѣцомъ се сконча: зато ови повинующисе царской заповѣди, кою за животъ преступити нису смѣли, тако и учине. Заведу ю сироту далеко у густѣйше нѣке шуме, около койхъ на све стране зїяу бездне, и глубоке дубраве,

кое

кое се по сву ноћь рыкомъ левовъ ужасно разлежу! — Сунце се већъ къ ноћи приближаваше. Сійдьусе ту, и по одморивши коне мало, заплачусе и опросте съ нею сѣдну опеть на коне свое, и у великомъ сожаленію одў, а ню саму съ неякомъ дѣцомъ оставе!

Садь шта е сирота овдѣ знала чинити, но завида да найде какову пещеру, у коюћесе преко ноћь склонити моћи, да ю или звѣрїе не найде, или какова зла погода времене не ухвати. Пойдье убо оваково себи прибѣжище тражити, и наиде на еданъ богатоводный источникъ, надъ кой се една ужасне величине стѣна испучила, и тако понагла бяше, да великій просторъ земле вкрай источника у суво содержаваше. И будући мѣсто поузвишено, свиди се ей и отъ звѣровъ по нечесомъ безопасно быти, зато установисе овдѣ. Пусти коня на едно долго уже свезана, да пасе; накрши зеленыхъ гранъ, и начупа мирисне оне планинске траве, те направи себи съ дѣцомъ постелицу. Потомъ извади изъ едне кутїе едну малу иконицу, крестъ и броянице: обѣси ихъ себи челоглаве; и помолившисе Богу, легне; онако цѣлый дань на коню иструцката, и отъ многаго плача и туге разслаблена, сведе очи и поредъ дѣце заспи. Журсанїе ниспадаюће отъ источника воде; тако ю яко на краткои у лѣто ноћи успава, да сироша и не осѣти

 ка-

како ейсе еданъ великїй Маймунъ прикраде и едно дѣте онако повито лапи у зубе и отнесе! —

Кои удалившисе сквозъ шуму съ дѣтетомъ изиде на едну зелену поляну. Спусти овдѣ дѣте тихо на мекану и росну траву, и хотяпе его голо видѣти, развїе му убо пеленице сѣдне поредъ него и почне его забављати и вмѣсто осмѣяватисе на него, стане му кесити зубе и рушавими шапами миловати его по нѣжны его образчићи, као мати, да бы се ово на него тобож' насмѣяло, нїе обаче ово ни природно было, но дѣтесе на то їощь расплаче; и почне изгласа кувекати. Нато промысломъ Божїймъ, кой е невиность ову и хранїо, удари нѣкїй Господинъ на коню са своими служищелми кои е у ловъ изишао био: чуе гласъ дѣтинъ, поиши шамо. Но Маймунъ его усмотривъ, счепа дѣте у свое шапе, двигне его себи на раме и стане бѣгати. Господинъ удивленъ, полети, на коню за нимъ испорг-не мечь и стигне его. Маймунъ садь раздраженъ, и не бяше радъ дѣтепа се лишити, кое садь и не бацы, но лѣпо его на землю спостивъ, устремисе прошивъ Господина, и веѣъ съ коня да его свали, одере му и комадъ хальине. Но при томъ лоша му срећа буде; лупи его Господинъ мечемъ и десну му мишицу скреше. Несмысленый овай звѣръ садь їощь већма разяренъ полепи къ нему на ново, но счимъ

ово-

овому се приближи, онЪ скочи сЪ коня на землю, и онако сЪ ногу удари его мечемЪ по полЪ главе, и саспави его со земломЪ.

Садь подвигне дѢте, завїе его опеть у пеленице, сѢдне на коня и склони его поредЪ себе подЪ япунче, мыслећи у себи: отЪ кудЪ да вражкїй МаймунЪ ту у пустини дѢте найде, и украде! што му драго найпосле рекне, яћу его одранити и за сына у зети. Роди се и сунце.

Садь Г. пойде ко оной страни кудЪ су му служители на предЪ подобро удалилисе были, провидѢти предѢлЪ, да имЪ ГосподинЪ ту гдѢгодь на какове разбойнике не наиде: приспѢвши убо кЪ овымЪ, покаже имЪ дѢте, и проповѢда имЪ цѢлу повѢсть на кою зачудесе служители, и станусе гротомЪ смѢяти и жалити, што се нису ту и они случили.

ОдавдѢ садь продолже путь свой преко шуме, мало и у бриги што нигдѢ на путь не излазе. Подолго тако безЪ пута тумараюћи сЪ конми, наиду найпосле на нѢке разбойнике, коихЪ 10, бяше и у исто време еднаго человѢка оплѢнили и убили бяху. Ужаснесе ГосподинЪ кадЪ его ови 10. садь внезапу тако окруже, да имЪ у маћи нїе могао; мысли у себи, како ће имЪ се сЪ три своя служителя и ополчити моћи, но у нужди на што неће человѢкЪ дерзнути; онЪ по мысли на Бога, пакЪ изсуне мечь свой ово учине и его служители, и залете се на разбойнике;

ке; ГосподинЪ запегнувши Мишцу свою, пакЪ пуфЪ еднаго мечемЪ по глави! овый падне, три четири нихЪ, кое онЪ, кое слуге его ране, тако да и оружïе изЪ ру-ку испусте. На то прочи сбунесе, и по-вичу на Господина: доста престани вѣнь, ми на тебе нећемо, но дай намЪ то дѣ-те, зашто, ти тако лѣпЪ и младЪ га-валерЪ мораоси гдѣ отЪ каковаго великаго Господина, или и кияза то дѣте украсти. ГосподинЪ на то: нïе истина злодѣи ед-ни послушайте само, да вамЪ кажемЪ ка-ко е! ІасамЪ ово исто дѣте отЪ еднако Маймуна едва отео; ако хоћете еноћу вамЪ показати и мѣсто, гдѣ самь его у-бïо ено ложи мертавЪ, разсѣкаосамь му главу, и сирото дѣте избабïо; а чïе е я не знамЪ, но я его вамЪ не дамЪ пре жи-вотЪ мой него дѣте.

Разбойници се на то разяре скоче сло-жно на Господина, и по долгомЪ сЪ нимЪ боренïю побѣде его и дѣте му отму. ОнЪ се садь описне са свои служительи на коню бѣгати, разбойницы ихЪ до никле потераю, но опеть вратесе.

Узму садь дѣте, и баце медьу собомЪ жребïе, ткоће садь медь ними ово дѣте мораши носити. Жребïе падне управ' на поглавицу. Овай понесши дѣте за нѣко-лико часовь, досади му се: знатели што рекне имЪ, я ово дѣте носити више не могу, но штоћемо чинити сЪ нимЪ? оно е кукавно и гладно сЪ чимЪ ћемо его на-

рани-

ранити? на кое еданъ: будући да е дѣте шако лѣпо, а благозрачно, безсумнье оно е и отъ великаго рода видите какове су му очице полне живости, какова успашца мала, устнице, као кармазинъ, како му е Господскїи носићь и у тѣлу бѣло као снѣгъ, мора бити отъ каковогъ великогъ Господина; зато мой е совѣтъ шай, да мы то дѣте отнесемо ето на море, и онде его продамо шерговцемъ, кои се у престаницу налазе. На ово се садь согласе сви; но дѣте гладно, бяше се расплакало, зато успутъ найду на нѣку пастирку коей даду, ше его надои, и сошимъ пойду къ морю; путующи имъ мало найду на онаго убїенаго Маймуна, съ коимъ се садь увѣре, да е онай Господинъ заисто ово дѣше отъ Маймуна оптео, и сожале, што су его онако напали были. Приспѣду убо къ приморїю гдѣ множество людїй застану, измедьу коихъ найдесе еданъ, кой као изъ шале, запыта, бы ли они продали то дѣте, и чие е? Чїе е, отговоре ови ми ни сами незнамо, еданъ Господинъ, бывши у лову спази Маймуна, гдѣ дѣте носи, устремисе за нимъ на коню стигне его и убїе, а дѣше узме и намъ поклони, съ налогомъ, да его гледимо каковому шерговцу продаши; зато ако имаше волю, да се погодимо, видите како е лѣпо, гледи као соколъ, безсумнье Господскаго е рода, и по свой прилицы чадо любве, узмите у-

бо его Господару, отъ оваго їоць може великїй мужъ быти, а пошшоѣете его дати? „разбойницы согледавшисе“ Господару! за овакову малу робу, да не чинимо много рѣчїй, дайте намъ 40. фунтїй шперлїнга, пакъ носите его! „хо, хо! 40. фунтїй шперлїнга, та висте то дѣте гдѣгодь украли, пакъ его продаете, као дасте его и сами купили.“ Можете говорити, што вамъ воля, но мы его лакше не дамо и мы его украли заисто нисмо, но управ' да кажемо отъ еднаго Господина силомъ отели, кое нїе ни безъ наше шпете быти могло. „Но! даѣу вамъ 10. фунтїй, тое доста, прїймите новце, да се съ нимъ нетепате. „ Не можемо дати отговоре ови и хотяху ити.

Нато нѣкїй благочестивый мужъ, кои у истой галицы бяше, именемъ Клеменсъ, родомъ изъ Парїса, богатъ будуѣи, ишао у Іерусалїмъ на поклоненїе святому Гробу Хрїстову, и садъ као адчїя врашїо се бяше, и иде у Парїсъ „Юнацы, рекне имъ, дайте то дѣте овамо, ево вамъ 30 фунтїй Шперлїнга! ови му дѣте таки принесу, кои, како его видѣ, залюбисе у него „овако лѣпо дѣте, помысли у себи, мора отъ великаго рода быти, но како е его промислъ Божїй, овако малено као нѣжный цвѣшакъ, неизвѣстной судби предао, и защто то; Богъ зна! доволно е, продолжи у себи, дае его Промыслъ небесный шако чудесно сохранїо! На то извади новце,

це, и плати разбойникомъ, пакъ дѣте узме.

„Нашъ адчїя види се да много новаца има, рекне еданъ, кадъ за едно копиле толику сумму даде“ можно прехвати другїй рѣчь, да се нїе много потрошїо у Іерусалїму на свята мѣста милостинье раздаваюћи! Колико я имамъ, и коликосамь потрошїо, отговори Клеменсъ, я вамъ рачуна даваши нећу, но дѣте милуемъ, и имамъ съ чимъ хвала Богу и срећнимъ его учиниши, а какоће и ово кодъ Бога примљено быши, я не сумнямъ зашто да нїе нѣко благоволенїе Божїе о овомъ дѣтету, не бы ли оно у оной пустини погинуло? отъ кудь да его Господинъ онай отъ Маймуна отме, и како да оно разбойникомъ у руке падне, и ови нарочито да его мени продаду! о люди! нїе то безъ промысла Божїя; ништи я вѣруемъ, да е оно отъ беззаконе крови зачето: есшь нѣка тайна овдѣ, кою зарь самъ Богъ зна, зашто се убо я не бы Бога ради овакова дѣтета прїймїо? Сотымъ затвори онимъ уста, мыслећи у себи каковихъ людїй на свѣту има, ради су и у самомъ благодѣянїю другому границу нѣку поставити! шта се нихъ то тиче! свакїй е властанъ са своимъ располагати; али пакосно сердце не може ни добродѣтель да терпи.

Но будући, да садь добрый нашъ Клеменсъ, и съ прочы нѣки адчїями одавдѣ

дѣ путь у Парїзъ имадяше, и по као адчїя пѣше, зато найдесе садь у чуду, какоће дѣше носити. готовосе и раскае, што его купи, но опеть, што Богъ да рекне: онъ е већь мой Сынъ и я као отецъ стараћу се за него, овоће моей жени, говораше наймилїй даръ быти, кои ей овако съ дална пута носимъ, но знаше што е, рекне дружству, я садь морамъ пражити овдѣ у селу и едну жену, да его поне до дома моего млекомъ припитава. Дружство му то одобри, и придода, да купи и едну мазгу, да се такова жена пѣше ходећи съ дѣтетомъ не мучи. Клемансъ абїе то учини, прнспѣвши имъ у село, найде жену, погоди ю не само садь у путу, но да ю и у Парїсу у дѣтета ради задержи: купи и мазгу, на кою и ню и дѣте натовари, и тако путь предузму, радуюћисе у себи какоће мусе садь синчићъ его, малый клаудїй, коего е дома оставїо, срадовати, кадъ види и малаго брата, ако ми вели, досадъ Клаудїй не буде већь за толико време у моемъ отсутствїю и умрео; будели се Божїомъ вольомъ и то сбыло, а оно ћеми овай и сынъ и наслѣдникъ быти, само ако Богъ да, теми добарь буде.

Путуюћи имъ овако у Парїсъ, гдѣ бы се годь зауставили, Клеменсъ не могаше се доволно дѣтета намиловати вѣруйте ми; рекао бы дружству, да е самымъ промысломъ Божїимъ овосе сбыло,

да

да невинный овай и овако безсловесенъ іоць младенецъ у мое сердце толкне, и у немъ ова нѣжна и родителска къ себи чувства побуди; знатели, да бы я за ово дѣте умрео, и да его нисамь изъ преко моря добыо, чисто бысе платїо да мусе откудъ родители не найду, и да ми его не отнесу, ал' овако мой, и вовѣкїй осшае сынъ мой, само едва чекамъ да дойдемъ дома, и дамъ его крестити, но морамъ му лѣпо и име дати, велимъ Флоренсъ да му буде име тое лѣпо име! *Долази отъ латински Флосъ цвѣтъ, и мы имамо ово име. Цвѣтко*

Сотымъ приспѣдю у Парїсъ славнѣйшїй престолный градъ Францускїй, гдѣ нашъ благочестивый Клеменсъ, отъ своихъ сограждановъ любезнѣйше дочеканъ буде, сви кои су его познавали, съ еговомъ женомъ малымъ сыномъ, и цѣлымъ его сродствомъ полете му садь на срѣтенїе. Первый му вопросъ поздрававшисе, и поцѣловавши съ нимъ учине, откудъ му е дѣте; ясамь его отговори имъ чакъ изъ преко моря донео, но маши му сирочету у пушу умре, и ето узмемъ му то челяде да его негуе. До душе, смѣшећисе, добросердечный старецъ, да му е маши живила, волїо бы, него ову, коя ей мѣсто заступа зашто, маши е маши. Сотымъ ступи у Градъ, и дойде дома, гдѣ его жена съ величайшомъ радостїю, и честно дочека, особито съ великимъ

благо-

благоволенїемъ прїймисе и она дѣтета, не хотяше засадъ отъ своего Клеменса много ни истраживати, да ей управ' каже, чїе е дѣте, и како е его добїо: но любезно согласесе, да ово дѣте какогодь и свое рождено любе, одране, и лѣпо его воспитаю; притомъ, обаче да конечно утае, како отъ малаго клаудїя, тако и отъ свїю у дому, да е дѣте ово отъ но да е ихъ дѣте, да другихъ родителей, его съ Клаудїемъ со свимъ сроде.

Овдѣћемо мы садъ любезнїй мои читатели нашего Флоренса при доброму его отцу клеменсу мало заоставити, и у мысли возвратнтисе опеть у ону пустиню къ оной свакогъ сожаленїя достойной невиности — царицы — коюсмо при ономъ источнику съ еднымъ дѣтетомъ успавлену оставили: да видимо, како е щастїе съ нею далше поступило и убо:

Судби есе ея видѣло мало што е ню по оноликомъ страданїю ея еднаго дѣтета лишили, но на веће, валда ея у страданїю искушенїе, отузме ей и друго дѣте! — зашто како ей Маймунъ оно дѣте, о комъ рекосмо похитїо, таки се и левица една изъ шуме прикраде, и ово друго дѣте онако повїено узубе счепа, пакъ бѣжи! Но на шумъ онай и плачь дѣтета, тергнесе сирота мати, бацы очи, и съ ужасомъ видѣ како ей левица дѣте отнесе! врисне изъ гласа, скочи на ноге

ге и полети кЪ коню, на коего кадЪ се бацы, да за нею потерчи; погледи, ал' ей неима ни другаго дѢтета! у туги и жалости садь нїе имала кадЪ размышляваши о ономЪ прїе отнетомЪ, но помысли, да е ей иста левица, и оно украла, зато садЪ устремисе за левицомЪ на коню „о проклетый звѢрь, вопїяше, зарЪ ти е мало было, што си едно украла, но отнесе ми и друго! стани любовь те моя матерня окаменила! стани и дайми дѢте мое, сила те вели всевышня поразила! и тако на коню слегнесе за левицомЪ што игда могаше, но есть! ова умакши у густолиствену шуму изчезне ей испредЪ очїю ово обаче маперь у отчаяннїе їощь не приведе, любовїю кЪ милому чаду своему распалена, нагне сЪ конемЪ, и преко шуме, необзирующисе ни мало, што ей тернове гране халине деру, и сву ю сироту изгребу. АхЪ я бѢдна жена, ахЪ прежалостна на свѢту мати! запѢвающи плащашесе; о всевышнїй Боже, о христе сладчайшїй! до какове ме пропасти судба моя доведе! зашто ме поне у бездну ону вечь еданЪ путЪ и не низрине, кою ми е зарЪ давно вечь и преправила, да списнемЪ очи и ове жалости не терпимЪ! о создателю свѢтовЪ! заклинѢмЪ се именемЪ твоимЪ, и цѢлымЪ твоимЪ созданїемЪ, да я дотле смиришисе нечу, доклегодь онаго звѢра не спигнемЪ и емусе за мою дѢцу не освѢтимЪ! ахЪ коя бы мати у

ова-

ôвакомЪ случаю сердцу своему и одолѢ-
ши могла! —

СотымЪ продре у шуму, и изшедши на поляну едну, угледа левицу, гдѢ една-ко бѣга, садь сирота матн ободе коня и усугуби му берзину его; и тек' даю вѣнь стигне, управи и остріе копя на ню да ю одма прободе, ал' по нещастїю ея, левица стерчи подЪ нѣкїй брегЪ, вкрай едногЪ узаногЪ моря, и док' она почне сЬ конемЪ около брега веругаписе, како да се спусти, левица се устреми на воду! Она на то врысне, скочи на землю, и полети ей сЪ копїемЪ у руцы на воду, но всуе! левица преплива у едну адицу, и замакне за едну гору!

Ова сирота, као окаменена стои до полакЪ у води, сЪ укоченима очима гледаюћи на ону страну, кудЬ ей звѣрЬ сердце ея опінесе плачь дѣтета раздираше утробу ея. Найпосле уздане, изиде изЬ воде и погледи на небо „ели ово твоимЪ о небо, попущенїемЪ? — Судбо моя хоћетЪ ли се вѣЬ еданпутЪ уморити, гониши ме!

У овакомЪ обаче крайнемЪ отчаянїю ея, промысломЪ БожїимЪ, кой ю неоставляше, падне ей на другой преко воде сшрани, една Галїя у очи! и будући при узаномЪ ту морю, могаше люде довыкати. Клекне убо на брегу спрама нихЬ и двигнутима рукама почне ихЬ звати, и молити, да ю на чамцу пренесу у островЬ

онай.

знай. Овисе смилую, дойду съ чамцемъ великимъ, и принесу ю съ конемъ чудећисе откуда ту у пустомъ мѣсту такова знатна персона! Она спочетка, тко е и откуда е, не изяви имъ се, но замеше мало трагъ свой, и запыта нихъ откудасу они, и кудъ иду; а за себе: я самь една бѣдна жена приложи, отъ свегъ свѣта оставлена, нити знамъ гдѣсамь ни кудъ ћу се обратити; зато Господо моя, я васъ молимъ, за име Божїе васъ молимъ, одобрите мою молбу, прїймите ме съ вами, яћу съ вами кудъ вы, тудъ и я. — „Госпоже, отговоре ови, мы идемо у свя„та мѣста гдѣ се нашъ Спасишель родїо, „живїо, и пострадао; види намъ се оба„че да вѣтаръ намъ на противъ стои, тако мораћемосе, може быти; и нѣколи„ко дней овдѣ задержати. “ о Господо моя любезна! возопи паки царица, да вамъ Богъ свако щастїе даруе, и да васъ у путу отъ сваке погибели сохрани, поведите и мене у Іерусалїмъ, молимъ васъ, дасе и я святому гробу поклонимъ у коемъ е намъ спаситель нашъ благїй отпочинуо; я вамъ нећу ни на каковой досади быти, я прошка имамъ. Газда отъ Галїе, съ прочими на ню сожалително погледи, съ каковымъ се сердца движенїемъ сироша ту моли, смилуесе, и прїйми ю у Галїю. На то поутиша имъ се и вѣтаръ, да су се могли већь кренути, и у име Бога путь свой предузети.

Садь

Садь вопросе изъ между прочегъ разговора царицу, ошкудасе она шу ошъ света шако разлучена находи. Ова видѣћи, дасу шо люди добри, и памешни, оштважисе изявиши имъ се; почне имъ убо повѣсшь свою сказывашти, све по реду, како е она *царица*, и Октавїана царя, законна супруга; како е ню машти его облагала, и царь ю съ двое дѣце оштерао; како е ей левица една шо ютро двое дѣце, кадъ е она заспала украла и ошнела; и како е она исту левицу повїяла, и до шого острова ю дошерала. Люди ово слушаюћи шако се удиве, да ей чисто вѣроваши нису могли: ел шо могући за волю Божїю, еданъ на другогъ погледаюћи, говораше.

Путуюћи имъ овако у разговоуу, преспѣду подъ саму ону часшь острова, на кою е левица съ дѣшешомъ убѣгла. Овдѣ ихъ опешь вѣшръ ухваши; и прину-ждены буду зауспавиши се. Прешераю убо Галїю ко краю, и баце коше у воду. Найдесе измежду ннхъ нѣкїй, кои се усуде на островъ изиши и увеселенїя ради малосе по немъ проиши. Овамо онамо шуда ходаюћи, случайно некако на шрапаю и на едну пешшеру! у кою завирившн усмошре едну левицу, гдѣ съ малымъ дѣшешомъ легла бяше и спава! удивисе садь зѣло кадъ ово видѣше. Говорећи имъ полагано между собомъ, левица осѣши, и шако разярена скочи, и ове окупи, да ови шшо су игда могли, почну бѣгаши, и до-

шерче

терче ко Галїи, задуваши, да су едва дыхали. КадЪ ихЪ садь прочи запытаю, отЪ чего тако бѣгаю, шта имЪ есе догодило? „АхЪ! не пытайте, едва отговоре ови, дасте видѣли веле, чуда! — о што несмѣдосмо кукавно дѣте спасти! “ паче благодаримо Богу, рекне другїй, дасмо и побѣћи могли! учинисе убо садь жуборЪ между свими и момцы преповѣде, како су на едну пещеру нагазили, и у ней едну левицу сЪ малымЪ дѣтетомЪ видѣли, коя е спавала была, но како е ихЪ осѣтила, окупи ихЪ тако, да су едва побѣћи могли. А да нећше то быши дѣте ше Госпоже? рѣчь по рѣчь чуе и царица, сва тронута полети изЪ Галїе на полье: шта е то юнацы, гдѣ е то дѣте, ел’ то истина, или шалу проводите? Нїе шала Госпоже, но истина, обаче коя полза, нипко живый тамо приступити не може; то е страхота видѣти каковый е то гердный левЪ. Нїе оно левЪ отговори другїй, но женско е, зашто нейма гриве! „добро те си и то имао кадЪ гледати.

Царица сирота садь унеспокоисе, овїи ей кажу, гдѣ лежи та пещера, но всуе, опетЪ рекну ей шко бы тамо и за животЪ свой отити смѣо. АхЪ яданЪ ми и животЪ мой, приложи она, кадЪ ово терпимЪ! то рекне и потерчи! На кое овїи “ Госпоже милостива! не шал’тесе, и не играйтесе сЪ главомЪ, та вы у состоанїю ните дѣте свое спасши, а животЪ ћете

безъ сумнье изгубити; та онаковый звѣрь, чимъ васъ увиди, свуѣе васъ на комаде расторгнути, но болѣ да ю гдѣ како привребамо, и убїемо, или акосе кудъ отъ пещере мало поудали да ей дѣте украдемо. Но бѣдной матери ове спасителне рѣчи ни какова дѣйствїя на сердцу не учине, отторгнесе силомъ отъ нихь и на ону страну оттерчи, а ови сгледавши се едань на другаго: но та е вечь прошла! у сожаленїю за нею гледећи рекну, и вратесе у Галїю.

Царица у име Бога оде, и пещеру исшу найде, у кою завиривши види левицу и дѣте поредъ нея съ коимъ се играше, уплашисе тако, да незнадяше, шшоѣе садь чинити, любовь обаче ея материя къ чаду своему ободри ей сердце, она воспряне духомъ къ Богу, изчезне страхъ ей и она клекне предъ пещеру, двигне руке къ небу, и возопи Богу, о всевышнїй вѣхъ шварїй создателю! ты познаешъ, сердце ово материне, сосудъ овай нѣжный, у коиси шы, о всесилне! ово чувство улїо, я шеби садь съ постояномъ на шебе единаго вѣромъ припадамъ, помози ми бѣдной матери, укроти яросшь безсловесномъ овому звѣрю, да ме се жалосшне матере не косне, и да я отторгнемъ отъ ужасныхъ ея нокшей чадо мое! мою собсшвену и невинну отъ швоего помазаника кровь! То изрекши дерзновенно вступи у пещеру, Левица съ негодованїемъ

пре-

превратн очи свое на ню, но ова надеждомъ на милость Божїю и свою невинность укрѣплена, не ужаснесе, двигне дѣте испредъ левице на свое наручїе, поцѣлуе его и изыде.

Но удивленїя достойно дѣло, левица, безсловесный скотъ суща, опечалисе, и пойде за царицомъ, не можесе дѣтета расташи. Кадъ се радостїю, и страхомъ трепещуща маши ко Галїи, левицомъ спровождаема, приближи, чудомъ поразесе съ Галїе люди, срадуюсе царицы, поверве ей и на срѣтенїе; али уплаше се притомъ отъ левице тако, да царицу одма и не усудесе пустити у Галїю, но чекаху, еда бысе ова вратила. На послѣдокъ видећи, да се ова не може дѣтета да растане, на велику царице молбу разрѣшесе пустити ю съ дѣтетомъ у Галїю, тако обаче, да левицу преваре, и у Галїю ю не пусте. Сѣдећи убо царица съ дѣтетомъ на брегу, левица легне на спрамъ нея и еднако у дѣте пильи. Люди на то премакну Галїю ближе брегу, на кои избаце едну даску, и даду знакъ, да царица съ дѣтетомъ ускори по даски у Галїю. Ова то хитро учини, и чимъ и левица на даску вступи, ови щицами Галїю на воду оттисну, и даска падне у воду, сотымъ левица омочивши предне шапе свое вкрай моря, за остане на брегу нюкаюћи, и машећи репомъ, гледаше за овыми. Но чуда! кадъ се ови съ разширены на Галїи платны,

здраво отъ того мѣста удал'е на еданъ путъ чую гдѣ се нѣшто со стране Галїе коперша, и узъ даске гребе; погледу, и имаду щпа и видѣти! левица уплывала у море, стигла Галїю, и спретавасе и зубы и нокты у ню. ови сгрозесе, кадъ то виде, и полепе къ щицамъ, но есть ова хитро предвари намѣренїе ихъ ускочи у Галїю. Люди у плашени герну по буцацы садь, и онако препернупи гледе на ню, а рѣчи проговорипи не могаху.

Но свай благородный, и достойно царемъ надъ животными названный звѣрь, на све нихъ и не гледаше, но оптресши воду со себе, поище очима царицу, кою како угледа, у самомъ верху Галїе, обрадуесе, приникне къ земл'и, весела маше долгимъ репомъ, и пузећи на предни ногу управ' къ царицы приступивъ, съ умиленїемъ установи видъ свой на дѣте, и кротко спусти главу свою царицы на крило, пакъ онда десну шапу на дѣше, кое стане гладити. Сотымъ отузме свимъ садь страхъ и приведе ихъ садь во умиленїе.

Царица ово гледаюћи не могашесе задержати, да се и не прослези, пружи руку на ню, и милуюћи ю као кротко псенце: о святи естества закони! рекне, какову силу вашу и у овомъ безсловесномъ звѣрю видимо! Ево намъ о смертнїи! жи вѣйшаго примѣра, ево гласа естества кой насъ опоминѣ, какови треба да буде мо!

мо! Садь да си овдѣ о окаянна жено, и спара душо, коя си ме невинну у погибель низринула! садь да си, и да видишь ово живопно какову оно по естеспву свомъ благородну добродѣтель прнтяжава! Какова е любовь ова, и съ каковыми ю знаками ево изражава! Но овосу веществены знацы милосердїя твоего къ мени и овому младенцу, о всевышнїй Боже! — Ел' могући да си ты (къ левицы) коя толико участїе любови къ породу моему садъ узимашь, оно мое дѣтенце утроби твоей пожертвовала; ахъ! я то вѣроваши не могу; ниси ты о царице, то учинити могла, Богъ вѣстъ какова е оно пакостна бесшїя была, коя мие его отнела! —

Любезна моя Господо! окренувшисе къ людемъ рекне, ништа се небойше! безъ свакогъ спраха будите! ясамь твердо увѣрена, да она вамъ ни найменшїй вредъ учинити неће, та погледайте само што чини! тек' што проговорити не може; како ю е любовь къ дѣтету овому као едну овцу укротила!

Людисе садь освободе, и еданъ по еданъ съ мѣспа се свогъ крене: левица на све погледаюћи облизовашесе, и машаше репомъ. Они ей даду комадъ мѣса, кои кадъ изе, као мирно псето пойде свудъ сквозъ нихъ, то о едногъ, то о другогъ очешкаваюћисе, и умиляваюћи, ни кого не дираше. Но како бысе у Галїи малко ошъ царице поудалила, одма бысе опеть

вра-

вратила и предЪ ню бы легла, и тако не отступно съ нею прибываше.

Путуюћи имЪ убо тако, нѣкій дань еданЪ отЪ ладїаровЪ, человѣкЪ худа характера, при обѣду понапившисе, заборави мало на себе и честь свою, приступи кЪ царицы, сѣдне кодЪ нея, и поведе непристойну шалу кЪ ней кое она съ великимЪ негодованїемЪ примивши, опомене его учтиво, да бы ю поцадїо отЪ своихЪ рѣчїй. Но овай, као и свакїй безобразный продолжаваше свое: на послѣдокЪ найдесе царица тако увреждена, да му почне съ прочими ту честными людми и претити. Овай обаче страстїю помраченЪ, и у худомЪ своемЪ намѣренїю преваренЪ, коснесе царице рукомЪ кЪ персемЪ ея! Царица се на то разсерди зауши его, и викне. Левица садь рикне громовито скочи, пакЪ счепа оваго зубы за вратЪ и лупи его о землю! На шумЪ овай сбунесе сви, притерче кЪ царицы, и овому на обрану, но есть! Левица оваго сключила подЪ свое камче пакЪ не пуща. У свимЪ се садь кровь смерзне, кадЪ виде чудо ово, но Царица ихЪ поублажи, да се ницца не бое, и проповѣди имЪ шшо е овай окаяный чинїо, кое ови сослушавши, почну му се їощь и свепиши нек' его дави, садь разярени повичу, шшо е тражїо, то ей нашао! ОнЪ исподЪ левице пребледїо као керпа, загушуесе и ништ' проговорити не могаше, докле найпосле Царица не по-

че

че Левицу рукомъ гладити, и допле ей ласкати, докле его исподъ шапъ ея не избави, кои едва се и на ноге исправи, и дружство его онако сдрузгана, и кровава на другїй край Галїе отведе, и склони, да се више Левицы и не укаже, нити у честно дружство ихъ дойде, да не бы што и ово, его ради отъ левице пострадало. Садь сви Царицу, ово чудо видећи, їощь већма стану чествовати и она е съ ними мирно, и безъ свакогъ вреда путовала.

Кадъ приспѣду найпосле къ сувой земли гдѣ су намѣрени били изыти и путь свой сувымъ у Іерусалїмъ предузети; Царица изшедшимъ имъ подъ самымъ нѣкимъ градомъ изъ Галїе, извади новце и ладїаре лѣпо обдаривъ, свимъ сердечно захвали. Ови съ тымъ весма задоволни изведу ей и коня, на когъ ю учтиво посаде, додаду ей и дѣте и тако она любезно съ адчїами путь и сувомъ земльомъ предузме и стигну сви заедно у градъ нѣкїй близъ Іерусалїма, купно съ ними и Левица. —

Дошедшимъ имъ ту у нѣкїй гостилникъ, Царица узме себи едну собу на само, осѣћаше бо, да ю отъ мореплаванїя глава боле, нити е што садь захтѣвала ести ни пити, но даде себи еданъ лѣпъ шей скувати, кои кадъ попїе, свеже главу себи, затвори собу и съ дѣтетомъ легне. Сведе очи да спава, но ни-

пошто

пошто заспати до предъ саму зору неможе. Она едно и радовашесе, штоће садь света мѣста посѣтити, хрїстовъ гробъ цѣливати, и многе ту древности видѣти, друго пакъ у бриги бяше, како ће отдатле опеть онако съ неякимъ дѣтетомъ тако далный путь предузети а наипаче тужаше сирота много и за онымъ изгубленымъ дѣтетомъ: колико бы годь путїй ово накрило себи узела, и сису бы му дала; свагда би его за онымъ слезами своими полила.

Отъ туге науми садъ ту у Іерусалїму заостати, садъ опеть у Европу се вратити, и гдѣ нибудь у своме отечеству притаитисе, и скончати и ово найпаче дѣтета ради. Она велимъ овако размишляваюћи и уздышући, едва бы ю сонъ мало подкрао, кой бы у разныхъ сновы такожде немирно провела. Едва вѐћь дочека ту ноћь зору, устане и спремисе, исплати за преноцїе и опеть съ дружствомъ кренесе на путь.

Тай дань приспѣ у Іерусалїмъ, градъ великїй, кои се прегледати немогаше. Они садь съ благоволенїемъ на сва она древна зданїя смашраше: О мѣсто свето! у себи рекне, коль драгоцѣнно ты у себи за насъ Хрїстїане сокровище хранишь, и колико си отъ насъ удалено! о земльо, кровїю спасителя нашего освящена по коей онъ е намъ ходїо! о време оно кадъ е се небесный гласъ его овудъ простирао!

и како судба намъ не дозволи, да поне кой отъ помазаныхъ твоихъ о Хрїсте всеблагїи скѵптръ надъ нею простире!

Она вступивъ у Іерусалїмъ извѣстисе о великой соборной церкви, и управ' едномъ улицомъ тамо пойде. Народъ садъ мимоходећи ужаснесе лавице, но видѣвши да ова кротко Госпожу свою слѣдуютьи, никудъ ни главе свое неокреташе, сви се зачуде. Кадъ усмотри царица великолѣпно зданїе, као вещественный знакъ благочестїя древныхъ Царей Хрїстїанскихъ, у комъ нстый стои крестъ, на комъ е небесный нашъ учитель распетъ быо, и отъ камене изсѣченый гробъ, у кои е Іосїфомъ и Нїкодимомъ положенъ, и изъ коего е намъ славно воскресао, кадъ велимъ благочестива Кассїа (тако се царица зваше) ово себи представи, затрепета ей сердце и помили ей кровь сквозъ цѣлый животъ ея.

Она съ великимъ благоговѣйнствомъ, и духомъ сокрушена униде у свету ову, и всеобщу Хрїстїанску церковь, клекне предъ светый олтаръ, и со страхопочитанїемъ приступи и божествеиому гробу. „О спасителю всеблагїй! возопи, коль утѣшителный овай часъ за мене, коль же сладкомъ на милость твою надеждомъ сердце се мое у мени садъ питати почине! сотымъ наслони главу свою на гробный камень, и теплыми изъ очесъ своихъ просивъ его слезами, принесе и

лю-

любезно чадо своѐ: о всевышнїй, сЪ двигнуты руку и очесы приложи, о всесилный! кои матернегЪ сердца чувство разумѢваш, смилуйсе на овай цвѢтЪ, на овага беззлобна младенца и сына Царскаго! Смилуйсе и на его родителя опрости му за увређенїе наше, онЪ бо самЪ нїе знао, шпо е чинїо! опрости му о Боже! кадЪ му и я драговолно працамЪ сожалећи да е се онаково добродѢтелно сердце его на мене огорчило, и онакова доблестивенна душа его о мени превариши могла! ћу мою бѢду сноспши, ћу свако зло претерпѢши, само да се онЪ буди и кадЪ о моей невиности увѢри, и да сЪ временемЪ, поне ово дѢте прїйми, и отечески его, као свое пригерли, да его наслѢдникомЪ учини, и сопымЪ лакше сЪ овогЪ свѢта пойиде! — И овако далше изливаше сирота чистѢйша своя у молитвахЪ чувспвованїя: потомЪ цѢловавши свепе образе приложи по могутству своему и милостыню, пакЪ узме дѢте и изыде. СЂдне опеть на своего коня, и ходећи ей сквозь ГрадЪ, левица ю неотступно слѢдоваше; састанесе случайно сЪ нѢкимЪ ГосподиномЪ, и ХрїстїанинЪ будући, замоли его за странопримство. Овай ю любезно прїйми и у свой домЪ отведе, кои потомЪ искуси, да е ово една честна, и една добродѢтелна и паметна жена; а ко тому и самЪ ю видЪ отмѢномЪ особомЪ быши свакому издаваше, хотя она себе смиренїемЪ покрыва-

крываше, и свое име и родѣ не открываше: заповѣди убо домаћинъ садъ своимъ у дому да ю учтиво сви предусрепаваю, и да ей сви на послуги буду, какогодь ему и госпожи его домаћицы. За кое му Царица обѣща, даће му за такову услугу и любовь, поштено платити и вознамѣри овдѣ подолго заостати, гдѣ се и левица тако лѣпо упитоми, да се више нитко отъ нея не обозрѣваше. Она даде овдѣ и дѣте свое крестити и нарекну му име Леонъ 'лвѣ, по имену левице.

Садь Господо моя! и читатели мои любезнїи! мыћемо овдѣ кодъ овыхъ честныхъ людїй царицу съ леономъ мало заоставити гдѣ ће намъ она лѣпо и спокойно дне свое дотле проводити, доклесе опеть на повѣсть ея не повратимо, у коей ћемо видѣти, кудаће ю промыслъ Божїй отавдѣ оправити, и повратимосе любезному нашему Флоренсу сыну ея у Парїсъ кодъ Клеменса, о комъ смо напредъ говорили, и за коего бѣдна мати їощь ништа не зна, но кадшто на сиропу левицу подозрѣваше, да нїе она его прождерла: Мы смо у мысли одма тамо.

Напредъ смо убо имали, како е Флоренсъ намъ отъ Маймуна оттетъ, на море проданъ и Клеменсъ его купїо како е его у Парїсъ отнео, и проч: — Дѣте убо ово царско, Флоренса, добрый и побожный нашъ Клеменсъ, као свое рождено дѣте благородно воспита! почне се у немъ соразмѣрно лѣтомъ его и свака добродѣ-

тель развїяти. Онъ человѣкъ милостивъ, а при томъ и имуħь, ни мало его отъ своего Клаудія, единца своего разликовао нїе. Онъ е имъ обоимъ драгоцѣно, и еднако одѣянїе правити дао; обое ихъ у велике домове отводїо, и со знатными фамїлїами упознавао; усвакой науки, и у свакой за животъ гражданской способности, обоицу еднако наставити дао; само што су душевна свойства, и способности у Флоренсу далеко превосходила Клаудїя. Но будуħи свойственно е младой дѣцы, коя велике даре отъ природе притяжаваю да по веħой части спочетка несташна бываю, живъ бо духъ у нихъ силнїе дѣйствуе, и више путїй мы се, да съ овакомъ дѣцомъ на край изыти неможемо, яко варамо, што рекнемо, даħе намъ неваляла постати, како штоħе се намъ и Клеменсъ у овомъ превариши, кой Флоренса за его лекомыслїе и дѣтинства нѣка, ружно осуди, докле потомъ нїе искусїо како штоħе намъ слѣдовати, да су оне погрѣшке изъ едногъ само недостатка у разсужденїю, а не изъ природне его на невалялство наклоности произлазиле.

Кадъ бы годь ово двое дѣце лѣпо обученїи и чино улицомъ прошли, свагда бы за нима многїи гледаюħи рекли: ала сретьна отца, кои ову дѣцу има, како ихъ е и Богъ украсїо, и здравїемъ ихъ одарїо, но лѣпо и воспитанїе ихъ сваку имъ прїятность на лицу ихъ разлива, и

и

свакому ихъ мили твори. Многїи бы ихъ и Клеменсу похваливали, и онъ бы се съ тымъ простаго будући сердца, поносїо, и живо бы и отрицао, кадъ бы му шко, и изъ шале само рекао, да Флоренсъ нїе сынъ его, и да ни изъ далека на него нїе ништи съ Клаудїемъ какови подобїя има; но да онъ мора быти отъ какова особита мужа, и другоячїе жене рожденъ, нежели е баба его, Клаудїева мати: да Флоренса Красоти между своимъ у Парїсу дѣцомъ, нейма пара, и да е онъ то исто дѣте, или отъ какове велике Госпоже, и Господина благородна безъ брака рождено, и ему подметуто нашао, или гдѣ его купїо; на кое бы се овай увѣкъ лютїо. Но Флоренсъ као дѣте о томъ ништа ни мислити знао нїе, него е Клеменса за правогъ свогъ отца, и его стару за свою рождену Матерь, а Клаудїя за браћа почитовао, зашто онъ за праве свое родителѣ ништа и нїе могао знати.

Флоренсъ благодатїю Божїомъ, коего судба као царско дѣте на высоко управляше, возрастомъ, и снагомъ повседневно Клаудїя превосходяше: ништо мениле и душевне се силе у немъ прекрасно развїяху, особито же иройчество: коня яшити, мечемъ хитро окретати, ерватисе, терчати, скакати, то е его увеселенїе почело быти, у комъ е Клаудїй мертавъ быо. Родители бы ихъ ово и примѣчавали, и често бы се на само о нима разгова-

вара-

варали, нашто бы ихъ, и по способности ихъ опредѣлили; Флоренсъ имъ се видяше даѣе добаръ войникъ быти, а Клаудїй миранъ будуѣи, за каковый другїй чинъ.

Дань по дань приспѣду дѣца ова и до возраста, да се вечь опредѣле, што ће кой быти: жено! што ти се чини, рекне едномъ Клеменсъ, на што бы мы нашегъ Клаудїя дали? Господару, како знашъ, отговори ова, ты си разуманъ, я твою волю некваримъ, но будуѣи, придода, да е дѣте тихо, велимъ да бы найболѣ было, да его мѣнителемъ (вехслеромъ) учинимо; у томъ се не изыскуе ни велика труда, ни особитыхъ искуствъ. „Право говоришь, отвѣца старый, и я самь вели того мнѣнїя. И тако заключе Клаудїй да имъ мѣнитель буде. Зовну убо его и наложе му чинъ, кой младиѣь драговолно прїйми. Садъ се совѣтую на штоће Флоренса; призову и его, и пытаю, да виде найпре на што его природа вуче. Но овай имъ безъ найменшегъ размышленїя отговори, да имъ онъ жели войникъ быти. “ То се мени не допада, рекне отецъ, зашто сыне войническїй чинъ великїй изыскуе подвигъ, а комому вели сила тай чинъ и опасенъ, есть, лако можешь погинути, но избери себи каковый занатъ! — На кое младиѣь намергодившисе: я вели, на занатъ? е, ако то не милуешь, прехвати му отецъ, а ты буди съ братомъ мѣнитель. „Та да! пакъ да сѣдимъ на пїяцы по васьдань

као

као баба! избериште вы мени онако што, да се я вамЪ зноимЪ, и притежемЪ мишце мое; за Клаудїя е то добро, онЪ е послабЪ, но ясамь якїй, дайше Вы мене на таково што гдѢ се снага изыскуе, иначе я вамЪ идемЪ у войнике. КлеменсЪ осмѢнесе, и погледи на свою; но у истый ма изыду имЪ двѢ краве изЪ шталога, предЪ кое истерчи ФлоренсЪ да ихЪ опешь утера, но една му почне роговы претишти, ал' онЪ ю счепа за рогове као козу, и увуче ю у шталогЪ' КлеменсЪ са своїомЪ сЪ доксата ово гледећи, почнесе смѢяти; знашь што е ФлоренсЪ, рекне му, кадЪ си тако якїй, а ты буди намЪ мѢсарь; мой сынко и то е еданЪ лѢпЪ занатЪ, што уложишЪ сугубо почти вадишь. — Іа хоћу, вели, но да ми дате и коня! " да како; ты милуешЪ и тако коня яшити, а другогЪ заната и нейма, у комЪ бы морао коня яшити, нежели месаромЪ быти. Старый ово младићу као изЪ шале говораше, но овай садь уверти у главу то, пакЪ о другомЪ чемЪ ни споменути неда, развѢ то едно мѢсарЪ да буде. И доплесе дѢло найпосле и доведе, да старый оде и найде му мѢсто. Дашићемо его, говораше своей, само да видимо штаће намЪ чинити, но тешко да онЪ намЪ мѢсаромЪ постане.

Сутра дань убо даде Клаудїю велику кессу сЪ новцы и пошле его на пїяцу; и Флоренсу рекне, да осѢдла себи коня, и

от-

оштпера обадвѣ краве на мѣсарницу, гдѣ е его и препоручїо быо. Видѣѣешъ, вели му тамо, како се говеда колю, како мѣсо мѣре, сѣку и продаю, пакъ довече, кадъ ми дойдешъ, да ми новце донесешь, и есапъ за двѣ изсѣчене краве предашь, но со извѣстїемъ от мѣсара, колико е оно мѣсо важило.

Овай полнъ радостиѣ, сѣдне на коня, узме долгїй бычь, и окупи краве улицомъ сквозъ градъ у предградїе, коесе едномъ поляномъ на четверть часа отъ града разставляше. Кадъ тамо дойде види редомъ мѣсарнице, не знадяше садъ у кою е его отецъ препоручїо. Слуге мѣсарске ту погледе на младиѣа, взоромъ зѣло красна и господски облечена а окупїо съ бычемъ краве! почнусе смѣяти, мыслеѣи да онъ изъ несташства изсмѣява само ихъ, гдѣ су мастни. „Чистидерь се ты, рекне му еданъ старый, ако си ты вели, и господинъ, мы овако мастнїи, може быти више смо обществу на ползу него ты у тихъ твоихъ драгоцѣнныхъ халинахъ! На кое овай безлобный младиѣь садъ посрамисе зато увреженъ, пукне бычемъ и вратисе съ Кравами откуда е и дошао. Вальда е рекне усеби, мой отецъ нѣку комедїю са мномъ почео; каже бо ми да ме е овдѣ препоручїо, а видимисе вели, да овїи люди о томъ ништа и не знаю, но їощъ ме изсмѣяше, ал' ништа, я му садъ нѣу ништа друго ни быти, него войникъ.

Со,

Сотымъ изиде опетъ на ону поляну коїомъ идући му у градъ, срѣшне едногъ господина, кои имадяше едну лѣпу шарену птицу, у едномъ Кавезу, у кою се намъ Флоренсъ тако загледи, да се Господинъ на него насмѣе. На кое Флоренсъ: Господине! ели скупа та птица, продайте ми ю! зашто не, отговори овай шалећисе. „А пошто ће ме ми ю дати? за ше двѣ краве!“ хо! хо! съ у дивленїемъ Флоренсъ, болѣ рецыте, нїе ми на продаю. Та я ю и не продаемъ, зашто самь ю и самъ едва, и то чакъ изъ Індїе добыо, но опеть рече, свака се ствaрь за добру цѣну може и продати, зато акоси любитель, плати ми добро, я ћу ти ю дати! „Е, али за двѣ краве! — Пакъ, што су двѣ мршаве краве спрамъ едне оваке Птице, кое у Европи нейма, но видимъ да ты и неразумѣшъ, штоће то рећи рѣдкость; а не знашь да ю отнесемъ каковому Маркесу, кои има лѣпе дщери, пакъ да му ю поклонимъ, даће ми не двѣ траляве кравурине, но два найлѣпша жерава коня дати, ако ћешъ да знашь. На кое Флоренсъ замыслисе „а поили лѣпо? вели.“ Дойди само еданъ путъ у вече у ово предградїе, мой е домъ спрамъ оне велике церкве пакъ ћешь видѣти, шта сила людїй забленутїи сви узъ мой прозоръ гледе, и слушаю Божественный гласъ ове птичице, кое я волимъ, него и десетъ

таковыхъ кравъ, о коихъ ето куковы мож' и чупуре вѣшати.

Младићь се на то преволи, узме птицу, а краве преда овому, пакъ полнъ радости поиши дома, гдѣ отца, и матерь застане по обѣду, їощь при столу. „Отецъ! ушедши у собу, а гле' шпосамь вамъ купїо, показуюћи птицу у кавезу. Отецъ и мати помрачивши лице " а што си берже полетїо дома, рекну му, нисамь ли я теби рекао, да чекашь, докле краве не изсѣку, и мѣсо не продаду, пакъ да ми довече новце донесешь и рачунъ предашь? е, нейма отъ того ништа, отговори юноша, я вамъ мѣсарь више быши нећу! — Више быши нећешь? та добра ши сретьа, їощь мѣсаромъ ниси ны постао, а кажешъ, да више быши нећешъ! — Да! како сше ме и препоручили! кажу ми да я нихъ само изсмѣявамъ, и да я нисамь, ништи препорученъ, ништи за тай посао. — „Пакъ шта си съ кравами чинїо? На кое онъ смѣшећи се у казуе кавезь " та видиште, да самь птицу купїо! — „Зашто си купїо птицу? " зашто! Боже мой! даосамь краве за ню! — Клеменсъ весь поцервени „шта у добаръ часъ! повиче, дао си краве за птицу! то рекне скочи на ноге, и полети за нимъ, но овай умакне на полье " отецъ! вели, та молимъ Васъ, што се тако любите, послушайте само, да вамъ кажемъ, та знашел' вы да е ова птица чакъ изъ Индїе донета,

нета, и да е нигдѣ у Европи неима, да она божественну мелодїю отъ себе издае, и да я за ню, не двѣ онакове мршаве краве, но отъ какова маркеса два наилѣпша коня добыти могу, зашто е ово рѣдкость една! — о проклетый сыне, машуѣи главомъ старый, каковый те то ниткомъ превари, за едну птицу двѣ краве! казуй проклето дѣтице кому си краве дао, гдѣ е тай? „Та за Бога отецъ! ал'сте вы чудни крава е крава, а птица е птица. “ Іоцъ ми смѣшь говорити, повиче сердитъ старецъ, и повїя его со штапомъ. “Но хвала Богу! узмичуѣи рекне младиѣь, за двѣ мршаве кравурине хоѣе да ме бїе. Стара садъ приступи кротко, и стане за дѣте молити. Ал' хоѣу да ми поне каже, кому е краве дао, да оногъ научимъ памеши какоѣе дѣцу варати! — е! знамъ я шко е онъ, я его и ненознаемъ ни шко е ни откуда е! Е, гле' садь! лютеѣисе старый рекне; чекай ты дѣчко! научиѣу я тебе памети: ништа да му окусити недашь, три дни нек' сѣди, и у птицу свою гладанъ гледи! Добро отецъ! отвѣща дѣте, ал' само док' чуете како лѣпо пои! — „Ая Богъ ме! двигнувъ рамены старый, рекне, съ овымъ я не изыдохъ на край. Тепай ми се молимъ те испредъ очїю. хуло еданъ, будало и ниткове! распикуѣо, и вѣтреняче, двѣ краве за едну птицу! —

Нато стара опеть ухвативши его крошко за руку: та не люти се Бога ти, што е было было, као дѣте погрѣшїо е, неће другїй путъ; нашао се каковъ бездѣлникъ, пакъ его преварїо. И самъ си сила кривъ, нїе да дѣте отведешь и самъ его препоручишь, но правїо си съ нимъ нѣкїй смѣхъ, и комедїю, шта оно їощь зна! сотимъ стараго поутиша. Маши потомъ зовне дѣте, искара его и сама, и посовѣтуе, пакъ му даде ести.

Садъ Клеменсъ по нѣколико дней, кадъ већь мало на свою штету позаборави, стане на ново о дѣтету овомъ промышляваши, шташе съ нимъ. Совѣтуесе убо са своїомъ, и заключе да и его съ Клаудїемъ на мѣницу шилю, судећи да е се већь освѣстїо, и да неће више онако лекомисленъ быти; зовну его и предложе му дѣло. Онъ признаюћи, да е ихъ у едномъ увредїе, не смѣде имъ садь отрицаши, прїймисе посла, и за исто за еданъ месѣцъ добро се узвлада, на мѣницы съ Клаудїемъ паметно поступаше. Онъ изучи лѣпо свакогъ рода новце познавати, хитро броити, на паметъ проесапити, рачунъ чистъ увече отцу дати, кому мило буде; но опеть Клеменсъ изъ нѣкихъ приликъ не увѣравашесе твердо, даће имъ онъ и при овомъ послу мѣсто угрѣяти моћи: бодрость бо духа его, све на нешто велико, его восхищаваше. Онъ за лѣпы кони, свѣтлымъ оружїемъ, и за воиническомъ

скомъ парадомъ еднако чезняше. „Жено! више бы пушїй КлеменсЪ рекао, отЪ овогЪ нашегЪ Флоренса или ће великїй мужь постати, или ће гдѣ сирома и главу изгубити. “ Іа и сама то примѣчавамЪ отговорила бы добра мати, но штому знамо, пазићемо на него докле у зрѣлость разума недойде, пакЪ после што му БогЪ да!

Едань дань убо рано оде имЪ Клаудїй у мѣницу, а ФлоренсЪ по заповѣсти остане причекати, да прїйми отЪ отца нѣке новце, и отнесе за братомЪ. ОтецЪ му натовари велику кесу сребра, пошле его, и рекне му, да похити што скорїе да се не закосне. КадЪ ал’ онЪ у пушу срѣтне нѣкогЪ Господина сЪ два Фїна коня, два айгира као жива ватра! на едномЪ яше, а другогЪ поредЪ себе води. ОнЪ ти се намЪ садь у ове тако загледи и заблене, да му истый ГосподинЪ, кому то смѣшно падне, проговори: но гиздавче, вели, допадаю ти се мои кони? На кое онЪ смѣшећисе, и не скидаюћи сЪ нихЪ очїю своихЪ „Господине! рече, а бы л’ вы мени овогЪ едногЪ продали, ево новацЪ. “ Зашто не отговори овай, само акосе вели, погодимо, конь е лѣпЪ, као што видишь и младЪ, кой кадЪ потерчи, као стрѣла лети чисто. „А што бы сте вы за него искали? “ А штаћу искати, шалећисе онай, дай ми ту кессу, ако е Сребро, и ако су новцы твои, пакЪ ево ти коня! „Сребро е отвѣца беззлобный дѣчко,

дѣчко, но незнамъ вели штоће ми отецъ рећи. „Іа! то ты знашь возрази онай и коня ободе. „ Та стан'те мало Господине! овай садь помисли у себи, ово е добра за мене прилика, гледи на него, и мало у сумни, да не наиде на какову бѣду: обазресе, не има ту ни кого; погледи на кесу, полакоми се. Штогодь да Богъ, рекне у себи, на него, гледећи, мора быти, да е какова Гавалера сынъ, кой ће то, као сыну за едну маленкость прїймити. Но! имашь волю, да пазаримо? я имамъ отговори младићь, и рукомъ коня за узду прехвати. Е, добро! дай новце, пакъ ето ти коня! — Овай садъ съ радостїю пружи му кесу, пакъ скочи на коня, когъ ободе преко поляне што берже у предградїе едно, обзирућисе да се Господинъ онай не раскае, онакова коня за едну кесу Сребра дати! Овай пакъ съ кесомъ бѣж' на другу страну, да не падне у зло, што дѣте превари!

Флоренсъ чрезъ предградїе ящећи, дичисе и погледа то на едну, то на другу страну види л' его тко, како онъ на бѣсномъ и лѣпомъ коню яше. Дойде убо у градъ и уперчи у свою авлїю. У исто време Клеменсъ са своїомъ у предворїю сѣдећи, тихосе разговараше. Укоче садъ обое очи на него съ удивленїемъ.“ Шта е садъ опеть то, рекне старый: а чїй ти е то конь море? Онъ скочи съ коня и смѣшећисе похити имъ, о отецъ, вели,

како

како самь данасъ сретьанъ быо! Гледайте каковогъ самь вамъ коня купїо! — Отецъ сладкїй! я идемъ — на кое Клеменсъ тронутъ сбере обрве и скочи онако сердитъ са столице, щта! купїо коня? яо проклетый сыне, а ко ти е рекао да коня купуешь? Пакъ шта си дао за него? — Младићь се зарумени, крши персте, и повлачи очи на матерь, и ништа му неотговори. „Шта наопако, повиче старый плѣснувшисе рукама, та ты си све оне новце дао! говори ништкове еданъ, гдѣ су ти новцы? „Та молимъ возрази юноша разумѣтел' Вы што е добаръ конь? На то Клеменсъ зашкрипи зубы, полети му у косе, оряшине еданъ! за едну клюсину онолико сребро дати! старa скочи бранити его, но всуе! старый бо его добро прокомеша, проклето изчадїе! вели, откудъ мени на вратъ дойде! та тайће насъ упропастити! до врага! повиче паки на него, да те више никда мое очи не виде. Мати на него намигне да му се мало уклони, и старацъ приступи халовитту коню, кои му се садь хити стражнима ногама да его мал' не лупи! на кое онъ, ао проклета стрвино! рече, та овай мене мал' не уби! та ово е лудо, као и онай кои е его купїо. Но стани, вели, садь ћу я и на теби сердце искалити: счепа ти намъ нѣку доронгу, и окући кукавна коня тући. Младићъ му дотерчи: отецъ! вели, умѣритесе што е

Вамъ

Вамъ онъ кривъ, на скотъ! На то му и спара прилети, и мотку му испергне изъ руке: яо човече, имашь ли вели, памети, буд' онъ као дѣте, онолике новце даде, шуд' опеть ты, да коня убїешь: казуй хуло еданъ и вѣтреняче отъ кого си его купїо, пакъ да его къ врагу повратимо! Е! знамъ я, отвѣца Флоренсъ, отъ едногъ господина но я его не познаемъ. — Спарый убрише чело отъ муке и продолжи псовску свакоякомъ ругомъ. да едва жена поупшша, и мало повраши. „Али молимъ те Клеменсъ! почне му жена, разсуди, да си и самъ овдѣ погрѣшїо, тко ти рече ему, као дѣтету онолике новце на ледья на товорапи, та могао е тко его донде срѣсти, и новце му отепти, я самь се и више путїй того бояла. Друго любезный, приложи му, и то хоћу да те опоменемъ: ово дѣте мора отъ нѣкихъ особитыхъ родителей быти! рѣдкїи су дари у томъ дѣтету! оно е, како ми се види, судбомъ на велико нешто опредѣлено; я предчувствуемъ, даће отъ него славный единъ мужъ постапи. Опрости убо ты ему їощь ову погрѣшку! дѣте е то їощь младо, а отъ природе на нѣко великолѣпїе тежи, на нѣко господство слупи.“ Каж' ты мени ходатаю его, прихваши съ нѣкимъ аукторитетомъ старый, есамь ли вели, я имао право, да его избїемъ? — „И еси, и ниси право имао! — „Хмъ! да чуемъ! — „Погрѣшка

ка его, у призрѣнїю на ню заслужуе казнь, по ти допущамъ: но есил' ты изъ еговыхъ рѣчїй примѣтити могао, да онъ нїе ни разумѣвао, да е оно погрѣшка, слѣдователно невинно е погрѣшїо, и за невинну погрѣшку нигда не треба да се онако ополчимо, као за погрѣшку коя отъ неваляла сердца происходи. Еси л' его видѣо съ каковомъ намъ онъ радостїю, и съ каковымъ у себи задовольствомъ поче сказывати, како е онъ данась сретьанъ био, што е се на добра коня намѣрїо, вмѣняваюћи оно што е за него дао, да нїе преплатїо, и да тай конь по его недостаточномъ разсужденїю, много више вреди; што сирома надаоесе да ћешъ его зато їощь похвалити, а не избити. Словомъ ређи, дѣте то исто благородне нѣке страсти има, надъ коими док' зрѣлїй обвлада разумъ, могу похвалне добродѣтели у немъ произвести.

При овомъ младићъ имъ се опетъ укаже, приближисе коню, и почне его рукомъ гладити. „де де повиче старый, не был' ти главе дошао. „Е мой отецъ! нейма овому коню у Парїсу пара; да его само видите, како лѣпо ходи, како главу холо движе, и уши узрогуши! сотымъ скочи на него. На кое Клеменсъ се осмѣне: већъ заборави вели, што бы пролупанъ. „Као дѣте, нейма памятозлобїя. Е, молимъ те рекне му отецъ садъ намъ кажи на што ти тай конь? О отецъ!

вели,

вели, како на што ми, любезный отецЪ! та не говорили се и тако даћемо ратЪ имати и да се многїи турцы. и татари и кЪ Французской већЪ приближаваю, а Вы имате два сына зарЪ нећете едногЪ отечеству и Кралю жертвовати, за кое мой братЪ и тако нїе; нек' онЪ сѣди ВамЪ при ономЪ столићу и мѣня новце; кое онЪ и воли; а мени да купите їощЪ еданЪ добарЪ мачь, и лѣпЪ оклопЪ, еданЪ щитЪ и копїе, а како добра коня имамЪ, пакЪ давидите юнака! —

По маломЪ овако разговору юноша помирившисе сЪ родители, сѣдне обѣдовати, ал' ето ти му Клаудїа, сердитЪ, што му новце нїе донео. „ОтецЪ! вели, та штосте чинили, да ми новце по овомЪ не пошлѣте? На то спази коня," а откуда е ВамЪ тай конь? „Ао мое дѣте, отговори старый, не пытай откудЪ е; но сѣди ето сЪ братомЪ и обѣдуй, што ти новцы нису донети, нисамЪ я кривЪ, но ето твой братЪ! я му дамЪ новце, да теби носи, а онЪ за нихЪ купи ено коня! Што му знамЪ, лютїосамЪ се, псовао его, найпосле его, и сквозЪ шаке мало пропустимЪ, и онЪ то ништ' немари, онЪ хоће коня да има! ето му; служ'тесе сЪ нимЪ отЪ садь и обоица. Клаудїй намергоднвшисе, добро вели, кадЪ ему то може поднет', не учинїо я то, не знамЪ кудЪ бы прошао, отЪ прїе даде ВамЪ двѣ краве за едну

птицу,

птицу, а садЪ купїо коня, учин'те убо его и ГавалеромЪ, пакЪ гледайте све сквозЪ персте што годь онЪ ВамЪ чини. ПакЪ шта е дао за ту клюсину? Што е дао, дао! было и прошло. На кое Флор: „МайкинЪ сынакЪ! како е то и ему противно. Та море ясамь записатЪ веħЪ у войнике, а ты сѣди онде пакЪ мѣняй новце, не знашь даħемо мы сЪ турцы ратЪ имати.

СотимЪ оде и коня изведе; усѣдне на него и пойде улицомЪ: конь жива ватра, подскакуе подЪ нимЪ, и часЪ на часЪ уздвигне предне ноге, рекао бы полетиħе, а сѣди на немЪ као укованЪ, пакЪ дичеħи се гледи само около себе и мило му е, гдѣ его многїи сЪ очима прате, похваливаюħи, како уме яшити; первїи гавалери ту пытаю чїй е то дѣчко, и гдѣ научи тако лѣпо на коню сѣдити. Найпосле отецЪ му буде принужденЪ и оружїе му купити и хальине му, као кадету начинити, и медь конянике его препоручити.

У исто време Турцы освоивши силне хрїстїянске землье, као Болгарїю, Македонїю, Сербїю, Босну, Албанїю: найпосле и Греческїй ІмперїумЪ себи подчинивши, и ЦариградЪ Славный, престолно мѣсто от ХрїстїяновЪ себи отторгши, полакоме се и далше кЪ западу, мечь свой пронети, и хрїстїане узнемирити! Продру убо у Славонїю, и Орватску, и по томЪ и у Далмацїю, чакЪ до Венецїе и стану и самой Францїи угрожаваши.

Краль Францускїй Дагобершъ, кой у исто врела царствоваше, ни пошто нехотяше на Турско предложенїе соизволити, да имъ нѣке земле уступи, на кое су Турцы нѣку претензїю имати доказывали. И сотымъ разсерди Султана тако, да му почне съ оружїемъ преити, да ће онъ ему не само Венецїю, на кою наипаче зїяше, отторгнути, но даће му їощь и цѣлу Францїю освоити, и самъ Парїсъ престолный его градъ савъ срушити, и ему самому животъ неће опростити. Краль пакъ уздаюћи се на окрестне свое союзнике, а понайвише на Октавїана Императора Римскаго, ни мало се зато не убои, но смѣло му преко посланиковъ отговори, да онъ ему исте земле безъ кровопролитїя уступити неће, но на оружїе, пакъ како кому судба отсуди, онако нек'му буде.

Султанъ, царь Вавїлонскїй прїймивши чрезъ посланике такову вѣсть, разярисе зѣло, а нарочито на Парїсце, кое онъ за упорнѣйше держаше, пише одма на свое у Европи Везїре, да се задержаваю у хрїстїанскихъ земляхъ, у коихъ се налазе, и далше неиду, докле имъ годь и онъ съ новомъ войскомъ, и съ многи князевы у помоћь не дойде. Пише убо садь и на князеве, и позива ихъ противъ Француэовъ.

Собравшимъ се инди овымъ кодъ Султана, совѣшъ между собомъ учине, да се сви единодушно противъ Хрїсшїановъ на рашъ спремаю, а особито да се Француэомъ

зомЪ освеше, коихЪ Краль нове нѣке обичае у онихЪ земляхЪ у води, у коихЪ е законЪ Махомедскїй за царствующїй признаваше се био почео.

Господо моя! рекне имЪ СултанЪ, велико е намЪ от Французовъ огорченїе, велика обида учинена, кою безЪ освеше снети, вѣчна бы за насЪ Мусулмане срамота предЪ цѣлымЪ свѣтомЪ была! видите ли Вы да хрїстїани, може бити на нову свою погибель, рогЪ опеть высоко дизати починю! они законЪ нашЪ конечно презиру, уничтожаваю, и вѣчь газити умыслише! Кое я као царь, и великаго пророка Божїя служитель вѣрный, признаюћи за должность мою, законЪ нашЪ бранити, позвао самь, и потрудїо и васЪ све, да на оружїе устанете и ваше силе сЪ моими соедините. Іасамь убо садь у намѣренїю цѣлу Француску, не само покорити, но са свимЪ разорити, опустошити, и Краля ихЪ сама безчестномЪ смертїю дати уморити; я не сумнямЪ да и вы у томЪ нећете са мномЪ согласитисе, за то, да гледимо за чимЪ смо!

На то садь сви уставши поклонесе Султану, и первый Князь Татарскїй ДемерьбегЪ, коего ту за силнѣишегЪ признаваху, люда чрезвичайне величине, предузме слово Султану „Царю и Господине мой! Высше насЪ призвали, и любезно садь насЪ на должность нашу опоменули, и мы вамЪ као верховной нашой власти пови-

повинуюћисе, евосе собрасмо; Ваше ё убо отъ садь заповѣдати, а наше и до послѣдне каплье крови слушати; дајте убо ладье и Галїе што скорїе оправити, и на нихъ воинство абїе на Венецїю послати: тако ми пророка Муамеда и мое вѣре; кою самь и вашой свѣтлости завѣщао, мы ћемо преко моря прейти, и ухватимъ ли я Дагоберта Краля, яћу его моими рукама удавити, и дотле покоя себи не дамъ, докле у Парїсъ съ войскомъ не стигнемъ, дворъ му не поплѣнимъ, и цѣлу Француску Вашей власти не подчинимъ.

На ово се великїй Султанъ; умилно осмѣне: я ти зато вели вѣрный княже благодаримъ, и ту твою толь усердну и иройческу ревность, похвалюемъ, ревность у коей ће ти безъ сумнье и самъ великїй пророкъ помоћи; я высоко почитуемъ такове рачителѣ, такове за отечество свое и за законъ свой благоревниве люде.

Садь Султанъ одма ладье, и Галїе даде оправити. Овыхъ съ галушки и дереглями на 2000 буде, кое кадъ и нуждни ми потребами провиде, пусте у нихъ людство оружано, кое со своими военачалники перве моремъ на Венецїю пошлю; а между тымъ Султанъ почнесе спремати, и съ таковымъ на силе свое повѣренїемъ, аки бы онъ, не на рать, но усватове полазїо, подобно Дарїю у оно време на Александра, съ нѣкимъ великолѣпїемъ противъ Французовъ ополчавшесе. Онъ поведе со-

бомъ

бомъ и 20. женъ своихъ, около 30 сыновъ, кои већь отрасли и храбри младићи бяху, и нѣколико дщерей, измежду коихъ му Марцебїлла, дѣвица у первомъ цвѣту бяше, на кою е естество све свое благодатне излило даре: дивна спаса, танка, и высока; бѣла и румена; и свакому у очима као пролѣтный дань пріятна: свакій бы ю тко бы ю годь видѣо, самой прекрасной елени греческой, због кое е и Троя славна у оно време пала, предпочитовати морао. Ова садь изыде предъ отца, закраси се у лицу, и ласкателно почне его молити, да и ню поведе собомъ у Француску, да е она рада земље видѣти, и Европейске обичае искусити.

„Дщери моя любезна, отговори отецъ, дѣте мое мило, ако ми Богъ и пророкъ светый, путь мой благослови, те срећно дочекамъ да се кренемо, яћу те за цѣло са мномъ повести, и оному те отъ князевъ нашихъ за супругу обѣщати, кои намъ се у сраженію съ непріятельи наши, найхрабрїимъ покаже. На кое дѣвица нѣжно се осмѣне, и цѣлуе му руку.

По нѣкомъ убо времени, кадъ се Султанъ са свїемъ спреми, военачалнике и поглаваре отпусти на галїе друге, а онъ со дщерїю Марцебїломъ и многими дѣвицами, ея служителницами и женами своими и нѣкими знатными дворяны, униде у едну малу, но великолѣпну, нарочито за него справлену галицу, коя е сва аравїи-

вїискимъ украшена была златомъ, и тако се крену. Фаворїтъ его Марцебіла, сѣдне поредъ него, дика ему и увеселенїе, кою бы онъ почесто отечески пригерлїо “ангеле мой небесный, говорећи, кудъ те водимъ, и какоће щастїе съ нами поступипти. Галица е подъ ними такова вѣтрила имала, и тако е за мореплаванїе лѣпо, и удесно направлена была, да су на ней за нѣколико дней къ Венецїи щастливо приспѣли.

Овдѣ застану свое, кои имъ се садъ срадую, преноћивши само едну ноћь, и другїй дань одма Султанъ заповѣдь издa, да гледе што берже сву ту приморску землю поплѣнипи, свудъ мѣста попалипи, тверда зданїя срушипи, и да све кого годь ухватипи могу, сѣку и робе! и да се потомъ съ великимъ устремленїемъ у Француску крену. И тако буде! —

Краль Францускїй, кой е већъ околимымъ Кралемъ писао, да му похите на помоћь, прїйми садь жалостну вѣсть, да су му Варвари сву землю Венецїанску поробили, кровь Хрїстїанску не щадно пролили; жене и невинну дѣцу, дѣвице и изможле старце, све то подъ свой грозный мечь бацыли, и садь съ величайшымъ устремленїемъ отъ онудь на подобїе ледоносногъ облака, къ Францускимъ границамъ верве, и да се ни какове силе Хрїстїанске туда не налази, коя бы се противъ

тивъ нихъ ополчити могла! страхъ убо и трепетъ простресе садъ по цѣлой Франціи. Краль Дагобертъ сбунисе садь само о Парїсу, као престолномъ мѣсту, у кой све почти силе свое пребрао бяше, да овай градъ и сердце отечества отъ нападенїя Варваровъ брани и защити.

На то и Хрїстїанскїи князи съ воинствомъ у Францїю ступивши, ужаснусе, и гнѣвомъ, за толь безчеловѣчное Варваровъ поступленїе разярени, на отмащенїе воскипе: оле варварскїй роде, повичу, скупо ће Васъ ово стати! оле небреженїя нашего до чего насъ доведе! Сви садъ, сложно усугубе теченїе свое къ Парису. Пришедшимъ имъ къ овому тако срећне, да нигдѣ отъ варваровъ нападенїя не претерпе, Парїсцы страхомъ тронутїи садъ чисто радостїю оживе, кадъ смотре съ высокихъ градскихъ стѣнъ све равнине около града Хрїстїанскимъ воинствомъ покрывене.

Краль Дагобертъ одма своимъ любезнымъ союзникомъ на срѣтенїе изыде, и свакогъ отъ нихъ учтивѣйше поздрави, и сердечно имъ благодари. Краль отъ шкоцїе, Краль Енгліскїй, испреко моря му чакъ дошли. Приспѣ имъ и царь Аустрїйскїй Краль Спанскїи, и Краль Неаполїтанскїй. На послѣдокъ стигне имъ и Октавїанъ съ княземъ Нормадїйскимъ. Сви ови Монарси извѣстивши се о непрїятелю, да управо къ Парїсу иде, и да е већь бли-

зу на едно 10 миль отъ Парїса, совѣтъ учине между собомъ, гдѣ се кои съ войскомъ своїомъ поставивши има. Краля убо Енглескогъ нареде да съ воинствомъ своимъ подсѣдне перва градска врата. Краля Ірландїе поставе при враты Дїонїсїа. Краль Шкоцїе прїйми подъ свое защищенїе врата Манїръ. Краль пакъ Неаполїтанскїй намѣстни войску свою у горня предградїя. А Царь Аустрїйскїй съ Императоромъ Римскимъ, и княземъ Нормадїйскимъ закрили съ воинствомъ нѣко на едно двѣ милье поудалено отъ града полье, са стране, откуда сусе по извѣстїю уводъ непрїятелю и надали. Октавїанъ е само 13. тисящь, обаче храбрѣйшаго воинства имао и на него су сви почти найвећу надежду полагали. Онъ поставивши станъ свой врашисе у градъ, Дагобертъ его любезнѣйше прїйми и видѣћи его много печална, тѣшаше его, и самъ се съ нимъ прослези, Кралю бо позната бяше повѣсть, и причина печали его. „За Бога Господине, рекне му, ел' истиина шпосе чуе, да е стара при смерти своей исповѣдила, да е она Вашу оклеветала и бѣду на ню мепула? — “ Истина е Господине, наопако е по мене исповѣдила! да е поне ћупила, и пощадила ме бѣднаго сына съ откровенїемъ своего беззаконїя, те бы ми много лакше сердцу было, ал' се окаянна не може ни съ душомъ растапи,

докле

докле не исповѣди! Садъ судите, како мени мора быти, своего друга, со свимъ невинну, съ двое дѣце, мою собствену кровь отбацыти, и у свѣтъ отперати! о я несретньïй отецъ на свѣту! о окаянна мати што учини отъ мене! при овыхъ рѣчехъ полïесе слезами, почуши мало и убрише свое очи. Не знамъ Господине, приложи, има ли на свѣту несретньïегъ отъ мене; да ме е беззакона жена поне у ономъ заблужденïю и оставила у кое ме е бацыла была, не бы ме садь совѣсть грызла, не бы у ово раскаянïе пао, но мыслïо бы она е заслужила да ю отперамъ, и я сотымъ нишпа погрѣшïо нисамь; ал' овако жалость ми при свакой на ню мысли сердце отягоцава, а совѣсть ми душу мою непрестано мучи, и вѣчномъ ми мукомъ угрожава.

При овомъ разговору Краль его понуди да му и далшегъ разговора ради дойде у дворъ на пренощïе, обаче Императоръ учтиво му захвали, и каже да онъ перву ноћь у свом стану и кодъ своихъ людïй быти мора. При растанку, убо съ кральемъ, падне му у очи еданъ домъ со стране отъ двора, высокъ и весма лѣпо устроенъ, за кои и запыта краля чïй е; дивно, приложи, зданïе, искусанъ е и зидаръ вели, быо; но и газда истый нïе новацъ жалïо мора богатъ быти? Нïе отвећь ни богатъ отговори Краль, него е разуманъ мужъ, и еданъ благочестивый

Хрїстїанинъ, ишао е и у Іерусалїмъ посѣтити свеша мѣсша, зовесе Клеменсъ, има жену и два синчића, красна нѣка дѣца особишо еданъ, мало е истина несташенъ, ал' прекрасне даре има; да е ми его за гардисту и прїймићу его, юноша взоромъ весма красенъ, и паметанъ. Но управ' нїе му ни сынъ; тудье дѣше, кое е у возвращенїю своимъ изъ Іерусалїма нашао, и отъ нѣке сироше жење узео и усыновїо, и садъ воли его него свое рожденo. „благочесшивїи, рекне Октавїамъ, и тудье усвое, и любе, а я шурянинъ и свое отбацыо! Да могу Господине, придода, на добросе дѣше намѣрити, и самъ бы самь тако усвоїо: можно да бы ми се сердце и съ нимъ поушѣшило! — Вы шо и валя да учините, и тако нейма те себи наслѣдника: или шшо еїощь и болье, траж'те себи прилику, пакъ се женише, высше человѣкъ їощь младъ, шша е Ваши 38. лѣтъ, вы можете совершене сыновe доживѣши. — „Не могу я сладкїй Господине, шо чинити, смрть бо мое законе жене нїе мени извѣсшна, пакъ ми се не бы ни допусшило! — „Жао ми е ал' моромъ вамъ рећи, да цѣлому Вашему нещасшїю ваша е она напрасность была, кою нисше ондакъ обуздаши могли, да оногъ младића, коего сше при ней заспали, найпре испышаше, но изсунеше мечь и убїеше его: а онъ бы вамъ сирома на сшрого испышанїе све казао быо, пакъ бы

се

се коварство старе открыло, и сотимъ невинносшь добре ваше супруге лѣпо освѣдочила. „Ахъ! Богъ нека ей суди, та видѣлисте, колико ме е у онай ма на гнѣвъ окаянна подпиривала, найпосле возмути ми се чисшо кровь у мени, помрачи ми се разумь, пакъ нисамь знао шта самь учинїо; тешко мени! тешко мени, и души моей! даваће и она отвѣтъ, но неће се ни мени простити, четыри невине душе погубити! — Благо оному, о по тысящу путїй благо! кои е мирне совѣсти! кои спокойно и безъ терзанїя спавати може! — „Милостивъ е Богъ Господине! — “ истина брате, ал' е онъ и праведенъ! — „Само о милости Божїей не треба очаявати! — “ Но ни на конту его милости не треба грѣшити! видимъ я већь мое добро ютро.

По овакомъ разговору Імператоръ опростисе съ Кралемъ и оде къ своимъ у станъ а Краль вратисе у градъ. Прегледавши убо Імператоръ свой станъ, сазове свое военачалнике, изда имъ нѣке заповѣди, и легне спавати. Онъ мало уморенъ отспава первый санъ сладко, но потомъ у разне мысли пустившисе, ни пошто заспати више не може. „За мене бы найболье было, говораше у себи, една лѣпа и изненада смерть: овако живити, као што я живимъ, нїе животъ но едно мученїе, на кое ме већь правосудїе Божїе и осудило! а садъ самь управ' и дошао,

гдѣ

гдѣ се могу скончати! — Смертно бо око его у тайну промысла Божїя загледати не могаше, како што и многе на свѣту примѣре имамо, да промыслъ Божїй добродѣтель више путїй при крайнемъ отчаянїю, помилуе, и утѣши.

По нѣколико дней сила Варварска приближисе и на 6. поприщей къ Парїсу, и ту се установи. Султанъ свое словомъ ободри, и свисе единодушно заклѣщаю, и завѣтъ свой клетвомъ по[illegible]верде, да, или сви до единаго имъ садь при Парїсу изгинути, или Парїсъ первомъ наваломъ отети, Краля жива ухватити, и обезглавити.

Хрїстїани то намѣренїе ихъ знаюћи, сви у преправности при Парїсу на нихъ изгледаху. Едно ютро, предъ саму зору, загрме отъ стана Турскогъ силна войническа їнструмента, запутньи земля отъ топотъ конскихъ, и исполнисе воздухъ шумомъ отъ многолюдногъ подвикиванья; поплашисе народъ по оближни мѣсты, и кудъ кое сперльи садь бѣгати. Варвари кренувшисе съ последнимъ вѣћь къ Парїсу шествїемъ, гдѣгодь кого у путу, кое се уклонити нїе могло, найду и мушко и женско; и старо и младо, сѣку, робе, пале мѣста и све руше, и обараю!

Полете предтече ко граду и у становe Хрїстїанске, укоихъ трубами огласе, да вѣћь непрїятель иде! Хрїстїани извѣстивщисе о устремленїю Варваровъ, совѣтую-

туюсе Монарси и найду себи за добро, едну страну града, отъ кое су имъ высочайше, а при томъ и крѣпчайше стѣне быле, садь Варваромъ уступити, да имъ ту станъ свой поставе, гдѣ ихъ по плану своему найболье напасти могу; стѣне бо ове града поставленїемъ своимъ, нѣко полукружїе на внѣшну страну изображаваху, а просторъ отъ нихъ пруженъ, окружаваху нѣкїи холмићи, и после овыхъ лѣпе шуме, за кое воинство могу завести и непрїятелю съ двѣ стране за ледья подкрастисе.

Кадъ се убо непрїятель ко граду већь приближи, устремисе перво на горня предградїя, овдѣ его Краль Неаполїтанскїй иза глубекихъ рововъ, коими е предградїя ова опасао быо, тако живо опали, да е одма на другу страну уступїо, и напредуюћи Варвари мало къ востоку, подидье ихъ чисто еза нѣка, кадъ садь съ едногъ берда угледаю силне Хрїстїанске шаторе и на многимы отъ овыхъ златне ябуке кое се спрамъ сунца као огань свѣћиляху.

Октавїанъ рекне, да Аустрїйсци заиду шуме, и приталожесе мало у потаи, а самъ съ княземъ Нормадїйскимъ Варваромъ укобъ пойде, коимъ кадъ се приближе, проспу на нихъ едну вапру, пакъ одма, раздѣлившисе на два крыла, почну назадь уступати. Варвари полепе што берже садь на нихъ, неузымаюћи на умъ да ихъ они на згодно за себе мѣсто маме.

Како

Како убо Варвари на ово мѣсто присп҃ду, кое имъ се отъ градскихъ стѣнъ и на едно двѣ милье простираше, и отъ коего мѣста Хрїстїани далеко отступили къ своимъ становомъ бяху; шаки ту шаторе свое пораспиню. Забѣли се цѣло то полье отъ силныхъ шаторовъ: развїю садь и хоругве свое пакъ уздаюћисе у свою Варварску силу, разузуресе лѣпо, као даћею шу годиновати. На то ето ти имъ и Сулшана, съ цѣломъ своїомъ свїпомъ, коц е на стражнемъ крылу своего воинства изостао быо. Онъ е сѣдїо са своїомъ Марцебїлломъ на позлаћеныхъ колесницахъ, коне су имъ поредъ овыхъ водили. За колесницами слѣдовалесу до 250 женскихъ лицъ, по већой часши дѣвице младе и прекрасне као пролѣшне ружице. Едне су мале колеснице предъ царемъ ишле, ове су носиле отъ злаша сливену спашуу пророка ихъ Муамеда, съ прочими церкве ихъ ушварами.

Садь шаторъ Сулшановъ поставе на средъ Табора, кой све проче надвишаваше имъ, около его стражу поставе крѣпчайшу све поизборъ младе юнаке, незнасе шу кой е отъ коего лѣпшїй, кой ли е богашїе одѣвенъ и накићенъ. Они садь овдѣ безбрижно разбашесе, какогодь да су већь побѣду и одержали, ниши имъ е о овой гордосшь ихъ, и сурова нравь и сумняши што дала. Они истина да су велику силу и имали; Француси кадъ су другїй

дань

дань болье ихъ прегледали, не мало уплашесе: но опеть поуздаюсе на свое искуство, о комъ варварскїи народи много и немысле,

Садь Султанъ почне шиляти сгледателье, но некако му ови неповольне стану доносити гласе: да су имъ се Французи яко обкопали, и со свїехъ странахъ градъ силнымъ воинствомъ подсѣли; и да сами незнаду съ кое бы имъ стране на него ударити требало. Онъ шилѣ ихъ и опеть, но всуе! горе за гори гласове му доносу, да се Парїсъ на юришь ни подъ кой начинъ ошети не може. Садь вѣть виде и сами, да су се преварили, шшо су се съ толико ко граду приближили, и себе мало стѣснили. Они ради бяху садъ мало назадъ повуѣисе, но есть! Хрїстїани похватали мѣста поузвышена, и за едну ноѣь ископали глубоке ровове, преко коихъ непущаю садь ихъ. Да се у даре? Но съ три бы имъ стране плануле димлїе, а отъ четверте ихъ подупире рѣка Сайне, на кою такожде не могу.

Науми убо найпосле Султанъ да и не удара, но да ту еднако съ воинствомъ и лежи, и чека, да му Хрїстїани, буди съ кое стране, помѣре мало позїцїю свою, и отворе му путь да одатле изыде. Обаче онай кой му е тако мудро доскочїо, нїе лудъ ни садъ, да се превари.

Живеѣи имъ убо ту нѣко време мирно и у тишини, тако да нипи они на Хрістїане,

стїане, ни ови на нихъ не удараю, развѣ што бы по нѣколико стопинъ съ край стана отъ обе стране кадшто изышло, и кое гдѣ мало се протукло, но и то свагда почти со шшепомъ варваровъ. Найпосле Султану се захтѣ шаторъ свой подъ е-данъ зеленый гай, на нѣко поузвыцено мѣспанце, здравїя ради премѣстиши. Ово е преко едногъ уводе мудрый Октавїанъ ис-пословао, съ намѣренїемъ Султана ухва-тити у робство. Увода истый отъ Ок-тавїана 100. дукатъ прїйми, отъ коихъ подплати другогъ нѣкогъ, да овай под-говори медїка, и медїкъ истый предложи Султану, да нїе за него здраво на средь Табора пребываши, да е за него нуждань чистъ воздухъ и т. д. Медїкъ истина нїе о превари ништа ни знао, но найде и самъ шако за добро, совѣтуе убо Султа-ну, овай послуша и шаторъ свой онамо премѣстити да, и стражомъ се їощь и болье провиди. Но Октавїанъ са своимъ планомъ не похити, чека болю згоду.

Между тымъ еданъ дань Марцебїлла замоли отца, да ей дозволи съ нѣкими отъ своихъ князевъ, и сродниковъ на ко-ню изыши, и къ стѣнамъ градскимъ, у ко-ихъ хрїстїановъ не находяшесе, прибли-жиписе, и видѣши дивна зданїя она, коя у живошу своимъ видѣла нїе. Отецъ убо ей, изъ презѣлне къ ней любови ово и не опрекне. Онъ зовне Демербега и наложи му, да ю, їощь съ нѣколико другарицъ,

из-

изведе. Получивши убо Татарінъ овай любезнѣйшій ему налогъ, да се онъ у Султана того повѣренія удостои, съ дѣвицами у шетню изыти, полнъ радости, цѣлуе свому царю скутъ, и онако у нѣкомъ восхищенію, закунесе Султану, даће онъ ему за кратко време чудо показати, даће онъ цѣлу Францію ему покорити, даће му паче свїехъ князей еговыхъ найболье у ироичеству освѣтлати образъ, и даће му и главу Дагоберта донети, коюће Прїнцеси Марцебїлли на златномъ блюду поклонити. На кое Султанъ умильенъ, гладн свою бѣлу браду и смѣшећисе рекне му „Демербага! вели, ако ты мени то учинишь, ево ти рука, и моя царска рѣчь, коя се не пориче, даћу ти дати мою дщерь Марцебїллу за жену! и даћу те учинити Кралемъ Вавїлонскимъ; она е, приложи мени и сама на то соизволила, кадь самь ей рекао, даћу ю за онаго дати, кои ми се у сраженію храбрѣйшимъ покаже. Демерьага паки му скутъ цѣлуе, и съ трепещущимъ отъ радости гласомъ едва му съ нѣколико рѣчїй на таковой благостыни захвали.

Сотимъ ови оду, виде и врашесе! Проповѣде све што су видѣли; похвалюю горда она и высока зданія, коя су само преко стѣнъ видѣти могли. “ Видѣћемо мы нихъ, рекне Демерьага, гладећи свое закушлявите бркове, видѣћемо ихъ вели, до кой дань и изнутри, и шетаћемо-

се

се по нихъ, и по царскихъ дворехъ їощь, само ако я живъ будемъ!

Марцебїлла е имала свой шаторъ отъ отчина мало на страни, подъ коимъ е она съ Нїмфами своими обитавала. Шаторъ овай кромѣ прочегъ украшенїя, имадяще на верху своме образъ отъ злата, Пророка ихъ Муамеда. Овай е у руцы имао едну палицу съ коїомъ е Парїсу претїо. Онъ е се спроћу сонца тако свѣтлїо да се нїе могло у него гледати. Но врати-мосе и къ Француcомъ

Дагобертъ съ прочими Кральи, и союзники своими, види да Варвари не удараю, ниши шилю, да ихъ на какова условїя понуде, но еднако леже и смерде подъ градскими стѣнами, и баю нешто о превари; сотворе убо между собомъ совѣтъ да сами ударе. На кое Краль Спанскїй рекне, даће онъ первый быти, коиће почети; Краль Неаполїтанскїй одма: ясамь вели съ тобомъ, и срамота е за насъ толико и чекати. На то Імператоръ и сви прочи согласесе. Садь убо свакїй свою войску у движенїе стави, и къ бою правi.

Кадъ ал' ето ти имъ едногъ изъ Турскогъ табора на коню, кой по виду прїе каковому морскому чудовищу, нежели человѣку приличествоваше Овый имадяше на своихъ Ледьы велику гербу, главу безмѣрно голему, носъ пльоснатъ, и скоро со шаке широкъ, съ едномъ ногомъ кривомъ,

вомъ, и у руцы имадяше комадъ дебела ужета съ чворовы, коимъ ошибаваше бѣдно нѣко клюсе подъ собомъ! На смѣхъ склони Француси стекусе садь къ нему, гледе на него и смѣюсе: человѣкъ омаленъ у турскихъ хальинахъ: „съ пупа! съ пупа украй! Господо моя, виче сквозь войску, я хитримъ вели, къ Вашему краю, и носимъ му такову новину, отъ кое му или срѣча, ил' несрѣча зависи, како ю сирѣчь онъ у разсужденїе свое прїймити буде! Сутраѣмо видѣти приложи, на кимъ царство намъ остае, и хоѣли Парїсъ безъ взаимногъ кровопролитїя бышти нашъ, или найпосле съ нашимъ нѣкимъ паденїемъ, а съ вашимъ даже до конца уничтоженїемъ, савъ се срушити, и са земльомъ сравнити!

На кое Француси сгледесе, и насмѣю му се, пакъ его пропусте. Кой кадъ дойде садь предъ Краля и проче ту съ нимъ, падне на колѣна " Ваше величество! вели, Кралю отъ Францїе, и сва проча Ваша сїятелства! саслушайте ме внимателно съ чимъ Васъ милостива наша Прїнцеса, Марцебїлла, царска дщи данась прето мене поздравля. Она намъ садъ у Мартребургу обитава; она има около 250 дѣвицъ поредъ себе, кое су све красне и благородне, да имъ се на свѣту пара найти не може, и опетъ наша Прїнцеса све превосходи, и съ толико ихъ превосходи, колико сонце све звѣзде превосходи! нейма

ма на свѣту блага, нейма толико драгихъ каменей, кое бы небесну красоту ея замѣнити могло: она велимъ испа ваше Величество поздравля и моли, да ей дозволите онде, гдѣ се находи мирно обитавати, и да строго своимъ заповѣдите, да ей и дѣвицамъ ея каковый вредъ не нанесу, будући даље шаторъ ея близу доста градскихъ стѣнъ отсадь быти, а зашто? Демерьбегъ, князь отъ Вавїлона, юнакъ кому заръ на свѣту нейма пара, жели нашу Прїнцесу за супругу себи, и нашъ славный царь ему е ню подъ тымъ условїемъ обѣцао, ако покаже отъ себе особито юначество, и тако да его дци то види. И будући да нашъ царь због едногъ человѣка за садь їощь у рать неће да пуца, дозволи му на захтѣванье его, да онъ самъ изыде, и едногъ отъ Вашихъ на удвой позове. Садь убо Ваше величество! траж'те вы таковаго изъ цѣле ваше войске юнака (но всуе ћете его и тражити) и дајте его вооружати и супрарано на полье Мартребургско нашему князу Демербегу на удвой послати! Не учините ли то, а вы предајте Парїсъ, иначе бо за васъ неће добро быти! выћете градъ изгубити! зашто, буди бы вы каква на свѣту юнака нашли, онъ ће нашему Демербегу као еданъ залогай быти, одмаће его посѣћи, и захтеваши другогъ; и тако едногъ, по едногъ може вамъ све ваше храбрѣйше юнаке исшребити, а то

нашъ

нашЪ СултанЪ и хоће! зато велимЪ, зашто бысте вы свой народЪ сотымЪ и срамотили! СвЂтлый Кралю! (наставi рЂчь) вы у живошу свомЪ онакове люде, и машине человЂка нит'сте видЂли, ни чули, и помыслите за какову користь онЪ то чини! — Царь его веће за Бега наименова, и дщерь му е свою за цЂло обЂщао, и онЪ ће ю добыти, но гледайте штоћете чинити!

Краль на то смЂшећисе погледи на друге, и двигнувЪ рамены „Драгїй мой! вели, поздравленїе то твое и захтЂванье отЪ мене, ясамь разумЂо, садь можошь сЪ БогомЪ пойти! иди убо и кажи твоей милостивой Прїнцеси, да она може свободно на ономЪ мЂсту, кое е себи; како кажешь, за позорище избрала, обитавати, и да се ништа бояти нейма, а што се заручника ея, и того юнака тиче, кой жели сЪ каковымЪ отЪ моихЪ супра на удвою сразитисе, и ему не отричемЪ, нек' изыде супра, пакЪ ће на истомЪ мЂсту гдЂ онЪ хоће, своего соперника застати! „Ваше величество! Вы убо сЪ того края щастїе свое кушати починете! на предЪ ВамЪ кажемЪ и проричемЪ болье, зарЪ него е игда и нашЪ МуамедЪ пророћи што могао, даћете се каяти, а касно раскаянїе већа жалость! Жао ми е што васЪ о судби Вашей не могу да увЂримЪ, и штоће-те Ташаріну едному круну на главу и царску дщерь да даше! “ Иди само! рек-

не

не му опеть Краль, послатћу я татарїну супра девера, пакъ како буде! — На то овай устане, усѣдне коня и оде.

Онъ пришедши къ Прїнцеси, заспане и Демербега при ней, каже имъ, како Краль града неда, но на удвой юнака послапи обѣщава, и за милостиву Прїнцесу, да се на истомъ мѣсту нинпта не бои и проч: На кое Бегъ зашкрыпи зубы, и лупи ногомъ о сподъ: но Кралю! вели, хоћешь ме познапи, їощь ты вели, храбрость и мышцу Татарску кушао ниси. Милостива Прїнцесо! ово дней яћу Вамъ главу Дагобертову донепи. Видитћу вели, супра когоће ми послапи; живаго ћу Вамъ донепи, пакъ нек' Вамъ робъ буде. На то Марцебїлла се нѣжно осмѣне и мепе му руку на раме „я ти благодаримъ, рекне му, Богъ и Муамедъ нек' ти буде у помоћи!

Кадъ убо супра дань рано устане, и оправисе овай голїатъ на удвой, опросписе съ Марцебїлломъ, и на исто мѣсто подъ градске стѣне оде, исторгне мечь гердный раскорачисе и изъ гласа проресе, овамо кой сердце има, и кого е майка юначкимъ задоила млекомъ. Овамо на мейданъ съ юнакомъ, кой се за едну красопу женску сразипи желимъ. Пукне пай гласъ по Граду, поверви народъ на бедеме градске, и гледе ово чудовище, люда около 12 педлїй высокъ, и соразмѣрно и у костпи крупанъ, а гласъ му пу-

стый

стый као, изъ какова буреша пробїя воздухъ! Оду убо и яве Кралю, да гледи штаће съ нимъ. Изиде Дагобертъ съ прочи свои сеюзницы, и гледе ову напасть, сила Господня у немощнихъ совершуесе, вели, но дајте приложи, да гледамо каковаго Давїда, или дерзновена на милость Божїю Нестора, пакъ да его пошлемо: онай надеждомъ на силу Божїю одушевленъ побѣды Голїата, овай укрѣпленъ вѣромъ, порази, и низложи гордость Лїева: зашто бы смо убо и мы о заступленїю Божїю сумняли. Прогласе убо свудъ, по воинству, нуде младиће, и обѣщаваю пристойно награжденїе, честь и славу оному, кой бы се за общу отечества честь жертвовао, на него изити, но есть! тко да изыде онаковой Хали! Најпосле, ето ти имъ едногъ благородногъ младића, отъ Дуделбергъ зовома, ревностїю распаленъ повиче: люди Божїи, едал' мы неймамо измежду толико храбрыхъ юнаковъ, кой бы то поношенїе варваромъ отузео! та то е вѣчита срамота за све насъ! ако нитко неће, я идемъ, пакъ што Богъ да, волимъ и погинути, нежели то укореніе едногъ варварина подносити: овамо оружїе, дајте ми щитъ и копье, и доведите ми добра коня. Я мыслимъ да одма погинути нећу, докле и ему штогодъ не наудимъ, пакъ нек' бы тако и другїй, и трећїй, ето ти бы му и главе дошли, а не тако

съ овыхъ бедемовъ слушати да насъ псуе и ружи. „Право! повичу сви прочи. На то одма сва мусе оправа ту донесе, и приведу му коня. Онъ се лѣпо обуче, сѣдне на коня, и управ' улицомъ на врата градска похити, коя му се оттворе, и онъ изтерчи на полье, загерми всеобще ту народа благожеланїе: Богъ да му буде у помоћь! сотымъ садъ устреме свой взоръ на оно полье, и у трепету чекаю, да виде штаће садъ отъ него быти.

Гордый Бегъ съ голымъ у руцы мечемъ холисе, и гїгантическе кораке польемъ правлећи заблиставаше спрамъ сонца свой широкїй мечь, а кадъ спази оваго управ' къ себи на коню, оцери се смѣяти: тебе ли рече избраше Француси за юнака! яо жалостна ти майка! їоцъ садъ Богу душу препоручи! Но овай младый юнакъ кидасе на коню, испучава свое подъ окломъ перси, движе главу, и силомъ, да се што већїй своему противоборцу покаже, но всуе! Онъ стаса повысока и бяше, и на коню съ мечемъ у десной руцы лѣпо яшаше, узъ коня долго и остро копье имадяше: и честолюбїемъ предъ толикимъ народомъ заслеплѣнъ, за животъ свой веће и заборавїо, но страхъ му прнсутствїе духа їоцъ неотузме: Истина рекне у себи да я овому ништа неће моћи учинити, но достаће быти за мене, ако ме одма не сможди, да ми е поне, да се мало съ нимъ предъ народомъ про-

прокошкамЪ, пакЪ после што БогЪ да. У той мысли садЪ успреми се живо протнвЪ шатарина, коего достигши, жицне его мечемЪ по едномЪ рамену; главу бо ему ни достигнути немогаше. ГїгантЪ обаче подЪ панцїромЪ овай ударЪ и неосѣти! ниши за што у движенїе дойде; презирући своего соперника, силе свое не потреса. Юноша се садЪ овомЪ его немарностїю мало болье освободи, замане мечемЪ и вторицею, и удари его! Онай на то умѣсто мечь на него тергнути, залетисе и счепа ти намЪ его сЪ коня на своя широка плећа, као кобацЪ пиле, пакЪ бѣжи, сЪ нимЪ кЪ своей люби подЪ шаторЪ- Ево вамЪ вели, Милостива моя Прїнцезо! видите како ВамЪ сокоо лѣпо уме уловити детлића! ОваковихЪ ћу приложи, я ВамЪ и едно шуце донети, само ако ми у излазе на мейданЪ. Гледайте како е лѣпЪ! СадЪ чин'те сЪ нимЪ што ВамЪ драго, пецыте его, кувайте, и шта знате, я отЪ ВасЪ за него рачуна нећу искати! но идемЪ опетЪ!—

Марцебїлла садЪ оваго юношу лѣпо, и благодушно предусрѣтне: Сожалуемъ драгїй мой, рекне му, дасте тако нещастни были; но при томЪ и похвалюемЪ Ваше дерзновенїе, кому е естество силе отрекло: но каж'ите ми рече, обаче искренно, какосте се вы и смѣли, тако младЪ на онакову люду човека усудити на мейданЪ му изыти? Милостива Прїнцеза! за-

 красив-

красившисе юноша, опговори ей, испину ВамЪ исповѢдамЪ, да я и нисамь быо у надежди Его побѢдипи, но любовь моя Кралю, и честь ко опечеспву и нашему народу мене е на то склонила: ясе жертвуемЪ и волїо бы да самь сЪ нимЪ у сраженїю и пао, нежел' шпо ме е заробїо. — „Право! возрази Прїнцеса, наслонивши му руку на раме право! я сопымЪ васЪ їощь и више почипуемЪ, высте убо вѢрный опечества сынЪ, вы сте доспа и учинили; ниш' признаипе вы любезный, по за спыдЪ шпо е ВасЪ побѢдїо, зашпо видѢлисте сЪ колико е онЪ опЪ ВасЪ веѢїй, ниши се шпо бойпе опЪ садь, яѢу ВасЪ оппусшиши. Вы насЪ истина за Варварскїй народЪ держипе, обаче при истомЪ нашемЪ непросвѢщенїю, увѢрени будипе, да се налазе и кодЪ насЪ нѢке добродѢпельи, и людїй пако благороднаго чувспва, да се и мы подобно Европейцемъ сопымЪ поносиши можемо; немойпе мыслиши, да е и насЪ естество благосши свое исключило. Она овако сЪ нимЪ разговараюѢисе приспѢ време и вечери, кою славно и сЪ МусїкомЪ проведу обаче БегЪ имЪ по вече изоспане, и овому се дружспву и неукаже „ нейма намЪ Бега! рекну дѢвице, морао е Царю шпо иши, опговори Марцебїлла, или его, придода, мерзило и долазипи, кадЪ нїе вальда ниш' уловипи могао.

Супра

Сутра дань убо Марцебїлла уставши съ дѣвицами своими, обучесе лѣпо, и оде съ ними Бегу подъ шаторъ, его съ добро ютро поздравити. У прочемъ ту съ нимъ разговору, каже ей онъ да прошастый дань Француси му ни каквогъ на удвой послати нису смѣли! и хвалисе Прїнцеси, и клетвомъ їощь подтверждава, даће онъ ей главу Дагоберта на блюду донети, ако ми придода їощь и данась ни кого непослаше! а идемъ имъ таки вели, опеть ихъ на мейданъ, зваши, пакъ ако ми нитко не дойде, я знамъ штоћу чинити, я моему Султану цѣлуемъ скутъ и кланямъ му се, као моему Царю, но у томъ нек' Егова милость опрости, я што самь намыслїо, нећу ни ему казати, но изненада свимъ Вамъ на удивленїе ћу главу Дагобертову Вамъ на блюду донеши, и съ нея вѣнецъ на Вашу честну главу, пакъ да видимъ, смѣшећисе заслужуемъ ли онда вашу руку! — „о! да како! отвѣца дѣвица погледавши на друге, и не само вели, руку, но и сердце! — " и шта їощь? принесши на устне свое персти, еданъ — „зашто еданъ, подмигуюћи на дѣнице, два и три! Бегъ двигнувъ очи " о блаженства за мое сердце! вели, о мышце моя, къ каковому щастїю ты мени путь отворашъ! — два и три велите? Она смѣюћисе „но! кажемъ ти, два и три! а штоће рећи петь. — „Петь! ал' отъ овыхъ петь, бы л' се я усудїо

два

два — или поне еданъ, као капару да ми на путь садь дате? — “ А! то быти не може, за садь быти не може! но ако ми данась їощь едногъ младогъ роба донесешь; то за цѣло! — Ахъ! та донеѣу вамъ, красна моя Прїнцеса! да бы самь морао и у градъ по него утерчати! — „Али лѣпогъ! — “ другогъ Іосифа! — „Е, добро! видиѣемо. Сотымъ пойде удари его рукомъ по рамену, сретьанъ ти путь! рече изыде. Но онъ за ньомъ: милостива Прїнцеса! а не пытамъ за могъ противоборца? — „Е! ты си рекао да за него отъ мене рачуна неѣешь искати! — Та вала и неѣу, шта вамъ драго и съ нимъ, моя е садь брига за другимъ.

Онъ испративъ мало Прїнцесу съ дѣвицами поклони имъ се, и вратисе подъ шаторъ свой; узме мечь у руку, пакъ се стиште преко поля као бѣсомученъ; почне се опеть даже изъ петныхъ жилъ дерати “ Тко смѣ са мномъ на мейданъ! — на мейданъ дьидїе! ако не смѣте, препасуйте прегаче, пакъ предайте градъ, не губ’те времена! Турцы су море ово и Татари, кое свѣтъ проповѣда! На полье пїлипули, ако сердце имате!

На овакове поруге отъ едногъ татарїна, не мало смути намъ се садь Дагобертъ са своими союзники, а ко тому и разсерди, што се нитко неявля, да дерзне оному на удвой изыти. Заисто срамота за насъ! рекну предъ народомъ, да

ед-

едногъ юнака между толикимъ людствомъ найти не можемо. На то Октавїанъ: Господо моя! увѣрени будите, да онай кой смерть тражи, бѣжи смерть отъ него, я идемъ противъ него! Іаћу ему моїомъ мишцомъ тако лѣпо срубити ону главуру съ рамена его, даће тесе сви чудити! Боже сохрани! рекну другїи, како бы мы Вамъ то допустили! „Пакъ зашто не? што е онъ големъ, кола меса, а ћупа празна! вальда ћу се я съ нимъ ерваши! — „Не, не! то быти неможе.

Они овако кошкаюћи се шко ће убо изити, кадъ ему не дозволяваю, ал' ето ти имъ случайно старца Клеменса съ Флоренсомъ. Ови у тихомъ разговору улицомъ ходећи, сгледаху шу Господу и два Монарха, коимъ се и приближе толико, да чую и бесѣду ихъ. „Али шта е то отецъ? вопроси юноша, о чемъ намъ се ова Господа тако вайкаю? А! сыне, и не пытай; видишь вели, отъ кое су време насъ подсѣли тїи Варвари, и наши нѣку згоду за себе чекаюћи, да бы ихъ о менщой штети прошло, не удараюсе, а Богъ зна на што ће имъ планъ изыти. Обаче, приложи старецъ, ово ихъ е, како чуемъ отъ юче, найвећма садь смутило, што се нашао еданъ отъ Варваровъ, и како сказую люда, преко мѣре голема! юнакъ у нихъ первый, кой данась трећїй дань едногъ отъ нашыхъ на удвой иззы, ва! и по нещастїю нашемъ и на велико

намъ

намЪ поруганїе, нипко живый изыти му несмѢ! — На то юноша помрачивЪ чело „едному на удвой! сЪ удивленїемЪ пыта. “ Е, мой сынко! нисамь ти ни казывао, ономадь му еданЪ и изыде, о! красанЪ младиѣЪ и Господскїй сынЪ, но онай его сграби на еданЪ путь сЪ коня, и на своихЪ рамены отнесе его у шаторЪ свой, кудЪ ли! Хала е то дѢте мое, а не человѢкЪ! — „Та гди е за име Божїе, и ел’ и онЪ отЪ меса? „отЪ меса мой сынко, но оносу кола меса! — “ ПакЪ што су наши чинили, кадЪ е оногЪ отнео? „А шта ѣе чинити, гледали сЪ бедема, и многїй есе ту за нимЪ и заплакао! — “ Но! хвала Богу! приложи сЪ негодованїемЪ младиѣь, плакати за нимЪ а не испрчати, и человѢна оттети! „Е, сынко! неиде то тако! — “ али молимЪ Сладкїй отецЪ! отЪ кудь се тай може видѢти? — „Ето сЪ тїехЪ бадемовЪ! Како чуемЪ, да му е СултанЪ обѢцао, и свою дщерь, за то што наше на мейданЪ подчикуе, и безсумнье онЪ ѣе нашимЪ и задати магле!

Юноша ово слушаюћи грызесе чисто у себи, већма у ватру долази, и месо на немЪ игра „Ей! тужанЪ вели да мени дозволе, да я изыдемЪ предЪ него! — “ Но, садь! помысли спарый, откудь вели, я его овамо и доведохЪ, те ћу садь їощь я посла сЪ нимЪ имати. Дойду кЪ бедему, на комЪ люди све на чопоре стали, и

на

на поље оно очи укочили. ФлоренсЪ распаленЪ, протуткасе садь сквозь ове, стане и свое любопытно око бацы на ону страну, види его, гдѣ имЪ се самЪ у полю сЪ мечемЪ у руцы, као лудЪ косири, и кадЪ што се на ове продере. Юноша садь устреливаше взорЪ свой и далье „а какова се вели, она два шатора виде? и зашто су тако близу овамо отЪ своихЪ удалени? Старый ему сЪ отвѣтомЪ нато, мало закосни, но еданЪ отЪ людїй у томЪ его предвари: Мой Господине, вели, да нїе овдѣ оногЪ дроме што виче, и ено насЪ псуе и ружи, нашло бы се овдѣ и тысящами, кои бы се намЪ кЪ оному шатору устрелили, какови су намЪ тамо ангели, ал' есть! жижа! — Е, да! а тко е тамо? упыта сЪ восторгомЪ младиħь. Тко е, царска дцци, за кою говоре, да е лѣпша, него звѣзда деница, краснїя, него е игда Венусь была, прїятнїя взору, него пролѣтїе, любкїя сердцу него души рай, слад — доста веħь, доста! намергодьенЪ старецЪ пресѣче му излишну похвалу; овай погледи на старца, а старецЪ заварављ сыну очи, стави си перстЪ на чело, предЪ дѣтетомЪ, вели му, тако говорити! — Но Младиħь пустїо се у мисль, како бы онЪ на оногЪ юнака ударити могао, ни наумЪ толико ове не узымаше. „Айдете отецЪ! ухвативши стараго за руку рекне, айдете, штаħемо и овдѣ. Изведе его мало на страну „зна-

те

те ли отецъ што е? высте мужь спрамъ вашихъ лѣтъ искусенъ, помыслите, да су рѣдкїи случаи, кое судба намъ на руку даде, да намъ путь къ слави и къ щастїю нашему отворимо! Іа вамъ горемъ жельомъ тому Голїату на удвой изыти, вы се зато любезный отецъ! ништа не бойте! мени мое сердце на предъ каже, да ћу я вамъ то сретьанъ быти! яћу его побѣдити. Отецъ! нїе гледаши на машину шѣтла, ясе нећу съ нимъ ерваши, яћу ему, Богъ и душа доскочити! я знамъ майсторїомъ силу его предупредити: а друго отецъ! имаймо тверду и на Бога вѣру, та высте человѣкъ отъ благочестивыхъ; та егоће и сила вышняго поразити; да онъ беззаконникъ еданъ безчести хрїстїанскїй родъ, и да срамоту наноси овакой нацїи! Та мени ће самъ Богъ у томъ помоћи, да я едному суровому Варварину злосовѣстну душу егову съ кровїю на уста его истерамъ! на она погана уста его, коими насъ Хрїстїане псуе, и онако безчести! Отецъ! я васъ молимъ, я обстати вамъ не могу, да му не изыдемъ, но гледайте шташете чинити; дайте Ваше рѣшенїе, дайте ми благословъ Вашъ отеческїй, и сотвор'те ме съ ономъ на Бога вѣромъ дерзновена, съ коїомъ е и Дїмїтрїй малогъ Нестора противъ гордаго Лїеве сотворїо; я вамъ идемъ, идемъ отецъ! палму свїемъ Парїскимъ младићемъ данасъ похитити, и на то ме, не

моя

моя гордость, не чрезь мѣрна и жедь за славомъ вуче, но управ' любовь къ отечеству, и къ народной слави, мене распалюе, и потеже.

Старый нато извадїо табакеру, и слушаюћи, отвора, да смерче, а руке му деркћу, маше главомъ, не зна шта да му отговори. Найпосле помысли у себи, ако му буде Богомъ дано, войстину неће его ни мимоити, може онъ его їоцъ и побѣдити. Да си ты сыне, рекне му, еданъ окретанъ дѣчко, хитаръ, а доста и смотренъ, али! — силанъ е оно мужь, малый си ты спрамъ него, кадъ бы си вели му, ты его поизблиза видѣти могао! — „о отецъ! не бойтесе вы того, я самь увѣренъ, да я боље знамъ, и хитрїе мечемъ замаиваши, него онъ; а заиста ни у силахъ я не оскудѣвамъ. Іаћу мое копье тако на око узети, и тако на него хитити, да его воистину промацити нећу: особито отецъ! яћу съ коня, а онъ пѣше, колико и то само чини! —

Сотымъ убо у разговору приспѣду и дома, и Клеменсъ видѣвши, да му младићь ништа неотпуца, да онъ не престано моли и навалюе, рекне му „Флоренсе, дѣте мое! то е већъ много отъ тебе; на што те твоя страсть вуче, и хоћели то добро за тебе изыти, не знамъ; но кадъ си већь еданъ путъ то тако твердо себи у главу ставїо: а ты у име Бога айде! спреми се, пакъ пробирай сећу.

ћу. Оди овамо, я ти за садь больегъ оружїя неймамъ, нежел' кое ћу ти садь показати.

Сотымъ уведе его у едну клѣту, (комору) ево ти еданъ стародревный щитъ! На комъ се истина художествено дѣло видяше, но забаченъ толико годинъ обердьао бяше: ево ти вели и копье, ово е управ' яко, а и долго, но ето и оно е мало порушено, али зато нишша можемо его очистити, а мечь имашь добаръ, само да видимо, можел' се извући: держ'деръ сынко! рекне Клаудїю, кой за еданъ край, а самъ за другїй повуче, и едва его извуку: мало е намъ рече, и онъ заердьао, али ништа зато. Но! шта ти садь више и треба, сѣди само на ону твою бедевїю, пакъ се ни мало не бой! укрѣпи само сердце твое истиномъ на промыслъ Божїй вѣромъ, пакъ ће добро быти! Ако его побѣдишь сотымъ теби већа похвала, што-ћешь его и таковымъ оружїемъ побѣдити; акол' узнеможешь, а ты ободи жерава пакъ бѣжи!

Младићь исполнь радости, одма се оправи, отецъ му садь найде и еданъ шлемъ на главу, кой такожде обвешшао бяше. Ао мой отецъ! смѣюћи се рекне юноша, вальда су се вамъ и мышеви у немъ легли, но нишша и зато. Маши му стала и гледи ихъ: Та Бога ти вели старому, шшаћешь ты со тымъ дѣтетомъ какову то комедїю правишъ съ нимъ? — „Ты мучи! отгово-

говори старый, жене вели, нигда не треба, да се у мужке послове мѣшаю.

Садь ФлоренсЪ изведе и коня осѣдлана, кои имЪ тако заерже, да сви руке на уши себи метну. Юноша као птица скочи на него. „Но, штаѣе садь быти? рекне мати. “ Опеть она! приложи старый, што БогЪ да, тоѣе быти, но ты молчи! „Iао мени што е теби, зарь ты ниси могао какова момка найти, ако е заповѣсть на стражу гдѣ шиляти, но шилѣшь ми дѣте! Флоренсе, та шта е то, кудЪ си наумїо сынко? — Юноша окренуо главу смѣесе, и неможе, да ей отговори. КлеменсЪ садь тихо рекне Клаудїю, да му Iерусалїмскїй его штапЪ донесе, и хальину испу, у коей е адчїомЪ постао, скопльенїй шеширЪ, и броянице. Дѣте пойде да му тай орнатЪ донесе, но будуѣи да оно не знадяше гдѣ му е, за то мане главомЪ на матерь, коей искаже, шта отецЪ ище, на кое она сЪ удивленїемЪ почнесе крестити: яо мени жалостной, вели, што е тому старцу, као да е луде печурке ео! та Бога ти кудь се ты тако оправляшЪ, и на што ти садь броянице, и оне хальине? „а ты враже, мораде ей казати! ниси могао самЪ найти! Та не знамЪ отацЪ, гдѣ су вамЪ те ствари. СадЪ КлеменсЪ самЪ уперчи у собу; ФлоренсЪ пружи узду Клаудїю, да му предержи копя, пакЪ и онЪ оде за ними. Стара му садЪ едва поизнала зи пїлгерско его

одѣя-

одѣянїе, кое му прашина веħь попала, и хальину мольцы кварити почели: Онъ обаче ню истресе и очисти мало пакъ обуче, стане предъ иконе а помоливсе Богу, натуче грдну ону шеширину на главу, и штапъ у десну, а брояницe у лѣву руку узме: цѣливай мое дѣте, рекне юноши, цѣливай редомъ те свете образе, пакъ айде замномъ, ты мене слушай! юноша по заповѣсти окупи садь редомъ иконе цѣливати, и онъ чекаюħи на него преметаше брояницe. Жена му неспокойна, то на другогъ очи подпираше „Но Клеменсе! повиче му, садь заисто видимъ, да или си гдѣ нашто нагазїо, или си лудыхъ печуракъ ео, оправляшь се некудъ а и самъ не знашь куда: та шта е то молимъ те Флоренсе, на што е тебе опеть сотымъ обердьатымъ оружїемъ тако подедачїо? На кое старый: неħешь знати, но! — Яо мени жалостна, да зовемъ попа, да имъ молитву чита; како я не бы знала! Старацъ излазеħи, прешаптье нетто Клаудїю, и сотымъ Флоренсъ скочи иа коня: съ Богомъ Мати! рекне.“ Управъ къ двору повиче му отецъ, а ты иди, рече жени у собу, и молисе Богу, знашь! и ништа се не брини, знашь! — „Та Богъ те видїо, кажи ми заштоħу се молити Богу, да барь знамъ! — „Опеть она' курїозїтасъ Фемїнеа!

Садь се кукавна жена узвѣрила, недоумѣваше се шта е; стала пакъ се крсти,

и

и гледи за нима „о частный васъ потрѣо вели, што вамъ на еданъ путъ бы! Богъ и душа мало се лудыїй воде у лудый домъ! ал' душе ти Клаудїе, шта е то, кудъ одоше. Младиѣь смѣшећи се! одоше вели, да коня продаду! „И то ти е прешаптао? Пакъ што мени не каже, силе га сапеле! и зашто се онако наружише Богъ ихъ видѣо! Моли се вели ми Богу! да се я молимъ Богу, што ће онъ едну стервину да продае, хвала лѣпо, погоди! кратке му силе, што маторїи, то лудыїй, надедачисе и у оне свое анперїе, шекъ да му се люди смѣю, а онай ми се опеть направїо майкинъ рїтеръ! Пакъ гдѣ ће продаваши коня? „Іа незнамъ, они одоше ено управ' къ двору.

Клеменсъ у лѣпомъ расположенїю смѣшећи се погледи назадь, и видѣвши ю да ихъ їоць стара съ очима " Ни съ чимъ вели, немож' любопытливой жени на перкосити, као не казати ей тайне; а како да ей кажемь, кадъ ю знамъ, да те за животъ свой пустила не бы. Сотымъ приближе се къ великой улицы, на край кое дворь царскїй стои: воспряну садь сви туда мимоходяцїи, съ очима на нихъ, не знадоше на когоће отъ овыхъ пре погледати, и комуѣедусе више чудити, ил' младому юнаку, иначе лѣпому и на добромъ коню, но подъ обердьатымъ оружїемъ, или старцу у истыхъ хальинахъ, у коихъ имъ е пре 18 годинъ изъ

Іеру-

Іерусалїма дошао, шпаћеду овїи за волю Божїю смћюћи имЪ се рекну.

Но овїи на нихЪ и не внимаю, иду и дойду ту предЪ краля, кой сЪ многомЪ Господомъ предЪ дворомЪ на улицы бяше. „Ово е нћка нова мода, смћюћи имЪ се рекне; пакЪ се веле, бринемо за юнаке на удвой оному, ето намЪ! сапрментЪ, али мусе свћтли оружїе!“ Та то е нашЪ КлеменсЪ БогЪ его видћо! о чуда, кудь ће намЪ тако; полепе, кЪ нему и окруже его. Краль видећи его тако пустынически обучена, насмћесе и самЪ „Но старый мой! рекне му, куда тако у той гали? Нисил’ наумїо опетЪ у Іерусалїмъ? На кое КлеменсЪ: Ваше величество! и проча моя свћтла Господо! Нашшоће намЬ дћло изыши, и шта е небесный промыслЪ ето о момЪ сыну заключїо, я самЪ не знамЪ, но ево онЪ, као што его видите, отважисе на оногЪ варварина изыши! КадЪ нитко вели неће, идемЪ я, идемЪ за отечество, пакЪ што БогЪ да! На ову его рћчь загрми садЪ всеобщїй смћхЪ. „Господо моя, приложи старый, сила господня на слабыхЪ се показуе, смћяли су се и Давїду, но онЪ ужасне величине Голїаша погуби, а не онЬ но всевышнїй. Мой убо сынЪ еднако навалїо, дай велимЪ да пробирамо. ОнЪ ево на коню, а онай е на ногу, пакЪ велимЪ ако се узнеможе сЪ нимЪ боришти, а онЪ нек’ ободе коня и побћгне кЪ врашма, гдћ му могу до нужде

жде наши на помоћь изтерчати. Я самь му дао ошеческїй мой благословъ, и онъ е се препоручїо Богу, свеше образе у дому цѣливао, и ево дошао, да му и Вы дате, као монархъ его, благословъ Вашъ.

На ово младићь садъ съ коня скочи, и предъ краля клекне. Кралъ на то: драгїй мой Клеменсъ! ясамь тебе и свагда за то твое просподушїе любїо, и радо те имао, и више самь тисе путїй сладко и насмѣао, обаче садь право да ти исповѣдимъ, моромъ ти се чудити, како си могао таково што дѣтету дозволити! онъ, дѣте їощь безъ наустницъ, да на онакову люду, и на чудовище едно удвоитисе иде! Та онъ е комарецъ еданъ спрамь онаго! Но Богъ намъ его живїо, наслонивши му руку на главу, и Богъ да намъ его благослови, я почитуемъ у немъ то благородно славолюбїе, и за отечество тако тепло его усердїе; обаче пощадимо мы его засадъ отъ того, не губимо у немъ будущегъ мужа! нїе то їощъ за него. Онъ само мечтава нешто у себи, као што обично кодъ младыхъ людїй быва, кои све по своемъ лекомыслїю за могуће себи держе то рекши двигне его.

Присутствующа ту Господа едва се предъ Кралемъ ту отъ смѣха задержаваху. А младићь опечаленъ погледа на отца, и желяше опетъ предъ Краля клекнути, и самъ молити, но не смѣ отцу у рѣчь. Краль охоту его примѣтивъ наслони му

руку на раме, тако любезный мой, рекне му, тако, послушай ты мене, и почекай на твое време, пакъ ћешъ їоцъ ты кодъ мене постати гардистомъ, а и Рїперомъ. Клеменсъ на то полнъ радости смѣшисе, и часъ со склопленыма рукама двигне очи свое къ Богу, часъ опеть косне се скупа Царскогъ и цѣлуе его: о Ваше величество! вели, коль сладко Царско слово, коль пріятна за мене родителско сердце та Царска Милость! Слушай сыне возопи умиленъ, слушай и упамти ова Божествена нашего Милостиваго Монарха изреченія, благодашну бесѣду ову, коя на честно и хрїстїанско сердце, као майска у ютру роса на добру землю къ произведенію свакогъ плода, намъ тихо низпада! Угрѣвай убо те свете, те отеческе рѣчи у твомъ сердцу да ти произведу у немъ сваку добродѣтель, а наипаче ове: любовь и вѣрность къ своему монарху, и отечеству, да ти свагда за началне буду!

На то юноша, едва часъ улучивъ трепещуцъ падне паки предъ Монарха „Ваше величество! возопи, овай е часъ знаменитый за мене, часъ отъ коего судба мени славу или смерть почине: зато я молимъ за высочайшу милость, ясамь се већь, подобно Давїду на силу Божїю уповаши, со свимъ разрѣшїо на онаго юнака на удвой изыши, ясамъ у надежди его побѣдити, и срамное оно протывъ славногъ

ногъ нашегъ народа поношенїе отузети! Ахъ, Ваше величество, Господо моя славна! не гледайте на мою младость, на мою недозрѣлость, имамъ я Богу хвала и сердце, да смѣмъ изыти, и силе дасе могу я съ нимъ сразити: само їощь милостивое дозволенїе просимъ. Онъ овако у силномъ душе свое движенїю говорећи, савъ се бяше, као пролѣтна ружица заруменїо, на кое рѣчи его удивесе садъ сви ту присутствующїи, и Краль его милујући по образы, прехваши му слово: дѣте мое мило, велико е то за тебе, што ты у тїихъ твоихъ младыхъ лѣты отъ мене захтеваш, и я самъ незнамъ, како бы я теби то допустїо: ето нек' намъ и ова Господа дѣло проразсуде! Ваше величество, прехвале садь овїи, у име Бога нек' иде, кадъ тако силно навалюе! Ели како у замаю способанъ, вопросе стараго.“ О Господо моя, рекне овай, и у замаю, и на коню, и у снаги, и хитро се на свашто обазрѣти, то е све у него, кое я у момъ животу нисамь видїо! Краль на то двигнувъ рамены: како убо знаше, чин'ше, я ништи то от него захтѣвамъ, ништи му запрещавамъ, оставлямъ Вамъ на волю, и сво му мой благословъ, (спустивши му руку на главу) сыне мой, ако е Божїе у овомъ дѣлу о теби благоволенїе, да ти укрѣпи духъ и сердце твое; нїе ли благоволенїе Божїе, то да ти и мысль ту отъ намѣренїя от-

 врати!

врати! СадЪ иди, водите его, и врата да му се отворе, пакЪ мое дѣте, у случаю да се уплашишь. и предосѣтишЪ духомЪ, да нећешь моћи сЪ нимЪ на крај изыти, а ты одма оводи твогЪ жерава, пакЪ бѣжи кЪ вратма, на коимаће те крѣпка наша дочекати стража! На то КлеменсЪ, СЪ милостивымЪ дозволенїемЪ Ваше величество да и я его, поне на едну пустимицу отврата испратимЪ, и онде да станемЪ гледати, и за него се Богу молити. ПакЪ зашто не! можешь свободно, отговори Краль, но пази и на себе, и немой се оному приближаваши: СадЪ идипе у име Бога! юноше, добро смапрый! велико си мой сынко, дѣло предузео, благо теби, ако ти за рукомЪ изыде.

СотымЪ, текЪ што намЪ се овїи крену кЪ вратма, ал' загрми гласЪ исполина, „На полье изЪ града ако има тко сердце! на мейданЪ, ако жене нисте! или ключе града дайте! — ОнЪ овако сЪ голымЪ у руцы мечемЪ на равномЪ полю бѣшенствующи, громкїй гласЪ свой усугубляваше, ал' силный народЪ улицами кЪ бедемомЪ садЪ потече, сдно другому прекo врата поће, чули бо бяху да е се сынЪ спараго Клеменса на Демербеча, ударипи разрѣшїо! „ щепа! о щепа, вопїяху изЪ сожалѣнїя многїи, за онакова юношу, да намЪ погине! ОнЪ ће и его, као и онаго счепапи на ледья себи, и однепи, и као

роба

роба Богъ зна кому и у кою землю продаши; зашто му допустише то чинити, и гдѣ му е отцу паметъ! луда старый, да онъ младића отъ тогъ не отвраши! многїи се ту управ' и прослези, но найпеже буде Окповїану. Нѣкїи пакъ отъ младића, паче желише, да имъ погине, или да и его онай отнесе, нежел' да имъ онъ палму свимъ онако младъ їощь отпоргне. Народъ се по бедемы садъ начичка, и свой любопытный взоръ на поље обраше у нестерпѣнїю едва чекаше, да имъ се врата отворе, коима младый ирой на свомъ жераву предъ отцемъ весео ездяше, и на едну и на другу страну народу се поклаияше, коего благожеланїя, да имъ сретьанъ буде, съ усердїемъ прїймаше.

Врата имъ се убо отворе, и младићъ съ отцемъ изыде, мрави свакогъ садь подидьу кадъ видише предъ каквогъ Ада овай имъ земный ангелъ на сраженїе изыде! Гдѣ кой ту отъ старыхъ съ наводненыма очима народъ опоминяху, да се Богу моле за такова младића, кои се за всеобщу народа славу садъ тако жертвова: женскїй полъ, као нѣжнїегъ чувства весь почти погрузисе и у плачь: о да му всевышнїй мышцу укрѣпи! сви на небо погледаюћи вопїяху, о да му соперника смепе и да намъ, ангелъ невидимо одесне стране нашему Флоренсу стане, и непрїятеля му порази! — Само бы овдѣ гдѣ кои отъ младыхъ Рїтеровъ съ нѣкимъ негодованї

емъ

емъ любезна ова народа желанїя у себи прїймао съ побѣдомъ бо овогъ юноше падаше честь ихъ.

Флоренсъ поудальившисе отъ великихъ вратъ, обрашисе къ старому: Отецъ, вели, съ Богомъ! Вы ту стан'те, далье несмѣте! На кое старый и стане, иди сыне съ милымъ Богомъ! сквозь плачь рекне му; иди, Богъ нек' ти буде у помоћи, комућусе я овдѣ, вѣромъ, и надеждомъ на милость его укрѣпленъ, не престано за тебе молити, иди! и Богъ да намъ те благослови! — О всевышнїй! о Хрїсте сладчаишїй буди му милостивъ! Светый военачалниче небесныхъ силъ, Архангеле Мїхаиле, заступи намъ его, — и овако далше съ брояницами у руцы старый се за него моляше. — Я его испреко моря донети! у себи рекне, отранити, воспитати, и као мое рождено возлюбити, пакъ садъ кудъ его послахъ! — О небо! у каковой се тѣсноти душа моя у мени садь находи!

Между тымъ младиħь се приближи ко Голїату оному, и видѣвши его вeћмасе удиви гердоби его, нежели да се уплаши отъ шакове машине человѣка. Подбочіо се пусшый на велику у руцы мечину, со шаке широку, пакъ стои, као какова шпапуа, гледи на младиħа, и подмигливо смѣшеħисе „жалостна ти майка, загрми му изъ устъ, е сил' вели, и знао, на кого си дошао? — Младиħа садъ пройде ма-

ла

ла еза, но їощь се толико не уплаши; теплота бо юношеска его крви, и тверда непорочна его сердца на промыслъ Божїй надежда не попусти му духъ уплашиписе со свимъ, гледи на него, и їощь му ништ' не отговори, мѣри его съ очима, люда грдна, кой его са земље онако на коню, почти надвишаваше съ главомъ! перси му широке, и глава му чалмомъ умотана, стои као навилякъ сѣна! брекови му церни и кушляви помѣшани съ брадомъ, коя му полакъ персїю покрываше! очи велике и закровавлене, као у Африканскогъ лева ноге, руке, све му по необично величине бяше. — „Гледай ме добро! рекне Гїгантъ, имашъ ме шта видѣти вели: и ты се приложи, по свой прилицы не у себе но у то твое клюсе уздашъ, ал' ћешь се преварити момче! — „Видимъ те, отвѣца юноша, да си големъ, и чуо самъ, за твою милость, но што Богъ да! — На то онай му се мало приближи и гледи" А! право! као да самъ поручїо по тебе, докле те само види моя Прїнцеса! што е онай ономадашнїй спрамъ тебе! ядный Данберте, све ми нѣке гиздавце шилѣшъ, на кое се стыдимъ и мечь мой двигнути! Море дѣчко, да ты ни си яданъ изъ школе утекао? „Есамъ, да како! отговори дерзновено Младићь, и ободе коня на едно подвышено мѣстанце, и ту стане, изъ школе самь побѣгао, и противъ тебе дошао, да заслужимъ Емїненцїю,

цїю, но вальда ти шшо и противно пада да и дѣца Француска теби на мейданъ изыши смѣду. — Амъ! смѣду? оногъ самь ономадь на ледьи отнео, а тебе ћу у зубы. „Незнамъ отвѣца юноша, хоћел' и тако быши; найпре треба скочиши, пакъ онда рећи: Хопъ! — „Хмъ! тако ши тогъ свѣтлогъ оружїя! ако ти е Краль то оружїе дао, вальда си му первый Рїшперъ! „И есамь, кадъ самъ се „на тебе изыши усудїо! Видимъ, но за„што поузмичешь на то брдо? овако ми„се хоће! „дѣчко, отвећь си свободанъ! „Тымож' знаши и зашто! — На то Гїгантъ тергне мечь и полети къ младићу, да его на коню по полакъ, као репу разсѣче, но мудрый юноша хишро му се на коню окрене, и мечемъ отбїе му мечь, пакъ у истый ма лупи по его десномъ рамену тако, да му е одма кровь низъ мышцу поцурила! и стымъ его у такову ярость бацы, да е рыкнуо као левъ, и на ново младићу полетїо, да и его и коня на землю сможди; но лоша му и у томъ сретьа буде; зашто, како е у ономъ несмотреномъ устремленїю своемъ, до предъ коня ставїосе, младићь му хитро съ коньемъ на страну мало варакне, пакъ затегнутымъ мечемъ своимъ пифъ его по истомъ рамену. коимъ е быо у намѣренїю коня му турипи, и тако яко садь его удари, да му е одма десна рука клонула, изъ кое му и мечь на землю падне! Но

опеть

опеть овай Херкулъ счепа садь мечь у лѣ-ву руку и на ново се устреми да младића погуби: онъ отъ муке бяше као дивїи вепаръ запенушїо, и отъ люпине, гдѣсе ему живъ ухватити младићъ не даде, сбунисе садъ, пакъ и не гледаше, какоће на него ударити, но залети му се съ шаковымъ свирѣпствомъ, да его заедно съ конемъ на землю свали! Но храбрый юноша хитро исподъ коня опетъ на ноге скочи, само шпо му шлемъ съ главе на страну ошлети, кой му Татаринъ съ мечемъ тако у высину бацы, да е се едва већь и видѣти могао пакъ се онда окрене къ младићу, но овай му већь раскораченъ, у десной руци мечь, а у лѣвой копье, ему окомице держаше: оди! дерзновено на повысокомъ мѣсту стоећи, рекне му, оди! ако смѣшъ. — Варваринъ дуне само и зашкрыпи зубы: Ты вели, вальда демона имашь, но неће ти заисто ни онъ помоћи! съ тобомъ може быти, отговори юноша демонъ влада, а са мномъ благодать Божїя. Садь еданъ на другогъ съ крайными силами нападне, мечь, о мечь удараюћи спо имъ звизга около ушїю! юноша готово већь да малакше, но на срећу егову, шпо му непрїателю десна рука по испеченїю многе крови, сасвимъ малакше, кое онъ видѣћи больмасе садъ охрабри, усугуби силе, и хипрость свою у замаю, и дошле съ нимъ хитро окрепаше и искусно му мечь у его шуицы от-

бїяше,

бїяше, докле на еданпутЪ невидѣ его, да е савЪ преблѣдїо, и узвѣрїосе бяше да се кудь мало уклони. Но юноша, кого такожде пѣна веѣь на уста, и мертвый зной попао бяше, неда му ока отворити, еднако се держи, и не смѣ му да отпусти: докле му годь соперникЪ не рече: аманЪ доста море! СотымЪ мало узступи на задЪ, но ово и юноша едва дочека да садЪ тамо и самЪ отдохне. БогЪ садЪ подупресе на свой мечь, и дыше, да му чисто перси отскачу. Юноша погледи на свогЪ коня, кой му близЪ ту травицу чупкаже, и текЪ што науми, да скочи на него ал' му БегЪ уздане: Ей Муамеде, Муамеде! што бы отЪ мене!— „Не труди юначе изЪ оне вѣчности пророка, отговори му ФлоренсЪ, кадЪ ѣешь садЪ и тако ему путовати, пакЪ му можешь и проповѣдити, како и дѣца Француска сЪ еговы поклоники сразитисе знаю: Хоѣешь ме садь у зубы носити? уздао сисе у величину твогЪ тѣла, и у ту твою звѣрску свирѣпость, пакЪ се дереть овыхЪ дней и вичешЪ као лудЪ: зїяо си безумно на ПарїсЪ, као на сладку ябуку, а и на цѣлу Французску быо си твое оттворїо челюсти, но како ти е садь? Садь да те откудЪ твоя заручница види! На кое ГїгантЪ распалисе на ново гнѣвомЪ, рыкне као левЪ, и полети сЪ мечемЪ кЪ юноши, но овай хитро его у намѣренїю и садЪ предвари, счепа бо мечь свой се-

би

би у зубе, а копье у обе руке окомице держећи, залети му се тако живо, да его одма у тербухъ пронзе, отъ когъ удара продересе изъ гласа, и савъ се затресе да падне но їощь се на ногу задержи: преблѣди као крпа, и превали свое съ тавнымъ већь погледомъ очи на младића: Тко си ты, вели, и шта учини отъ мене? — „Дѣте изъ школе отговори юноша, и учинихъ оно што си ты хотѣо отъ мене учинити! Но препоручисе већь Богу, яћу ти твою милу поздравити, а казати ей, како си се юначки за ню борїо, нек' ти дойде на гробъ, и нек' ти сади на немъ смиля, и невена, ако си ей тако мїо био. — Онай се между тымъ наслонїо баше на мечь, погао главу къ земли, и курячки исподъ очїю вребаше, да младића поне еданпутъ мечемъ жицне, обаче мудросшь, коя и юнымъ чувство дае, опасна учини оваго, примѣти намѣренїе его, скочи къ нему и изненада шури его! онъ се мало їощь на ногу залюля, пакъ тресне о землю као каковъ растъ! почнесе садъ на трави кровїю окропленой валяти: часъ се усилявашесъ главомъ горе да устане, часъ опеть клоне, и машасе меча, кои му изъ руке отскочїо бяше: садъ се мало препаложи, као да издану, садь опеть оживи, и кадъ се отъ муке продере, удари му кровь и на носъ, и на уста! „Не жалимъ, слабымъ гласомъ изговараюћи, не жалимъ

вели,

вели, шшо погибогЪ, но отЪ кого, отЪ едногЪ балавца! — Не отЪ мене, отговори му благочестивый юноша, но сила вышняго тебе порази, зашшо си отвеѣнь силовитЪ быо, а мужЪ силенЪ дней своихЪ и непрополови! — „Да я нисамЪ рече, на то ишао, да ше жива у зубы отнесемЪ, видѣо бы ты шшо бы съ тобомЪ было!“ ДопущамЪ приложи юноша, но БогЪ кого хоѣе да казни, найпре му паметь узме обаче, да се више не мучишь, Богу душу, а мени главу! и просши ми! То рекне отсѣче му главу! Покуля му силна кровь потокомЪ отЪ коесе около его испареніе замагли, и зелена трава свасе шу обагри; грдна главура съ отворены усты, и закровавленымЪ очима стане скакаши, и зѣваюѣи отЪ силе почне блебешаши; скачуѣи найпосле сплетесе косомЪ за еданЪ тернЪ, и шу изумре! Юноша садЪ погледи му на трупиу, самЪ се себи диви, и воздао Богу благодареніе, да е онЪ могао шакова, не человѣка, но чудовище поразиши, и толь щастливо надЪ нимЪ побѣду одержаши; воистину вели, садЪ а видимЪ, да ме е судба мановеніемЪ БожїимЪ дерзновена на то учинила! И да ме е самЪ промыслЪ БожїЙ отЪ погибели данась сохраніо; ибо садь истомЪ осѣѣамЪ нѣкїй страхЪ у себи, кой найпре нисамь осѣѣао: о всевышнїй! благодаримЪ ши но буди и ему у той вѣчности милосшивЪ! — ПораженЪ ГїгантЪ садь веѣь по-

послѣдне силе свое потресе: онъ окренувшисе на ледьа, упре ногама у землю, и подупирућисе рукомъ лѣвомъ, десномъ бо више и немогаше, испучи тербухъ, и широке юначке груди у высину, да его грозно бяше погледати, докле већь еданъ путъ сасвимъ клоне и изчезне духомъ! — „ вѣчна ти память! рекне младый Ирой, сотымъ узме му главу, кою едва двигне, и привезавши ю брковми за преднье дугме отъ сѣдла, скочи на коня.

И текъ што се поляномъ къ великимъ вратма, и къ своему отцу Клеменсу упути, ал' всеобщїй и радостнѣишїй шумъ народа съ вышереченыхъ бедемовъ загрми „ вїватъ вїватъ младый нашъ Ирой! вїватъ Флоренсъ, дика, и обрана чести наше! Сотымъ потеку, да едно друго погази, къ великимъ вратма, и смотривши старца, како му на срѣтенїе онако старъ терчаше " вїватъ Клеменсъ, благочестивый нашъ старецъ! на ново подвикну.

И докле е старый радостными слезами поливенъ, предъ сына приспѣо, дотле већь и народъ на врата поверви, и за тилый часъ обоихъ окружи: старый е радостїю тако ослабленъ быо, да муесе езыкъ чисто завезао, што проговорити, но отъ радости ецаюћи разширїо руке „ сыне, сладкїй сыне мой! то рекне и занеми. — Младићь скочи съ коня " отецъ! радуйтесе, мене е промыслъ Божїй на ваше

ше молитве ево сохранїо! Любезный о-
тецъ! загрливши его, ясамь непрїятеля
побѣдїо, ево му главе, и Богу благодаримъ
ясамь се сасвимъ невредимь врашїо.

При радостной убо овой сцени, сле-
гаосе тако народъ бяше, да е цѣло то по-
лѣ покрыо едно поредъ другогъ пушкаше-
се, да виде главу непрїятелску и млади-
ћа, говорећи сви: благо ему! о благо ему!
онъ освѣпла образъ свему обществу на-
шему; онъ оспави безсмертно име себи!
шкобы игда и помыслити могао, да шако
младъ момчић по учинити може! благо
му оцу, и милой майки его, имаћеду се
съ кимъ опсадъ дичити и поносити. —
„Сыне, любезный сыне мой! цѣлујући е-
го, благосиляше его садъ старый, по-
што већъ радостными слезами олакша
своему чувству: ахъ, блаженъ е онай часъ
вели, погледавши на небо, за мене быо,
кадъ ше е промыслъ Божїй мени вручїо!“
доста отецъ любезный! цѣлујући му мла-
дић руку рекне, доста! но одите мало
настрану „знатели што е? узмите вы
ову главу, ал' ће шешка быти за васъ,
нек' вамъ шко другїй понесе, пакъ идите
управ' кралю и у мѣсто мене, вы му ю
предајте, а я идемъ мало овуда узъ во-
ду, до оногъ што се види гая, бояшисе
отецъ! садъ неймаше шта, станъ е не-
прїятелскїй далеко, ясе онамо указывати
и нећу, но само обостићу коня, и све узъ
сеню (воду) до оне шпосе ено види ум-

кећу

ке ћу дойти, да нешто видимъ, пакъ ћу се таки вратити, медьу тымъ нек' се мало и тай народъ разиде, зашто я нерадъ, да ме улицомъ толикїй народъ, као медведа прати" о дѣте мое мило! отговори умиленъ старый, та тебе народъ изъ любови, и изъ почитанїя сыне прати, и свако то жели садъ, да те се нагледа; све е то отъ ютрошнѣ доба гладно и жедно по оныхъ бедемы стояло, и едва дочекало опредѣленїе, судбе твое чути и видѣти, пакъ ти се садъ свако и радуе! „ знамъ отецъ, знамъ я то, но учините вы мени тако, ониће мене и више путїй видѣти, и яћу отъ свакогъ знакъ признателности ихъ за мое дѣло, кое они толико уважаваю, съ благоволенїемъ, и учтиво примити; Кралю и прочимъ Прїнцевомъ и свой Господи на поклоненїе дойти: само садъ я мало идемъ! Старый на то слегнувъ рамены „ сыне, како те Богъ учи! — Флоренсъ одма главу непрїятелску съ коня скине, и пружи едному младому, и покрупному момку " понесите рекне му, молимъ васъ за старымъ ту главу! Сотымъ цѣлуе отца у руку и скочи на коня, пакъ се окрене съ поклоненїемъ на све стране къ народу „ Славный публїкумъ, рекне имъ, и любезный мои, сви коисте! овдѣ! я вамъ усерднѣйше благодаримъ на той вашой искреной къ мени любови, кою вамъ чиста радость ваша, о данашней моей побѣди на лицу вашемъ изражава, о побѣди надъ

все-

всеобщимъ нашимъ непрїятелемъ, когъ є всевышнїй творецъ, а не я побѣдїо, благодаримъ и съ Богомъ, видиħемосе скоро и опеть!

Сотымъ не на мало свимъ удивленїе ободе коня кудъ е наумїо, а Клеменсъ нашъ полнъ радости, окруженъ народомъ отъ несе главу Кралю. Садъ и овдѣ цѣлый дворъ радостнымъ исполнисе шумомъ; само што Краль извѣстившисе о Флоренсу, да е опеть нѣкудъ отишао, мало вознегодуе, боеħисе, даму се што не догоди, а їощь ни плода своихъ трудовъ окусїо нїе, їощь му лично у двору ни захвалили нису, ни пристойногъ награжденїя дали! То вече Краль даде еданъ прекрасный балъ, и цѣлый градъ заповѣди освѣтлити: нашъ старый Клеменсъ, са своїомъ, ту е отъ цѣлогъ публїкума найболѣ предусрѣтаватъ; Име е Флоренса, кодъ свакогъ стола ту у здравицахъ споминялосе, но свакїй жаляше, што его ту нїе, а наипаче мати му у великой брига буде, штаħе се далше съ нимъ догодити хотя при великой радости, она опеть сила и неспокойна бяше, често погледаше на своего Клеменса, како е весео, и полнъ задоволства, какосе ту шали и смѣе, пакъ у себи рекне: благо ему, кадъ тако може. Они истина на своего младаго Ироя доникле и изгледаше, но кадъ веħъ касно буде, позабринусе, да нїе онако младъ гдѣ на непрїятеле наишао, и погинуо! Но паче свїю

онъ

онЪ Октавïану на сердцу лежаше: овай старому и нѢколико путïй ту и пребацы, зашто е его пуцао, зашто его отЪ его-ва предпрïятïя отвратïо нïе; не сумняю-ћи, да бы его младиѢЪ, као еданЪ добрый и повинный сынЪ, и у томЪ послушао, и не бы преко его волье отишао. Много ту о томЪ овако разговараюћисе, смути мало и нашего Клеменса. Време буде да се и разиду. Но чуда садЪ! КлеменсЪ са свïомЪ, и сыномЪ Клаудïемъ дошедши дома, заспане Флоренса своѢЪ гдѢ у своей соби мирно и спокойно спава! КадЪ е до-шао; упыта младье, їощь около 10. ча-совЪ отговоре овïи, и како е дошао, умые-се, и преобуче, пакЪ мало повечера, молисе Богу и леже. „Іа тебиЪ кажемЪ, рекне Кле-менсЪ, жени, да ће онЪ намЪ дойти, не-вѢруемЪ вели, да е онЪ и имао кудЪ и-ти, но само уклонïосе мало народу. Ма-ши его милуюћи онако успавленогЪ по румены образы „чадо мое мило! говораше му кадЪ те е БогЪ милостивый сохранïо, те си намЪ живЪ дошао, шта ме е жалост-ну страха прешло, кадЪ самЪ чула, кудЪ си отишао био, и добро што прïе нисамь жалостна чула, свисла бы отЪ страха!“ зато я тебиЪ нисамь ни казывао, зашто знамЪ што су жене! „за бога, а да нïе намЪ раненЪ? — “ раненЪ да! отговори поносито старый, юнакЪ е то! — Маши да му издигне мало главу, мати му се подЪ ястукЪ, кадЪ ал’ рукомЪ удари на

нешто, извуче о! нѣкїй КьемерЪ, скоро сЪ педля широкЪ „Клеменсе! повиче та добра намЪ срећа, шта му е ово? — Старый опипавЪ рукомЪ “ право! овое жено, како ми се види, добра кобасица! Проспу на столЪ, сами дукати, сложе ихЪ опеть у КьемерЪ, пакЪ му мету подЪ главу, мотре около него и далѣ, кадЪ ал’ на руцы му и три перстена златна сЪ драги камени увиде, коя се свободно на 5. тысяще дукатовЪ цѣнити могу! погледе едно на друго, и слегну рамены „БогЪ и душа, ово е чудо отЪ овогЪ дѣтета! рекну, онЪ е ово данась морао отЪ оногЪ заманделїе добыти, и мал’ да се онЪ жено! нїе зато онамо данась и врашїо био. “ шта му драго, нека его, нексе намЪ изспава, а сутраћемо се разговараши. Со тымЪ оду и сами спаваши.

Сутра дань кадЪ устану, ФлоренсЪ се обуче, и дойде РодителемЪ у собу, на кое смѣшећисе машисе и едному и другому кЪ руцы, и сЪ добро ютро, любезно ихЪ поздрави. Они его такожде, и едно и друго родителски загерле, и полюбе, камо се сыне, за волю Божїю, сыноћь, да будешь у дружствву? „Есть хвала Богу! отговори овай, а камосте се вы? держите балове а я самЪ овдѣ. По маломЪ овако разговору, и шаливомЪ препиранїю, унесе имЪ се и ручакЪ „Іа самь вамЪ, рекне младићь, тако гладанЪ, да бы садЪ и обѣдоваши могао. Ал’ кудЪ ты сыне, юче

оде

оде молимъ те? “ ал’ заисто, прехваши маши, да ты юче у градъ и у дворъ не дойдешъ! за онакову твою побѣду, и онаково цѣлогъ народа восклицанїе, ты да за мало вмѣнишъ и одешъ! Пакъ поне, да си на вечеру дошао! другїи сыне, грамзе и за найменшомъ похваломъ, кадъ што учине, а ты се клонишъ, што иначе по теби свойствено быти не видисе, незнамъ што ти е юче было! „ благородному е сердцу, приложи старый, свойствено желанїе славе, но само получити ю, а не яко потомъ за похваломъ ея чезнути; ово я у немъ похвалюемъ! Младићь поприхвашившисе мало, устане „ ево вели што ми е было, да опидемъ, изнесе тьемеръ, и проспе на столъ злато, и да нисамь одма опишао, не бы ово садъ имао, ево каково самь и перстенье добыо, особито овай, ахъ овай! кадъ быспе само знали отъ кого самь его достао. Но чекайте, да вамъ їощь нешто лѣпо покажемъ! Сопымъ изнесе исподъ ястука у едной марами нешто завїено; развїе и покаже едну дивну отъ аравїйскаго злата челенку, на верху кое малый и полокружный месѣцъ бяше, и на овомъ сѣ оба края по еданъ великїй рубїнъ, на коихъ свѣтлости, рекао бы свѣћу ћешь ужећи, а на среди месѣца еданъ великїй дїаманшъ, блистанїемъ очи имъ засѣняваше! „ видите шта самь вамъ стекао, и да нисамь се врашїо, погъ сада ништа не бы было, дошли бы

 были

были Варвари и покупили: а я у онай парЂ, кое уплашенЂ, кое и радостанЂ, шшо самь му главу отсЄкао, или паче мою на раменехЂ сачувао, похитимЂ, да се и несперпЄливому народу укаженЂ, да нисамь погинуо, на плЄнЂ овай и заборавимЂ: нипш бы ми зарЂ и пало на умЂ, да около его шшо потражимЂ, док' случайно, другогЂ посла ради онудЂ ходећи, на него опеть ненагазимЂ, и унЄдра му не завиримЂ. ОнЂ е ову челенку вальда готовећисе са мномЂ на сраженїе, скинуо био сЂ главе, и склонїо у нЄдра своя, а шьемеромЂ е био опасатЂ; ова два перспена найдемЂ му на. лЄвой руцы, коя самь му едва и скинуо, имао е и еданЂ великїй шалЂ, около себе обвитЂ, но будући како самь его копїемЂ пробоо, савЂ е изЂ уштробе поруженЂ, нисамь му ни узео. — „А овай перстенЂ, упыта маши, отЂ кудЂ си шшо кажешь добїо? „Еи! шай перстенЂ моя мамице! возраза смЄшећисе ношта ево вамЂ вели, дукапи овы, ево и ова два перспена, на часть вамЂ, само мени остав'ше челенку и овай перстенЂ; овайћу я на моей руцы носиши, о кадЂ бы ми БогЂ їоцць даровао — но нипша, прокушаћу я срећу, отецЂ! од'ше мало, поведши спараго за руку, у другу собу. Маши ово негодујући " но хвала Богу, рекне, вы све нЄку шайну имаше, и отЂ мене крыепе: на кое КлеменсЂ: „Іасамь шеби казао; да се жене у мушке послове

немЄ-

немѣшаю! „мой сынъ има право! “ доброћешъ ты! та нисамь ли и я мати? ако си и мати, не морашь свашто знати! зато што си жена, за тебе нїе тайна! „яо жалосна, рекне стара, да си їощь едну чашу лїкера више попїо, їощь бы си и сличнїе говорїо! айде, айде! жене су убо саме продерта вреѣа, а вы люди нисте! Сотымъ спреми дукаше и проче ствари, пакъ нестерпѣливо изчекиваше, шпаће їощь отъ сына чути.

Флоренсъ ушедши съ отцемъ у собу другу, почне му овако „Отецъ любезный, я вамъ имамъ нѣкїй мой планъ открыти, какоѣете мы Вы и съ колико мое намѣренїе одобрити, незнамъ. Я Вамъ синоѣь мал’ главу не изгубихъ! Старый тронутъ любопытно погледи єго“ синоѣь приложи младиѣь кадъ самь оно по другїй путь отишао! Конь ми е раненъ, тако, даѣе тешко и преболети моѣи! — Старый на то сбере оберве, и плѣснувъ рукама „иди неговори! а што си радїо боланъ?“ Послушайте ме само, лакоѣемо и за коня, но напредъ васъ молимъ, извините ме отецъ, младость, лудость! (полюбивши му руку) млада человѣка више путїй да промыслъ Божїй не сочува, изгубїо бы животъ, теплота бо его крови исхити его изъ сфере, пакъ кудъ его сердце повуче, иде као слѣпъ; нити онъ гледи, нит’ видѣти може, какова неудобства предъ собомъ има, да гдѣ не запне и главомъ о

што

што не лупи! — описана мени красота царске дщери Марцебїлле, за кою е ено князь Вавїлонскїй и погинуо, тако у моей души оживи ми Фантасїе, и тако ми се сердца моего косне, да се Вамъ я усудимъ юче управ' подъ шаторъ ея отити, и поне видѣти ю, припусуюћи мени и нѣко *право* на то; будући дасамь я надъ онымъ трїумфїрао, кому е она руку свою, ако побѣду одержи завѣщала. Седнемъ убо я на коня, као штосте ме и видѣли, и све узъ сеню умѣрено ходећи стигнемъ ко убїеному Бегу, застанемъ ту его, да надъ ньимъ вране гачу. Оплѣнимъ его, да ме нитко и не смотри, пакъ садь, приближимъ се къ великолѣпному шатору Прїнцесе! Сунце већь косими зраки освѣтляваше на верху шатора златный месѣцъ, и по зеленой свили златне шльоке блистахусе, као да е жеравицомъ кровъ шатора посутъ, отъ коего и ивице со златными китами висеће, истими шльоками учичкане, спрамъ сунца блистахусе. Подпоре шатора сребромъ оковане, на верху коихъ и велике сребрене ябуке свѣтлесе. Мало више шатора стои тобож' нѣка стража, 5 — 6 Сараценовъ, и два арапїна. Я садь како спазимъ, да самь већь овымъ у очи пасти могао, претворимъ се као да самь я у ловъ ту изышао, и погнавши туда зеецa, случайно дотле дошао: окренемъ се и звиждимъ на мое ловачко псето; повратимъ се їощъ нѣколико кора-

ковъ

ковъ и изгледамъ сирѣчь, идел' ми псето, пакъ опетъ ободемъ коня къ шатору ближе. Станемъ убо ту онако небрежливо, и загледимъ се у шаторъ, чинећисе да я стражу їощь и не видимъ. Кадъ ал' со стране изъ едногъ малогъ верта закикоћу ми дѣвице! на коихъ гласъ я приступимъ ближе, и имамъ шта и видѣти! 12 дѣвицъ, не знащъ коя е отъ кое лѣпша, и краснія, све у скупоцѣнныхъ одѣяніяхъ. Беру ту нѣко цвѣтье, и метьу предъ едну, коя имъ на едномъ зеленомъ тьїлимчићу сѣдяше, и отъ цвѣтья вѣнчиће нѣке сплеташе. Іа ту у испый ма будемъ толико сретьанъ, да се съ конемъ мало за едно древо заклонимъ, и тако ихъ испрекрайка гледимъ: но едва дочекамъ, да и она, што плете вѣнце, мало двигне главу, да ю видимъ исподъ зелене тончице, коїомъ покрыта бяше, какова е у лицу, а већь по одѣянію и несумняхъ, да е то Прїнцеса, на гласу она Асїйска лѣпота: коя кадъ исправи главу, и уздвиже мало съ лица своего тончицу ону, о отецъ! я не знамъ, ели игда отъ Адама до данасъ и какова майка была, коя бы сисомъ своїомъ таково дѣте задоила! — Отецъ! Ангелъ е то небесный у смертномъ тѣлу! Я Вамъ ю описати не могу! зашто то нїе просто само рећи прекрасна, но то е чудо нѣко отъ дѣвице! Я се чисто укочихъ, пакъ не скидамъ ни очїю мои съ нея, а сердце ми у мени игра,

ре-

рекао бы искочиће ми. Оне мене їощь не виде, но оплету отъ различна цвѣтьа еданъ великїй вѣнецъ, и рекну: но! овайћемо Господину Демербегу на главу метупи, кадъ намъ съ побѣде дойде! „Есть помыслимъ, видѣћете вы егову главу супра на колцу!

На то конь пода мномъ заерже, и оне смотре мене, пакъ ми се почну смѣяти, каково оружїе имамъ! Бестїе шальиве, заклоне и очи свое рукомъ, да имъ свѣплость сирѣчь отъ моего оружїя не засѣни видъ! я стоимъ и ћутимъ. „Ала да намъ откудъ, рекне една, удари садъ изнена да нашъ Бегъ пакъ да его намъ окупи прекo того тернья.“ Ништа, приложи друга, мало бы се съ конемъ изгребао, вели, ал’ бы му се баремъ сквозь тернье очистило мало и оружїе! Ово се поношенїе косне мени садь сердца, и я порумепымъ. На кое Прїнцеса „ал’ су вели, лѣпи тїи Француси силе имъ кратке! гледайте его само! и сотимъ ми се приближе. Я учтиво, благоумилнымъ лицемъ найпре Прїнцеси, а попомъ и свїемъ прочимъ поклонимъ се, и поздравимъ ихъ, читаюћи съ чертицъ лица, и изъ оныхъ прекрасныхъ Прїнцесе очесъ, и сердце ея, и воистину отецъ! примѣтимъ, да и она поче моей соотвѣтствовати любови. О овомъ ме и болѣ потомъ увѣри, кадъ се ей машихъ къ руцы, а она се чисто у лицу запламти; и хотяще ми нешто рећи, но потресе мало гласомъ,

сомЪ, као да е уплашена, не произнесе рѣчи чисто. Іа на то почнемЪ се сЪ нею шалити, и сЪ нѣкимЪ повѣренїемЪ упустимЪ се сЪ ними у бѣсѣду, аки бы се мы и издавно вѣкь познавали. Ово се ей допадне, стане похвальиваши наше хрїстїанске обичае, наще честно, како е слушала, сЪ краснымЪ поломЪ обхожденїе и проча.

У шальивомЪ убо сЪ ними овако разговору, почне вамЪ моя Прїнцеса около мене и моего коня несташствоваши. Напосле захтѣ и на моего коня сѣсти: пружившн ми руку, сЪ драгоцѣными на персты перстенми, да ю двигнемЬ мало, я загледамЪ се у овай перстенЬ, а она ми абїе его скине, и поклони. Іа садь бацымЪ око на стражу, но невидимЪ ю, а и служителнице оне, можно за волю ея, мало се отЪ нея удалиле, играюсе, и као да ни на умЪ насЪ двое не узимаю; я видѣши шо скочимЪ садь сЪ коня, и понудимЪ ю узяшиши. Она на то готова, мете ногу на узенгїю и дьипи на могЪ коня! о отецЪ! всуе бы се я и трудїо она, у шай парЪ моя чувствованїя вамЪ рѣчми изразиши, у коихЪ ми се мое сердце волноваши почне, кадЪ ю видѣ на момЪ коню! — Іа садь поведемЪ доникле подЪ нею могЪ коня, и видѣши да се нишко ту необзире, скочимЪ и самЪ на коня, преключимЪ ю предасе, пакЪ се вамЪ пустимЪ польемЪ што игда берже могохЪ управ' кЪ СеньскимЪ врат-

ма.

ма. Но есть! она примѣшивъ мое намѣреніе почне врискати и повиче люде и дѣвице свое! кадъ ал' ето ти мени до 30. Туракъ на коньихъ за мномъ! кои а да ме стигну! а да ме стигну! На срећу мою спази наша стража, отворе ми врата и поверве намъ укобъ! Прїнцеса то видѣвши, почне ме молити „за име вели, хрїста, у когъ вѣруешъ, пусти ме, не гини и са мномъ заедно! — и тако я принужденъ будемъ пустити ю! Прекрасна моя Прїнцеса! рекнемъ ей, мужествена душа ваша благоволила е себи онаго за мужа избрати, кой вамъ се на сраженїю найбольимъ юнакомъ покаже, за такову убо цѣну, царску дщерь, и такову небесну красоту као што сте вы, полакомисе демербегъ; судба е обаче ваша его презрѣла, и то исто щастливо жребїе на мене бацыла, и я васъ заслужимъ! ясамь бо истогъ Бега погубїо и главу му већь у градъ предао! ево его перстеней, ево челенке, и ево его тьемера, Высте отъ садь мои: садь идите, но гледайте штаћете чинити, я васъ оставити нећу. То у хипошти изрекнемъ, скочимъ съ коня, излюбимъ ю, и пустимъ ю; хитимъ се опеть на коня, пакъ пришерчимъ стражи, до кое већь Варвари преюрили бяху, потергнемъ мачь и повичемъ: юнацы живо за мномъ! о отецъ, кадъ вамъ се, ту склопише около мене! да ми не бы широкогъ щита, по свой оной отъ нашихъ людїй обра-

обрани, изсѣкли бы ме као ништа! Но заиста и мишца моя, тако е хитро мечь ми у ней играо, да самь три четыри отъ непрїятелей съ коня скресао У истый ма смотримъ, гдѣ двоица, лапише царску дщеръ на коня едногъ, и побѣгоше съ нею польемъ. И текъ да мы варваре у бѣгство обратимо, ал' ето ти на мене едногъ, страшна грдногъ турчина, кой како есе залетїо съ копьемъ на мене, я да му варнемъ, а коньми подскочи у высъ, и тако ми коня у бутъ прободе! Не буде онъ съ тымъ доволенъ, но залетисе по другїй путь и на мене, но я его тако лѣпо дочекамъ на мечь мой, да му е абїе глава отлетѣла! и по свой прилицы морао е и онъ нѣкїй Бегъ быти: зашпосе стекоше сви садь къ нему, а я съ моими бѣж' къ вратма што брже. И тако я вамъ синоћь касно дойдемъ.

Садь убо отецъ любезный, мой е планъ тай, да я исту прїнцесу, у коюсамь се смертно залюбїо, или какогодь украдемъ или отмемъ, или найпосле за ню и живота вамъ се лишимъ; моесе сердце отецъ, дотле смирити неће моћи! Тысяцу начиновъ яћу измыслити, и ню морамъ имати: Судба ће мени моя заисто и у томъ благопоспѣшити.

Старый на то машећи главомъ: хмъ! хмъ! хмъ! Мой сынко вели му, кадъ ты ниси само главу изгубїо! не мой више дѣте мое, тако слѣпо поступати! оста-

вићешъ

вићешъ ты то дѣло и на мене, шатъ се и шу начинъ найде, да ты ню изъ главе твое избацышъ, и онамо не идешь. Мыслишь ты да они отсалъ неће на тебе болѣ пазити; и какоће имъ быти кадъ се и о смерти извѣсте оногъ, и тїехъ кое си синоћь изсѣкао! знашь ли ты Флоренсе, да ты їощь ни у граду сигуранъ ниси! заръ се не може найти, койће се животомъ жертвовати, пакъ се преобући, и у лудне у градъ се умакнути, до тебе се какогодь довући, и убити те! Но айде да ти видимъ тог' коня, а за проче имаћемо време разговараписе: жао ме за коня, рекне младићь, да ме чисто сердце мое боле, зашто тешкоћу я таковог' коня више добити, али што му знамъ. Сипаосамъ му на рану балсамь, незнамъ штоће Богъ дати. Кадъ тамо, ал' му конь церкао, будући, да е и у тербухъ прободенъ био, кое онъ нїе ни видѣо био! Такове садъ жалости отъ Флоренса, такова сѣтованья за конемъ, да ни ести, ни пити нехотяше, но сѣди и плаче. Отецъ его и маши тѣшаху, даће му другогъ пошто био да био, купити, но всуе! зове его Кралю, едва се намоли отити. Краль его, и сви прочи у двору предъ само полдне любезнѣйше дочека, угости его, и колайномъ одари, обѣцаваюћи му да ће его до кой дань и за Рїттера поставиши и извѣстивши се о коню, да му е погинуо (премолче обаче да му есе по

у

у второмЪ сраженїю догодило) Краль его отведе кЪ своимЪ коньма и дозволи му, когЪ онЪ хоће нек' избере, и не едногЪ но колико хоће. „КадЪ си намЪ ты живЪ добрый юноша остао, рекне ОктавїанЪ, лакоћемо мы за коня! вїтезе мой младый милуюћи его по образу, буди вели, намЪ добарЪ.

ФлоренсЪ инди оде медь коне и избере едногЪ прекрасногЪ, такожде жерава, сЪ коимЪ се прилично поутћши, но опеть за онымЪ жаляше. ОтецЪ му даде найпосле сЪ оногЪ кожу свући, и чрезЪ едногЪ художника, коня отЪ дрвета исте величине начинити, и ону кожу на него навући, и за споменЪ на средЪ свое авлїе его поставити у когЪ есе свакїй варао да нїе живЪ конь, тако е лћпо онай уподобити знао, но и сотымЪ е садЪ ФлоренсЪ више жалїо!

Клеменсу то потешко буде, што его никако неможе да утћши, никако да му изЪ главе коня избїе, измысли найпосле нешто, како штоће слћдовати, ћути никому ништа не говори. КадЪ еданЪ дань после обћда, устане отЪ стола, као старЪ человћкЪ сладко пообћдовао, и двћтри чашице по своМЪ обичаю шампанскаго вїна испїо, пакЪ се зарумењо, као какавЪ младићь. Изыде у другу собу и заповћди себи орнашЪ свой изнети, а жени не казуе: младьи му донесу: долгу ону Іерусалимску губу, Пїлгерскїй шеширЪ, штапЪ и

броя-

броянице. Обучесе лѣпо, пакъ извади и нѣку браду привезну, кою мете себи у чепъ, и никому ни съ богомъ! упушисе преко авлїе: смотре его дѣца и жена, кои се гротомъ и смѣяти почну. „Кудъ ће намъ садъ шако у своей галли Богъ его видїо! рекне стара. Клавдїй и Флоренсъ исперчавши“ отецъ! повичу, ако Богъ да? Но старецъ и неокрећесе, оде! Жена гледи за нимъ, и кресписе; о силе му крашке! вели, ел' то лудо! вальда оде каково посѣщенїе кому чиниши, пакъ ако нїе у оныхъ хальинахъ, нїе правый Клеменсъ! маторъ человѣкъ а чисто се поделберїо, право люди кажу да нѣкїи, кадъ остаре, а они се подѣше! И за чудо ми е дѣцо како е свагди и съ нѣкимъ ошличїемъ прїймленъ, е, мамице! како не бы прїймленъ био, рекне Флоренсъ, кадъ е онъ мужъ прекраснаго ума и разсужденїя, а и краснорѣчивъ, слушамъ я его више пушїй кадъ се онъ съ Господомъ разговара: но шаку нравъ има гдѣкой путъ. „Небрига сыне, я кажемъ благо ему: ономадъ негдѣ, идемъ я изъ собе у собу, гледимъ его, гдѣ е, будући све намъ собе отворене, а его нейма, младьи у Кухни, да шко дойде, не бы ни видѣли, а онъ опишао подъ шупу везао за греду уже — люлячку, и сѣо лѣпо на еданъ астукъ пакъ се люля и пѣва! о ердьа ше попала, повычемъ, шша ши е опешь садь на памешь пало, да се люляшъ! мала беба! пошуц'

зубе

зубе рекохъ, пакъ иди у колевку! я его не бы ни видѣла, но дїаволъ маторый, видїо гдѣ се я устумарала, и сердимъ се, што самъ заспала саме собе, и отворене, пакъ ми се поче церекати „оди вели молимъ те бабо, да и тебе мало полюлямъ“ ал' кудъ оде Бога вамъ? упыта Клавдїй. „Не вѣруемъ да не оде у болнице, зашто видимъ рекне стара гдѣ ютросъ нешто шушка, и около себе нешто тупольи, вальда е новацъ узео, пакъ му се чини, да милостыня, кадъ се дае, то мора и у оныхъ хальинахъ быти, но ако оде Милосерднымъ отцемъ у монастыръ, хоћемосе его довече начекати, не знамъ већъ, кадъ ће имъ се напроповѣдати о своме у Іерусалимъ путешествїю.

Они овако разговараюћисе дойдье имъ еданъ пріятель и каже, како су главу Исполиновъ Княза на еданъ великїй колацъ натакли и на бедемъ изнели; како народъ тамо, као на чудо терчи, и гласкасе вели, да ћемо скоро на варваре изыти: да су нѣкїи видѣли и нѣколико Сараценовъ на острову поредъ сенье, гдѣ нѣшто планираю, мал' да неће Султанъ свою дщерь съ дѣвицами онде склонити, за болю сигурность, кадъ се битва почне, пакъ мыслимъ вели, даће онде Шаторъ двигнути.

На ово Флоренсъ воспряне духомъ да хоће Богъ дати, помысли у себи, ту бы я ню найлакше уловити могао. Нестерпѣливъ тай дань сѣдне на коня, и изыде

съ

съ истымъ пріятелемъ поредъ воде, дойду и наспрамъ острова оногъ, виде нѣколико людїй гдѣ нѣшто сѣкирами адицу ону съ едне стране раскр'чую, и столпе нѣке у землю укопаваю. Садь се сотымъ младиħь и болье їощь увѣри: онъ почне и разсматрати отъ кудъ бы съ ладїомъ тамо подкрастисе могао; и тко шшо охотно тражи тай и найде. Онъ садь ħутши, и своему пріятелю о томъ нишш' неговори. Почне имъ вечħь и сумрачекъ, врашесе убо и дома заедно: Пыпа за отца, нейма его їощь, чекаю его на вечеру, не долази имъ! Кадъ ал' на еданъ путъ чую нѣку вику по граду, и буну! шша е то; уплашени сгледесе и рекну, пакъ на полье исперче. О! силный народъ лепи едно другому преко врата къ Сеньскимъ великимъ врашма! Добоши на буну ударе, шрубе засвираю, и чимъ Флоренсъ съ Лудовїкомъ — своимъ пріятелемъ исперче на кони къ истой улицы, ал' конице съ голы у руку мечевы перче да се земля подъ ними тресе, и варнице имъ отъ конскихъ копытъ, преко Каменей улицомъ скачу. Ова два устремесе за ними, но їощь до великихъ вратъ и не стигну, обрашно имъ добоши ударе, и народъ назадь поверви, сказуюħи да нїе нишша, само шшо се было 40-50. Турака по свомъ обичаю на раздраженїе нашихъ опписло, кои деруħи се и викаюħи приперчали

чали и до врата градски, кое стража осѣши, и по должности огласи.

Изиду садь многїи на высочайше беделе и сгледаю ЛежирЪ Варварскїй, кои се и на 30. частїй раздѣляваше, како имЪ се силне ватре по равницахЪ оныхЪ, као звѣзде по небу свѣтляху, и варвари нешто узнемирени быши видяхусе, дерусе и вичу, а банда имЪ на више мѣстЪ свира. СадЪ и Краль заповѣди градЪ свой больма освѣтлипи, и банде извести да имЪ до полЪ ноћи свираю, а воинство за свакїй случай да му на опазу буде, боећисе да имЪ варвари ноћю юришь на градЪ неучине.

ТекЪ што намЪ ФлоренсЪ сЪ другомЪ дома дойде, коего садь и на вечеру заустави, ал' ето ти имЪ едногЪ человѣка: добро вече! старый е ГосподинЪ вели поздравїо, да его сЪ вечеромЪ їощь малко пречекаше, онЪ ће таки дойти, но повише вели, да буде вечере, зашшоће вамЪ їощь и два госта довести. Стара позна садЪ овогЪ, да е нѣкїй воденичарЪ запыша за Клеменса гдѣ е, и сЪ кимЪ ће имЪ дойти, нехтѣ ей казати. Добро вели, но да се не задержава, дѣца бо неће да чекаю, а имамо, придода, и мы едногЪ госта. Овай оде.

Мати садь наредивши шшоће за вечеру быши, сѣдне госта и дѣцу разговараши, покасно већь буде, и ФлоренсЪ навали, да се вечера. Мати убо даде столЪ

поставити. Како се све преправи, и готови буду вечерати, ето ти имЪ старагo на коню! ФлоренсЪ дьипи, Мамице повиче, ево отца на коню! и сотымЪ лати свеħу и истерчи предЪ него, о! има шта и видѣти! ХатЪ подЪ старымЪ као хала, да му може быти ни у цѣлой Аравїи нейма пара; бѣо као лабудЪ, покривенЪ багрянымЪ покровцемЪ, шарЪ свѣтлый чисто горе; златне ките обѣшене свудЪ у наоколо, узде позлаħене, узенгїе отЪ чиста сребра, грива коню сплетена со сытнымЪ бысеромЪ, но паче свегЪ убора, удивесе кадЪ видѣше коню рогЪ на челу, на верху коего и великїй драгїй камень, кой садЪ свѣтлостїю дворЪ имЪ озари; конь на ногу высокЪ, дично вратЪ уздвигао као соко гледи и за'ркуе: а старацЪ сѣди на немЪ у оной своей губи као маймунЪ на камили. „ОтецЪ! повичу младиħи, та естел' вы за волю Божїю! и откудЪ ВамЪ таковЪ хатЪ? — Я самь сыне да како, вели, а конь е отсадЪ твой, но чаба ти и коня, скочивши рекне, мал' вамЪ главу не изгубихЪ! СотымЪ коня у шталу, а онЪ сЪ два госта пойде у собу-

Газдарица Его на враты дочека „но! хвала Богу вели, те еданпутЪ и ты дойде! — ОнЪ пропустивши госте предЪ собомЪ: прости рече, жено, и буди добре волье, ево ти гостїю! КадЪ ал' оно истый воденичарЪ кой е мало прїе быо, и онай гербавый, о комЪ е рѣчь была, кадЪ е отЪ Марцебїлле кралю посланЪ быо! Газдари-

ца на овогъ гледећи помысли, да онъ на ледьи свои сомунъ хлѣба, или друго шшо у торби носи, рекне му убо да скине. “ Проспише отговори овай, я то, вели, нигда не скидамъ, то е мени, природа, благо тако прирасло за мене, да ми его нишко украсти не може. Газдарица узме на умъ, и мало се застыди. Флоренсъ бяше изышао коня гледати, радостанъ не маряше за вечеру.

Овїи садъ окруже съ готовомъ вечеромъ столъ, ето ти имъ и Флоренса, отецъ, вели, молимъ Васъ откудъ вамъ онай конь? Старый смѣшећисе, пытай ме вели, паче како самь ти и живъ дошао, а лакоћемо за коня! Садъ, придода, ако ми їощь и съ шимъ конемъ не будешъ задоволянъ, то я самъ не знамъ шшоћу съ тобомъ чинити. Но ево приложи, захвали, овымъ добрымъ нашимъ пріятелемъ, коихъ да не бы, оде ми глава! на страну обаче све садъ, пакъ тко е гладанъ нек’ се маша! со тымъ почну вечерати.

По вечери на долго нестерпѣливаго младића пытанье, чїй е конь, едал’ е его гдѣ купїо, шта ли е было, да мал’ и главу нїе изгубїо? старый поведе повѣсть свою овако: Флоренсе сыне мой! ясе воистину садъ и самъ себи и поступку моему чудимъ и дивимъ, на шшо я дерзнухъ и шшо учинихъ! я едно гледећи повседневно, колико шы за

 ко

твоимЪ конемЪ тужишь, и како се ни сЪ каковымЪ другимЪ не можешЪда задоволишь, а друго ставимЪ мени у главу и нѣкїй планЪ, да и я што знатно за отечество изпослуемЪ: наумимЪ убо управ' у шурскїй таборЪ отити измыслимЪ я и начинЪ какоћу, пакЪ онде да ти гледимЪ каковаго лѣпаго хата купити пошто му драго быо, мыслећи мой ФлоренсЪ заисто за свою храбрость то отЪ мене заслужуе, а особито постатиће ми РїттеромЪ, вредно е да има отмѣна и коня. УзмемЪ убо ютросЪ новце (ова ме е мало и спазила) обучемЪ се у моя свештителска ова одѣянїя, и жезлЪ мой у руку, као штосте ме и видѣли; изванЪ града привежемЪ себи и браду, пакЪ управ' у турскїй станЪ одемЪ! тако претворно, и тако у нѣкомЪ благонебреженїю пролазећи посредЪ непрїятелске войске, да ми нитко живый на путь нестане, само кадЪ самЪ се кЪ шатору царскому приближїо, стража ме позаустави: окренемЪ я таки сЪ ними турски, кажемЪ да я садь изЪ Палестине идемЪ, и имамЪ нуждна посла сЪ ЦаремЪ говорити. СотымЪ убо безЪ далшаго испыта увѣримЪ ихЪ да самь и я правый МусулманЪ и по подобномЪ одѣянїю, нѣкїй дервїшЪ; пусте ме убо абїе кЪ Патїшу своему подЪ великолѣпный шаторЪ его.

На ово му се жена садЪ намергоди, „яо мени жалостной! повиче, а есил' ты

мо-

молимъ те при себи бьо, да то учинишь.“ Нисамъ! вели, еосамь луде печурке, као шпо си ми и прïе казала! а ты си морао зарѣ гдигодь на ону праву сбунику нагазити; ер’ како бы человѣкъ при доброй памети по чинїо, та могао си животъ изгубити! ты тако старъ да се учинишь уводомъ! „дед ти ћуши! ты си жена, не мѣшайсе у мужке послове! — Кадъ унидокъ подъ шаторъ скинемъ съ главе мой шкерлякъ смиреннѣйше и со страхопочитанïемъ паднемъ на колѣна предъ султана, и челомъ о сподъ ударивши предъ нимъ, нѣколико минутовъ постоимъ, потомъ уставши прословимъ, Богомъ святымъ всѣхъ тварей создателемъ и возлюбленымъ его великимъ пророкомъ нашимъ Муамедомъ, Ваше величество, као наслѣдникъ престола егова да здравствуе! — Славо Вавїлонска! Сунце наше восточно, коеси се повелѣнïемъ можно Бога къ западу тако отъ насъ удалило, да много лѣпно велимъ, на всеобщу радость нашу здравствуе! — Силный царю! дико Асïйскихъ народовъ, коль долгïй путь ясамъ предузео, кой самъ ево данасъ, не само съ велнкимъ трудомъ, но сила и съ угрожаваюћомъ, момъ животу погибелïю, щастливо совершïо! Само да Вашу свѣтлость видимъ, да Васъ поздравимъ, кажемъ и увѣримъ у каково е незадовольство савъ народъ нашъ Ваше отсуствïе погрузило! управ’ у нѣку печаль низверг-

ло!

ло! (при овомъ натерамъ себи и слезу и бришући марамомъ очи наставимъ) свакъ живый ваше Величество за вами, као дѣте мало за матеромъ чезне, и садь у мѣсто 5. пушїй, на данъ по 7. путїй у чамїе кланяти иду, тое чудо штосе чини, као да нѣштo — Богъ и душа — предчувствую! — Султану то мило буде, исправисе мало и мени усердно захвали, „Та све штоси лагао, возрази му жена, знамъ већь да умѣшь добро намѣштати, но какосе може, Богъ те видїо, заплакаши? Е! — жено, майсторїомъ и то быва! — жена му слегне рамени, но! вели нисамь ништо знала да се и плакати майсторїомъ може! — “ може те како, отговори Клеменсъ, я вели, помыслимъ само, како бы мени пало, кадъ бы варвари Парїсъ отели, и я мое сограждане у крови огрезнуте видѣо, пакъ ето ми слеза готова! — Царь убо мени захвали, и упыташе, есамь ли и я изъ вавїлона; кадь самь отъ тудь пошао, находили му се народъ у добромъ здравїю на миру и проча? На кое я ему све лѣпо, и красно отговоримъ, да му зарь ни еговъ великїй Муфти болѣ отговорити не бы умѣо.

На кое онъ мени „вратићемосе вели, скоро, нећемосе имати причему долго ни задержаваши, видимъ да Гьаури съ нами се ударити и несмѣю, но їощь мало уздаю се у цвердость своего града, ал’ћемо прокушати срећу овыхъ дней, придода,

докъ

докъ само пустимъ гласъ моему силно вооружану людству, да юришъ на градъ учине, пакъ да видимъ штаће онимъ пѣтловомъ и хистрость ихъ помоћи, кадъ ихъ мои Асїйскіи змаеви черупати почну! преко 500 лѣствицъ имамо већь преправнихъ, бытиће окрѣшая! познаћеду они, ако познавали нису каково мы заступленїе и у Муамеду имамо! На кое я воздвигнувъ очи къ небу „о Боже! и пророче Божїй! коль благочестива Царя имамо! — На то Султанъ: Краля ћу имъ жива ухватити и у Асїю послати, а градъ ћу му савъ са земльомъ сравнити, да му се ни трагъ не позна, нек' имъ потомство вели, вовѣки проповѣда и памти с'кимъ су мейданъ предцы имъ дѣлили.

Но радъ бы, рече ми, знати, коего си ты реда, и знашь ли каково художество? изъ твое бо бесѣде придода, видимъ да си ученъ! „ясамь, ваше величество, отговоримъ му, предъ Богомъ смиреный дервишъ, у прочемъ, као што е вамъ и познато да нашъ редъ и науку медїческу мора знати, тако я и у ньой имамъ лѣпо искуство, а найпаче коне лѣчити, коне познати, кои су добраго состава, кои ли су слаби, кои колико може живити, кои се могу лако и на свашшо научити; кои ли не, и т. д. „о, о! возрази ми на то онъ, то ты добаръ занатъ знашь! я учтиво благоображаваюћи се као стыдлива дѣвица предъ нимъ “ на служ-

би

би вашему величеству рекнемъ што знамъ, то не таимъ, хотя мало ми е, съ милостивымъ дозволенїемъ рећи, и постыдъ, што вмѣсто коней люде не знамъ искусно тако лѣчити и познавати. „Шта! возопи онъ “ я те вели, їощь више зато почитуемъ! и знашь защто? приложи. Іа се вмѣсто отвѣта само поклонимъ „не. рече зато што бы я едно животно, словесному человѣку предпочитовао, но што человѣкъ зна казати гдѣ его боле, и више путїй отъ шта, пакъ е лѣкаръ съ нимъ на поль пута у своимъ послу, а конь незна. Іа двигнувъ очи къ Богу, пакъ паднемъ предъ него, и поцѣлуемъ его у папучу, показујући му благодарность мою сотымъ, што тако искусно зна коня отъ человѣка у томъ разликовати! —

На то онъ „но! мени е мило, да ты о конма тако знашь, доведите му убо моего хата, но съ уборомъ, да его види колико е старъ и хоћел ми долго їощь живити; имаћешь вели ми, его шта видити, я мыслимъ да му подъ солнечнымъ свѣтомъ равна не има. „Милостивый Царю! рекнемъ, я заисто док’ его видимъ, казати ћу вамъ голу истину о немъ. “ Право! то я и желимъ!

Епю ти ми доведу предъ шаторъ коня, заигра ми чисто сердце у мени кадъ его видѣхъ! Боже помози, помыслимъ, то я и хоћу! Погледимъ его, златанъ му рогъ на челу, драго каменїе, бысеръ у

проча

проча како што сте его садЪ и видѣли. „Жена му то слушаюћи на мерштисе и почне се крстити “ БогЪ — и душа їощь ћешь му его излагати! „да штасамь радїо отговори КлеменсЪ, и чашу вїна испїе “ Іа садЪ вели приближимЪ се коню, ал' онЪ узрогуши уши свое пакЪ се чисто на стражне ноге исправи, и заерже, да ми уши за пиште, рекао бы прогутаће ме овако цѣлокупна у овой моей веречи! мое неволѣ што ћу садЪ сЪ нимЪ! СултанЪ поносито гледи сЪ прочими и смѣесе, а я обилазимЪ его и любопытно, као каковый протомедїкЪ, испытуемЪ му качества. Да ми е да му и ходЪ видимЪ, рекнемЪ имЪ, и какосе яши! „Ето, ако смешь узяши, отговори СултанЪ. На то я му опеть приступимЪ, но хала жива, скочи и ерче као бѣсанЪ, особито зазире отЪ мое халине док' му годь СултанЪ не проговори: ПонтїферЪ! дура море кардашь! на кое онЪ, пасїя вѣра на еданпутЪ стане, и я его узяшимЪ! стану се свы кикотати, а я ухватимЪ узду добро у руку а ногама опремЪ се на узенгїе, пакЪ вента ради мало его онде около нихЪ яшећи, то предне, то стражне ноге му сгледамЪ, и на мою срећу отЪ шатора Султанова свободный просторЪ кЪ поляни пруженЪ лежи, моћи ћу помыслимЪ на немЪ побѣћи само док' се поля ухватимЪ, нећеду ме заиста стићи и тако ти я по заваравЪ имЪ мало очи, лупимЪ коня десномЪ

номъ узенгїомъ исподъ бокова а онъ ти се списну къ полю како иста птица воздухомъ управо ко градскима врапма но у истый ма почнемъ се я дерата „и ияо! помагайте! сирѣчь поплашїо ми се конь подамномъ, пакъ ћу скрѣаши врашъ съ него. Султанъ съ прочими да пукне отъ смѣха найпре бо мое лукавство и не премѣши, но потомъ, кадъ видище, што е, те буне! те вике! и мешежа медь ними! — Хала! хала! хала! вичу, держ'те дїнзуса одведе царскаго Понтїфїра! и на мою душу мал' не спигоше, но овай братъ (за воденичара) мане рукомъ на мене, те се я сперчимъ подъ брегъ къ води, пакъ личи узъ воду, овай на то (за гербу) у истый ма съ чамцемъ изъ острова дошао бяше подъ брегъ. „Овамо вели у овай Шипрагъ бѣжи, и шу има една глубока долина, у кою се можешь припаложити, док' се не смеркне. И тек' што се я у долъ онако све сквозъ терньe спустимъ, но изгребемъ се савъ, и издеремь ево и хальину, ал' загерме наши съ великихъ врашъ, и по граду ударе добоши, полети наше войнство, и турцы се враше, коихъ нїе много ни быти могло, ниши су ме спазити, кудъ имъ я шумарихъ, могли.

Кадъ сунце вечь сѣдне, и гдѣкои славуй по оныхъ шумарицахъ пѣвати почне, замислимь се какоћу одатле съ конемъ, ако за меркнемъ видѣти изыти; бунасе бяше вечь съ обе стране утишала, но я

їощь

Ћощь не смѣмь на поле, боѣћисе, да ме гдѣ ту не вребаю, докле ми ови не дойдоше, кои ме зовну и увѣре, да нигдѣ никого вище нейма. Те ти я, коня садЪ водећи (ерь се туда и не могаше ящити) све за овыма исподЪ брега, докле ме на друга врата не изведоше нитЪ бы я, како е померчина была до зоре смѣосе кудЪ оданде кренути, да овыхЪ не бы. Тако самь вамЪ я моя дѣцо, прошао и хвала Богу! о хвала Богу на егову милостиву дару! садЪ сыне, ты коня имашЪ! коня, кому пара нигдѣ нейма! и сутра идемЪ Кралю. да явимЪ, гдѣсамь био и штасамь чуо.

На то ФлоренсЪ приступи старцу, и чувствителнѣйше благодарећи му за коня, цѣлуе му и нѣколико пушїй руку; а сви около стола узму чаше и взаймно куцнувшисе, наздраве старцу, похваливаюћи его ироичество, радостно воскликну „ВївашЪ! старый ирой! вївашЪ! — ОнЪ се нато гладећи бркЪ свой смѣши.“ Маните се люди, повиче му жена, хоћете его со тымЪ погордити.

СѢдећи имЪ убо тако по долго, юношамЪ се задрема, и поишту се спавати: нато Герба, сЪ коего сви, слушаюћи повѣсть стараго, ни очи свое не скидаху: Младый Господине! вели Флоренсу, я бы имао сЪ вами нѣколико рѣчїи проговорити! „добро! отговори юноша, и узме его мало на страну. “ Выћете се вели,

отЪ

отЪ Господина стараго за мене и болѢ извѢстити, шкосамь я и какосамь вамЪ овамо изЪ табора прибѢгао, какосамь старому многе тайне о турцыма откриo, завѢщаосе хрїстїаниномЪ постати, вѢранЪ быти и прочая, но за садЪ у кратко и вамЪ едну тайну откривамЪ, за кою уздамь се, да ћу Ваше благоволенїе заслужити, и ни више ни манѢ за награжденїе я отЪ васЪ не захтѢвамЪ, но само да ме прїимите за слугу!

ФлоренсЪ его стане отЪ главе до носу очима мѢрити, и на смѢсе: но! рекне му, теби е природа внѣшнїй видЪ твой, и стасЪ тѢла весма лѢпо сЪ Езопа копїрала, но не вѢруемЪ да е се што и душевныхЪ качествЪ онаго коснула, и теби ихЪ присвоила! при свемЪ томЪ, да чуемЪ ту тайну! „ал' већь за слугу ме прїимате? не размышлявайте много Господине, я знамЪ, да Господа обычествую себи за служителье младиће прикладне бырати, но више путїй рѢдкости нѢке ради, и ружне узму, и у овомЪ случаю што е кой ружнїи, то его радїе имаю! „Е! ал' већь я и не сумнямЪ да ме нећете прїймити, или поне гдѢ, кодЪ добрага Господина препоручити ме, само док' вамЪ кажемЪ оно, штоће вашему сердцу и сто путїй милїе быти, него истый ПонтїферЪ СултановЪ!

На ово садЪ Младиће воспряне духомЪ „Но! хоћул' погодити? — “ Ево вамЪ

овай

овай листъ! — „Марцебїлла! Ел' то могући? — читајте! — Младић дојде у восхиценіе: ахъ! излюбивъ листъ, приключи его и къ сердцу и отвори „Сладкїй и любезный мой Флоренсъ! (пише)

Кадъ си ми сердце мое плѣнїо, ево ти даемъ на руку, да и мене, и све дѣвице кое су самномъ, у плѣнъ узмешъ! Супра ће мой шаторъ на островцу; за кои ће те листодавецъ извѣстити, осванути. И будући да е мой Отецъ — Султанъ — у твердомъ намѣренію прекосутра у понеделякъ на градъ юришь чинити, на комъ ће безъ сумнье страшно и кровопролитіе быти, за то оће ме съ дѣвицами у островъ и да у клони: Тако драгїи мой! ако ме любишь преправи сутра навече ладїю съ нѣколико людїй, и принеси ме у градъ, ты се овому не чуди! моя е мати хрїстїанка права была и я хрїстїанкомъ постаемъ! ел' ти воля убо мене за супругу имати, добро! нїе ли, яћу мени Хрїста за женіха избрати, и ему се завѣщати до смерти мое у чистомъ цѣломудрію гдѣ нибудь у дѣвическомъ монастырю служити. Акосе любезный боишь какове превáре а ты пошли люде твое, кои ће ме управ' у твой домъ отвести. Есмь сердечнѣйше люблећи те во кѣки

Твоя вѣрна
Марцебїлла.

Юноша прочитавши писмо, не мало удивисе! трепещуща радость лице му

орумени, и едва му проговорити допусти! „И она своїомъ рукомъ ово писала? упыта. “ Она Господине, и предъ моима очима, више е то писаюћи, слезъ изъ прекрасныхъ своихъ очесь изронила, нежел' колико ту писменъ има, и више е путїй за то време узданула нежел' ту верстїй видите. „Друже! списнувши его, руку юноша, ты остаешь кодъ мене! ты си мой! но ову тайну никому за животъ главе да се ниси усудїо открыти! знали старый! Іа самь старому само за мене казао, и даће Султанъ ово дней на юришь градъ отимати, и проча, обаче за ово писмо, и Прїнцесу ни рѣчце му нисамь открыо! добро, добро! и нетреба му открывати, како ти име? Бекиръ е мое име, отговори овай: „Бекїръ, тыћешь сутра рано са мномъ изыти, да видимо мы тай шаторъ. а у прочемъ моя ће брига быти, само да ми будешь вѣранъ! сотымъ разидусе спавати.

Другїи дань у Неделю порано устане Клеменсъ и его Газдарица, узбуне по дому и све Младье свое и стане се спремати да иде съ Флоренсомъ у дворъ: повиче на Газдарицу, да абїе и ручакъ справи; кадъ у собу къ дѣцы униде, ал' му Флоренса нейма! ово му садъ по вольи не буде, пробуди Клавдїя и пыта его за брата овай не зна! кадъ у Шталу ал' му нейма ни два коня! сѣтисе да е нѣкудъ съ Бекїромъ отишао, и шекъ что се почне сер-

дити

дити и выкапи, ето му Флоренса са слугомъ, кои имъ се у пѣну учинили: Пребацы му мало погрѣшку ову, пакъ сѣдну ручапи. При ручку каже флоренсъ отцу, да су већь турцы еданъ великїй шаторъ на острову двигли: но старый замышленъ, какоће его садъ предъ Краля оптвестти, не узимаше ни наумъ его, што говори.

По ручку обукусе лѣпо и оправе пакъ оду у дворъ.

Дагобертъ созвао бяше и проче кралеве, велможе, и военачалнике у свою векику Салу, гдѣ до церковна звона совѣтъ держаху. Клеменсъ прїявисе предвернику, и вопроси можел' онъ милосшь имати, да со сыномъ своимъ до полдне ихъ величествамъ подвореніе учини. Овай его абїе Кралю прїяви. „Ту е Флоренсъ? Сви као изъ еднихъ устъ вопросе, и нек' дойду паки! ови униду. “ Право! повиче Дагобертъ, као дасмо поручили по васъ! Клеменсъ и Младиѣь поклонившисе свимъ редомъ, стану мало на страну. „Ваша сїятелства! почне старый, и сва Благородна и свѣтла лица! сынъ мой, купно и са мномъ всепокорнѣйше проси милосшь, и моли Ваша величества за опрощеніе, што ономадъ у вече нїе могао на поклоненіе дойти, онъ као (хотяше далѣ, но ови му пресѣку бесѣду) Добрый старино! рекне Октавїанъ, благо теби кадъ имашь таковогъ сына! о благо теби, ясамь того щасшїя лишенъ! Камо та срећа за мене,

не, пріятнїе бы моему сердцу было, не жели мой вѣнецъ и Скуптръ мой, али што-ѣу. — Юноша се нато їощь и вѣма у лицу закраси, Октавїанъ смешеѣисе на него удари его рукомъ по ружичныхъ его ланитахъ: айде буди ты мой сынъ! вели му. „Сынъ е онъ насъ свїю отговори Дагобертъ, и да имамъ коїомъ срећномъ дщеръ данась бы его за зета и сына признао.“ Онъ то заслужуе повичу сви и у полной мѣри намъ заслужуе, да его Богъ живи“ Имамъ я дщерь прехвати Краль Спанскїй, яѣу его за сына признати! На то Клеменсъ воздвигнувъ очи къ небу прослезисе. Октавїянъ погледи на него, и спустивъ му руку на раме: добрый мой старино, рекне му, я вамъ завидимъ на той радостной слези, и опеть кажемъ дасте вы еданъ срећнїй отецъ, Богъ да Вамъ его поживи! Юноша! окренувшисе къ младиѣу ублажавай сыне судбу твою она е на тебе щастливо жребїе бацыла, она тебе яко подвиже, ты ѣешь великимъ мужемъ намъ постати, само пази дѣте мое на себе, и чувайсе, да те твое щастїе не размази, дашисе чувства у сладострастїе не погрузе, младъ си, дѣте си їощь, ты свѣтъ їощь искусїо ниси, зато буди свагда предостороженъ, да какове слабости съ тобомъ не обвладаю, кое бы ти ову твою ранну славу помрачиле: Судба е твоя съ добраго края теби путь къ правому прославленїю отворати поче-

почела, само то што е їоць ранно за тебе! нїе соразмѣрно лѣтомъ твоимъ! она е тебе верло млада їоць на благородну страсть навела! Она е теби на еданъ путь пространѣйшїй путь къ слави отворила и сотымъ сердце твое тако оволшебствовала и тако може быти, сладостїю славе упоила, да ты ни наумъ узети нећешь, какоћешъ границу ону, кою бы ти зрѣлїй разумъ положїо, преступити, и поклизнути. Помысли само, какоси се отономадъ усудїо предъ, онакову халу, а не человѣка изыти! ты тако младъ, кои їощь ни наустницъ честито неймашъ! Е, добро, овдѣ ти е щастїе послужило, но може быти, даћешь се ты и више путїй на таково поуздати пакъ гдѣ и заглавити! Зато дѣте мое валя да се умѣраваш, и свако предпрїятїе съ разсужденїемъ ко концу привести гледашь; а иначе можешь главу изгубити! — Друго пакъ тебе страсть текъ отсадь чека и у овойће те безъ сумнье судба твоя на искушенїе бацыти, нуждно ти е убо, да ю заранїе познашь, она е и худьа и много опаснїя нежел' перва! она е нѣко чудовище! она и силне ирое и велике мудреце, властителе, судїе и кому драго безъ свакогъ разнствїя, чина, достоинства, пола или могутства, у свою мрежу, као паукъ муве лови и влече! Страсть една поразителна коясе свакому спочетка сладостнѣйшомъ учини, но по томъ, не горка само, но

со свимЪ и отровна свакому постане: кою страсть обично сладострастїемЪ именуемо. Овесе убо чувай, и овой се побѢдити не дай, ако желишь ироемЪ постати, и мыслишь благородне славе тебе достойнымЪ учинити. МладиЋь му се на то учтиво поклони, и молчеЋи; нѢжными точїю на лицу чертицами засвѢдочи сЪ каковымЪ онь усердїемЪ ове спасителне за себе совѢте прїйма.

Князь Австрїйскій, часЪ на Императора, часЪ на юношу погледаше, часЪ пакЪ бацы очи и на друге, испытуюЋи, примѢчаваю ли они великое юноше подобїе сЬ ІмператоромЪ, и ону егову паче прочихЪ ту горящу любовь кЪ юноши, кою му само непрелестно естество изЪ сердца чрезЪ Сумпатїю ему изявляваше. Истину вамЪ исповѢдамЪ, рекне Октавїянъ прочимЪ, да ми е сынЪ мой рожденый не бы ми больма на моемЪ сердцу лежао, нежел' ми овай дѢчко лежи! — На то Краль Англїйскїй смѢшеЋисе „КлеменсЪ! повиче, молимЪ те, ел' му мати тако прїятнаго взора? и есил' ты у оно време све дома бывао? — мени се чудань посао види! — Да намЪ га БогЪ поживи прехвашивЪ Краль ДагобертЪ рѢчь, и да намЪ онЪ срећанЪ буде! сотымЪ даде знакЪ те еданЪ отЪ дворяновЪ изыде садЪ на среду и изговори едно прекрасно слово на похвалу Флоренса за его ироичество и у слугу, кою е онЪ своему Кралю, и цѢлому отечеству пока-

показао. По заключенїю слова, юноша радостїю и стыдомъ пораженъ, поклонисе свимъ, но ништ' говорити немогаше; они его сви редомъ съ умылнымъ руке руку му стисненїемъ любезно поздравляху, и понуде его сѣсти. Краль Дагобертъ погледи на проче: Шта се вамъ види? вели, хоће мол' садъ? „мы молимо, рекну овїи, и шта бысше отлагали. “ Флоренсе, дѣте мое! почне Краль, истина, да си младь, но сама те е и судба любимцемъ своимъ учинала, самъ промыслъ Божїй о теби е благоволїо, да се ты измежду толикихъ храбрыхъ у насъ мужевъ, и бодрыхъ юношъ, наидетъ предъ онакова непрїятеля изыти, его славно побѣдити, и честь нашу предъ варвары, да не падне, содержати; о красна е ова заслуга! неоцѣнима, не само мени но и цѣлому обществу нашему любовь, кою си ты нам' съ животомъ своимъ жертвуюћисе отономадъ указао: зато и мы теби сыне, сходну признателность нашу да ти покажемо, согласисмо се ево да те Рїттеромъ поставимо! безъ сумнье судећи даћетъ ты намъ овай свѣтлый тїтлъ, коего те твое дѣло данась удостои, съ толико твоимъ и впредъ обхожденїемъ краситти, съ колико и истый тїтлъ тебе предъ свѣтомъ отъ данась краситти почине.

То рекши изнесе му орденъ, донесу му се и Рїттерска сва одѣянїя, нарочито

за него преправлена, у коя кадъ се обуче, клекне предъ Краля своего, и Краль его мечемъ прекрстивъ, наслони му мечь на десно раме; и изговори му обычный благословъ. Сотымъ сви садь устану, и свакїй Краль редомъ, починюћи Францускїй прїйгерливаше его къ персемъ своимъ, кое новопоставленый Рїпперъ сыновне цѣливаше. Но промысломъ Божїимъ искушаемый Октавїанъ и у овомъ нѣко о немъ изяпїе отъ прочихъ учини. Онъ бо младића несамо сердечно къ сердцу своему пригерли, но отечески его и поцѣлуе.

Садъ имъ предъ дворомъ, гдѣ се силный народъ већь собрао бяше, ударе добоши и засвираю трубе, кое, слазећи имъ у велелѣпномъ строю изъ двора, воспослѣдуе тиха музїка, и всесердечное народа восклицанїе: вїватъ! Господинъ новоизбраный Рїпперъ вїватъ! юноша посреди Монарховъ до церкве ходећи, мѣняше цвѣтъ свой на лицу, и то на едну пo на другу страну, народу се съ у миленымъ лицемъ кланяше: Онъ се у овомъ высочайшихъ лицъ, собору красотомъ своїомъ уподобляваше Аполлону, а одѣянїемъ, и у своїой окретносши силному Марсу.

По совершеной святой у великой церкви служби, попнесе Священникъ на каѳедру и изговори народу дивно едно слово на похвалу младому нашему Ирою, у комъ ободраваше и народъ, да вѣрни своему

Кра-

Кралю буду, да любе отечество свое, и по примѣру младаго Флорснса, да е свакъ за отечество готовъ и до послѣдне капле крове свое жертвоватисе: найпаче у тогдашнемъ ихъ состоянїю, кадъ имъ непрїятель и толикїи силнїи варвари надъ самымъ вратом' мечемь угрожаваху, разореніемъ града, у ничтоженіемъ цѣлаго отечества, и испразненіемъ славе ихъ, претяху и плашаху.

Изшедши имъ изъ церкве, такожде у велелѣпномъ спровожденію монарси съ младимъ Рїттеромъ и Клементомъ дойду у дворъ. Сви Кралеви, воеводе, и прочїи военачалницы, и полковницы, съ цѣлымъ войническимъ хоромъ, за царску трапезу буду призвани.

При торжественномъ обѣду, Флоренсъ имъ се любезнѣйшимъ разговора предметомъ учини. И сви прочи, искусивши любовь благосердечна Імператора Октавїана къ Флоренсу, у сугубе садъ и они наклоненїе и почитанїе свое къ младиѣу; сви бо Октавїана чрезмѣрно любляху, и на него и храбро его воинство као отрасль древнихъ Римлянов, найвеѣу и надежду противъ Сараценовъ полагаху. Но и овай чудесный юноша рѣдкими своими сердца и душе свое дарми све ихъ даже до удивленїя оволшебствуе!

Садь по обѣду изыду на промонадъ шетатисе, гдѣ се такожде силный народъ слегао бяше, и на више мѣстъ Мусїку

сїку ту слушаше. Младый нашЪ РїпперЪ и овдѢ свїехЪ очи на себе обрати. ВасЪ народЪ садЪ уступивши МонархомЪ, средомЪ промонаде проходаписе стависе у два реда и покланяюћи имЪ се, дѢвице почну цвѢтье предЪ нихЪ бацати, но нѢке на юношу и отЪ цвѢтья сплетене вѣнце, на кое се онЪ смѢшећи застыди и умиленЪ сердцемЪ на обе стране имЪ се кланяше„ и благодаряше. А кадЪ му запояше и побѢдоносну пѢснь, сви Монарси стану слушати коя му се овако починяше “

1.

Красне вѣнце отЪ цвѢтья сплетене,
Ево теби отечества сыне!
Флоренсе нашЪ милый,
Юноше чудесный!
Прїйми за знакЪ благодарности!

2.

Ты порази новаго Лїеву,
И застиди сву силу цареву;
Погуби намЪ врага,
И преста поруга
На храбре наше све юнаке.

3.

Честь и славу цѢлом’ отечесшву,
И на вѣки нашему потомсшву,
Ты данась намЪ сниска
Похвало Парїйска,
ХрабромЪ ТвоїомЪ юноше МишцомЪ.

4.

К'о КринЪ красный измедьу ружица,
Ты намЪ стоишЪ посреди дѣвица,
Флоренсе Ирое!
Сердце нек' ши пое,
СлавомЪ свагда оживляемо

5.

Пріїми ова чувства преискренна,
Нек' ти буду к'о жертва священа
Коя ти дѣвица
Свака изЪ свегЪ сердца
Днесь пѣснено ево ти дае.

Право! повиче ОктавїанЪ, право голубице наше! Любезна отрасли, сЪ вами се намЪ свѣтЪ обнавля. Видишь любезный мой, рекне Флоренсу, какову ти почесть чине; уживай убо сЪ радостїю тай плодЪ твое заслуге, и впечати добро на сердце ову публїкума искренну кЪ теби признателност.

Проходаюћи имЪ се тако у тихомЪ сквозЪ народЪ разговору, ударе имЪ и велика по свїехЪ црквацЪ звона на молитву кЪ Богу за щастливый успѣхЪ будущаго сЪ варварми сраженїя: на кое весЪ народЪ садь у церкве поверви.

КлеменсЪ улучивЪ садь прилику сЪ КралемЪ своимЪ и на само пробесѣдиши. Не мало удивисе Краль, кадЪ се о немЪ извѣсти да е кодЪ Султана у шабору быо, и како му е коня измамїо; шта е опиЪ не-

го

го чуо и како му е цѣлу почти войску провидїо: Богъ — и душа, рекне му Краль, ты си бѣда старино, та то бы и за еднаго хитрѣйшаго уводу много было, што си ты учинїо. Каже потомъ Краль и прочимъ, кои слушаюћи почнусе гротомъ смѣяти: иди старино, говорећи му, тко тебе на то нашенша, и добро, те главу боланъ изгубїо ниси. Ваша Величества, приложи старый, я да турке не познаемъ, да су прости, и наравни люди, я и не бы смѣо то чинити, но имайте милость вели, воинству абїе їощь данась заповѣдити, да у свакой преправности буде; зашто могу варвари изненада лѣствице узъ наше стѣне градске пометати и на еданъ путъ у нашъ градъ преко бедемовъ покуляти, пакъ докле бы наши, обноћъ може быти, на оружїе ставилисе, дотле бы намъ они по граду покоръ и сїясетъ учинили. „Кралеви се на то на смѣю“ добрый нашъ Клеменсъ, рекну му, мы почитуемо у теби тай твой благоревнивый за отечесво духъ, обаче доста бы зло занасъ было, кадъ се мы не бы тому надали, и предваритељно не бы смо и сваку строчицу плана Султанова предупредити знали: имамо мы люде на то наредѣне, кои насъ о свемъ извѣстне чине, нек' само Султанъ почне, пакъ ћемо видѣти чїяће майка прїе заплакати! зна сиромахъ онъ како е овамо дошао, ал' хоћел' се и какоће се у Асїю вратити, не знамъ!

Кле-

Клеменсъ хотяше и за Флоренса казати, како е био съ Пріинцесомъ, но збогъ краткости времена за садъ премолчи, особито, шшо му и сынъ навальиваше вѣнь дома; опростесе убо съ Монархи и оду дома.

Но чимъ они при сумрачку вѣнь дома дойду, и Флоренсъ попечипелно о томъ настаяваши почне, какоѣе галушаць еданъ найши, и у немъ люде свое у островъ по Марцебїллу, да му ю принесу, послаши; ал' шумный Крикъ людства у варварскомъ табору загрми, тако да се чисто земля потресе: Хала! хала! хала! повичу — Садъ бо истомъ они дочули бяху, да имъ е Бегъ, и Адмїралъ Персїйдскїй, и їощь нѣколико отъ поглавитыхъ господей и юнаковъ погинуло, и да су имъ Французи и Царскаго Понтїфира отвели, пакъ имъ се тако цѣлый лежиръ зато узбуніо и сва имъ войска тако силно возволнуе, и ко граду сви садь, какогодь изъ кошнице раздражене пчеле, или люшїи изъ земле бумбари, да е ужасно было и съ высокихъ градскихъ стѣнъ на нихъ погледаши! у силномъ ономъ ихъ устремленїю, рекао бы свиѣеду, као хале преко стѣнъ у градъ поускакаши. На кое садь кадъ ударе и по граду добоши и трубами почну и Французи войске свое приглашиваши, рекао бы цѣла часть она Парїса, на кою имъ се толико вооружано людство слеже, и за тїйлый

часъ

часъ толико ихъ се стече, даће имъ отъ тяжести у землю пропасти. Флоренсъ съ Лудовїкомъ своимъ абїе скочи на коня, зовну и Бекїра- Клеменсъ то видѣћи, узяши и онъ на свогъ коня, и похите тамо. И док' су се они сквозъ людство къ бедемомъ протушкали, дотле варвари већь, и подъ саме стѣне бяху приспѣли! Копїеносцы на заповѣсть вождовъ своихъ приникну съ копїями къ бедемомъ, а стрѣлцы имъ се ставе свудъ по окукахъ бедемскихъ, какоће со странъ на непрїятелье, акосе на стѣне узпужаю, удеснїе стрѣле пущати; коняницы имъ съ голыми у рукахъ мечевми свудъ редомъ после овыхъ стану. Октавїянъ Імператоръ са своими Римляны стерчисе къ великимъ вратма, и шкрыпећи му раздражено войнство зубы као лютїи Рисови, повычу да имъ се врата отвораю. Градоначалникъ обаче изговарашесе, да онъ то нипощо чинити несмѣ. На то Ироедушный Імператоръ громовито повиче: Римляни! а кого пытате, тта стоите? Едва онъ ово изрекне врата имъ се отворе! И како онъ съ воинствомъ своимъ изыде, Краль Дагобертъ съ войскомъ своїомъ предъ врата стане. Но у исто време и Краль Енглїйскїй съ воинствомъ своимъ на Галїяхъ укажесе на Сени: а Великїй князъ Аѵстрїйскїй похити со своими варваромъ за ледья, коимъ тако срећно

помо-

помоцїю нѣкихъ холмиѣь, и вїноградовъ заиде, да ови ни на умъ узели нису.

Октавїянъ изъ града изшедши устремисе садъ тако на турке, да ихъ сквозъ средъ среде одма пробїе, и будуѣи како су непрїятели на нѣколико тысящь мѣсшъ велику и ватру имали, коя е цѣло оно поле озарила была, виде граждани сѣ высокихъ стѣнъ како имъ Храбрый Октавїянъ, Варваре силно, као снопле предъ собомъ поваля, свимъ садь издалека гледаюѣи имъ, сердца радостїю упоесе: вїваш Императорь! сви му воскликну.

Флоренсъ едва се сквозъ воинство до Краля своего прошура, и нагао бяше ушамъ за Октавїяномъ; но смотри его Краль и заповѣди му, да се никудъ отъ него не крочи: игра месо на младиѣу, и слезе му изъ огненыхъ его очїю верцаю, шшо му не допуспи ипи. Краль му каже, да онъ само слуша на добоше и трубе войническе, пакъ ако намъ вели огласе да е нуждно нашимъ упомоѣь ипи, шоѣемо имъ мы абїе и прибѣѣи.

Турцы обаче видѣѣи свою гибель, а найпаче осѣпивши, да имъ се войске Хрїстїянске и созади приближаваю, уплашесе и тергну назадъ погасе многе и ватре и припаложесе. Садь добоши, и трубе обратно Хрїстїаномъ огласе, и Октавїанъ со своими враписе кь вратма: Срећно! срећно! смѣшећисе на него Дагоберпъ, повиче му. „Добро бы, отговори Императорь

раторъ, но штета што намъ и дуже мало не попрая, ал' опетъ добро смо ихъ окачили. Сотымъ униду у градъ и затворе враша. Стражесе свудъ на ново садъ утверде, и свакїй Краль опеть не мѣсшо свое стависе.

Флоренсъ отпрашивъ Краля своего у дворъ, врашисе дома: касно то буде, но ему се неспава. Онъ одма пошлѣ Бекїра, воденичара, Лудовїка ше му найду едну Галїцу, кою му подъ брегъ воде прешераю. Дойду и яве му; на то онъ садь изведе Понтїфїра своего на коего первый путь садь узяше и оде къ едному одѣлїю войске граждански, отъ кое до едно 20. добрыхъ момковъ измоли, отведе ихъ на Галїю, поучи ихъ какоѣею поступити, и пошле ихъ съ писмомъ отъ себе на островъ а онъ остане шу при брегу чекаюшьи. Слушаюѣи по шеварицахъ около воде умилное славуевъ пѣнїе и гледеѣи како тихїй вѣтриѣъ спрамъ месѣчине воду цаласаше; у нестерпѣнїю измежду страка и надежде къ острову свакїй часъ поглѣдаше, хоѣел' му се веѣъ еданъ путъ царска дцци съ дѣвицами на Галїи указати. И темность иоѣи почнесе веѣъ истончаваши, утреня заря на еданъ путь небо отъ стране восточне орумени, птичице веѣма и веѣма почну цверкутати, ово све нашему младиѣу страхъ умножаваше, да му се неѣе ни люди више вратити; да е то морала нѣка превара отъ Марцебїлле быши;

даѣе

даће онъ за неразумный поступакъ свой и за толике люде, ако му изгину їощь и подъ опговоръ дойти. Онъ овако у себи волнуюћисе, и около себе обзирућисе, да му откудъ каковъ непрїятель не на серне и изненада его не убїе: ал' тек' ему падне нешто, но поиздалека на води у очи! Ово у немъ надежду садь оживи сердце му от радости заигра да могаше у воду бы скочїо, да види само ели му управъ онай предметъ за кои му сердце его юношеско толь силно чезняше. Галушацъ се веће и ближе укаже, тихїи таласи его садь подвигну садь мало спусте. Приступивши му къ брегу перва му се она съ Галїе появи. Юноше! есили ты повиче младићу. „Марцебїлла! у восхищенїю и Флоренсъ, ахъ любезна моя Марцебїлла! возопи сердцу моему мила волшебнице, есили ты! о благодатна судбо моя, како да те ублажимъ! Султанову дщерь да я достанемъ! — „Флоренсе! возрази опеть она ты юноше чудесный! шта е ово отъ мене кудъ я идемъ и нашто ме мое сердце овако силно повуче! Есмол' само безопаснїи“ Сладко дѣте царско прїймши ю съ Галїе ништа се не плаши, мисмо безопасни! Сотымъ приключивъ ю любезно онако трепетну персима своима на кое му она падши, прослезисе и мало поћутивъ рекне му: сладко е ово за мене добрый юноше, магновенїе, прїятенъ часъ, торжественый и данъ овай отъ когъ ти

я у новъ животъ ступамъ, нову благодашь прїймамъ, кое самь я ево вѣнь година дней, мановенїемъ заръ Божїимъ, пожелила: тыѣешь мене у церкву отвести, и яѣу свяшый законъ Хрїстїанскїй прїймити! буди само ты мой, и я твоя! увѣри любезна о томъ сердце твое, и безъ сваке сумнье возпослѣдуй чувству его оно тебе не вара.

Садь погледи и на друге дѣвице, и учтиво ихъ све редомъ поздрави и поублажи; утѣши ихъ, и увѣри, да се ништ' не бое. На то люди изнесу имъ изъ Галїе и багажїю, а другїи абїе доведу Фїакере, нонамѣштаю ихъ све на колеса само Марцебїллу Младиѣъ узме на коня предасе и тако на нѣка пошаена врата у саму зору подкрадусе и стражи и униду у градъ пакъ управ' съ ними у свой домъ. Ево вамъ гостїю отецъ, повиче, кадъ види спараго, кои удивленїемъ пораженъ, плѣнесе рукама и учинисе отъ чуда за нѣколико магновенїй изванъ себе „о! вели, сви свеши и на небу и на земли, каковасу опешь садъ ово чудеса!

Таки имъ се собе — цѣла една страна дома отреде, и лѣпо ихъ намѣсте; заполь часа пукне гласъ по Парїсу, да е Флоренсъ Султанову дщерь съ дѣвицами изъ острова пренео. Флоренсъ убо оде съ отцемъ у дворъ и Кралю запо яви: проповѣди му какоесе то догодило, како нїе насилїя ни было, но да е она сама тако

ко хотѣла, и да е рада и Хрїстїанскїй законъ прїймити и проч: кое и писмомъ ея предъ Кралевы садъ засвѣдочи. Монарси ово саслушавши, съ удивленїемъ еданъ на другогъ погледи, и младића съ похвалами даже и до самыхъ звѣздь вознесу!—

Кадъ около полдне, чуе Султанъ и ову, за себе садъ найжалостнїю вѣсть, дасу му Француси и дщерь съ дѣвицами и съ толикимъ имѣнїемъ похитили! рикне и отъ туге као левъ, потергне мечъ и скочи као бѣсомучимъ, пакъ изъ гласа повиче „аманъ люди есмол' мы турцы, есмол' прави мусулмани, шко Бога и Муамеда вѣруе! на орижье, што скорїе, на градъ юришь безъ обзира! — за тилїй убо часъ развише ти намъ силне Хоругве свое, загрмише съ таламбасы, и цѣлый имъ се таборъ, као синье море на бурномъ вѣтру, тако усколеба, и тако викомъ узавре, да страхъ и трепетъ садъ на Хрїстїане по граду и по свїехъ предградїяхъ нападне: но дао Богъ да су се таковому што и надати могли, пакъ су сви Кралеви, и велможе съ войсками своими на нокту были, и свакїй часъ Варваре, да се двигну и узбуне чекали.

Ударе їнструмента войническа со свїехъ странъ, и полете, свака войска у порядочномъ своемъ строю, на свое позицїе, по плану на предъ скроену. И на зачикиванье Сараценовъ исперче имъ изъ града нѣколико гарнїсоновъ у кобъ, кое Октавїянъ

вїянъ съ нѣкомъ частнїю своего войнства подъ свое управленїе узме, и ови первїи съ варвары бой зачну.

Силовити Римляни, кадъ се на прежду часть непрїятеля устремише, проливсе кровь и съ обе стране тако, да се поле цѣло обагри, и мертвыми тѣлесы покрїе! Турцы раздражени исполне одма ущербъ свой у воинству съ другими, и ополчесе съ крайними силами да пробїю Римляне; но люпый Марсъ овихъ колико на храбрость свою, толико и на даре Мїнервине ослоняюћисе, одма воинство свое на два крыла развїе, коя се мало по мало надалеко разшире. На то Дагобертъ съ Францусы свои и Флоренсомъ, кои ему неотступно слѣдоваше, полети средомъ: проспу имъ се садъ стрѣле со свїехъ странъ, како иста киша, лепе копья, сѣваю мечеви, и спои лупа широкихъ щитовъ. Князь Аvстрїйскїй заиде Туркомъ и садъ за ледья. Краль Енглескїй предержавашесе на води, и препречиваше Сараценомъ путь на другу страну у предградїя бацытисе: прочи свудъ у наоколо кордонъ крѣпко держаху: а Спанскїй со своими и гражданы, изъ горнегъ града на све стране смапраше, и ово съ войнспвомъ новымъ гарнисоне имъ дополняваше, ово пакъ уреженїя гражданомъ издаваше, да непрестанно нуждными потребами войске снабдѣваю. Жипели, кои само за оружїе небяше, као спари, женскїй

полъ

полъ и нѣжна юность, свудъ по церквахъ со священствомъ, и по свои домовы трепещуще приникли молитвомъ къ Богу. Курїри свудъ терче и облетью, и гласъ состоянїя у комъ се коя страна находи, разносе. Но кадъ вѣнь обе силе, и Хрїстїанска и варварска у нѣко равномѣрїе дойду, тако се сражаваху и тако една другой ока отворити не даваше, да су зрителн съ бедемовъ измежду страха и надежде подолго гледали, на коюѣе страну неизвѣстна имъ судба вѣнецъ побѣде бацыти. Видѣѣи то князь Австрїйскїй побоисе за Кралеве, кои на среди почти вѣнь кровава сраженїя быти по хоругви своей видяхусе, пусти свое храбре — до 2000 — Кїразире: обаче докле су имъ ови путь себи до нихъ сквозъ непрїятеля просѣцали, дотле устремителна навала варваровъ у такову тѣсноту стави ова два Монарха съ Флоренсомъ, и тако ихъ окружи, да су едва и окрепатисе могли! Садъ Князь нѣкїй Сараценовъ, именемъ Аламфатїмъ, страшна люда, залетисе съ долгимъ мечемъ да управъ Дагоберта по полъ главе лупи, но лоша му срећа некако буде; у истый бо ма Флоренсъ нашъ кой узме его на око, и не могавши его мечемъ преко другихъ дохватити, хитисе на него копїемъ, и тако его удесно згоди у широку его и голу врашину, да е се ома съ коня свалїо; на то садъ варвари отъ ярости тако се продеру, и за-

шкрипе зубы, пакЪ на ове како исти змаеви нагну, да срећомЪ не приспѣше Аvстрїйсцы, сву бы зарЪ троицу ту смрвили! но ови сЪ широки щитовы, ихЪ заклоняюћи, и мечевы путь имЪ кЪ своимЪ, отЪ коихЪ су се мало разлучили были, отвораюћи, срећно и невредиме избаве. На то имЪ и нове трупе дотерче, и варваре у бѣгство обрате.

Наступи имЪ већь и ноћь, и войске се хрїстїанске опешь на гласЪ своихЪ трубЪ, и добошевЪ стану прибирати: а турцы се со свїемЪ већь приталоже, и станище свое далѣ отЪ перваго положенїя поставе, да имЪ више хрїстїани сЪ ледья заити не бы могли.

Да е у овомЪ первомЪ сраженїю пало доста и хрїстїановЪ, то се и по себи мыслити може, но да е варваровЪ збогЪ неразсудне наглости свое, остало на мѣсту заисто много више, то су потомЪ дознали.

Ту ноћь хрїстїанске страже опаснѣйше буду, да имЪ се како турцы кЪ стѣнамЪ, помрчина будући, не подкраду, и узЪ лѣствице, као что су претили у градЪ не укукляю: но жижа! — пролупани добро, ту ноћь не усудесе.

Другїй дань пошле СултанЪ посланика у градЪ, са строжайшымЪ угроженїемЪ, ако му коня и дщерь сЪ дѣвицами Краль не поврати, даће му градЪ са свїехЪ странЪ запалити, пакЪ онда сЪ таковомЪ яростїю,

ствїю, и съ таковымъ бѣшенствомъ воинство свое пустити, да му све жителе его, мало и велико, старо и младо, подъ свой смертоносный мечь узме! Найпосле даће и его жива ухватити, и съ горчайшомъ смертїю, коясе игда измыслити може, дати погубити! Ако ли му по захтѣваню волю исполни, и завѣща му се пуиный трошакъ платити, да ће се съ нимъ помирити, и абїе у Асїю возвратити. Дагоберта ово садъ поублажи, онъ погледавъ и на друге, испытываше волю ихъ и мнѣнїе, на кое Имераторъ первый несоизволи, но на противъ позахтѣ, да Султанъ има платити найпре сву штету, кою е у отечеству томъ, а найпаче у держави Венецїанской починїо, и да съ воинствомъ своимъ изыде найпре изъ Француске, пакъ ће му онда и коня и дцерь послати: нећели то, приложи бодрый овый Монархъ, а онъ нек' чини, што е наумїо, пакъ ће видѣти какоће пройти! на ову его сентенцїю и прочисе сви садъ согласе, и сотымъ посланика отпусте.

Султанъ прїимивши ову неугодну за себе вѣсть, зашкрыпи зубы, и разярен као люпый рысъ савъ се отъ муке стресе „Халла! халла! у ярости подвикиваше“ бинъ и аманъ, ил' Гьауромъ доскочити, или сви до едногъ изгинути! —

Тай дань увече, при самомъ сумрачку, потайно Имераторъ съ Римляны прейде на галїахъ преко Сенье у едну аду, ка-

 коће

коѣе изъ ове водомъ шурке заити моѣи, и у случаю, ако имъ ови пойдоше ноѣу къ сшѣнамъ градскимъ, да Юришъ чине, созади ихъ напасти. Не далеко ошъ него и князь Аvсшрїйскїй на позїцїи згодной бяше, съ кое варваре шакожде лако заити могаше. — Енгленскїй краль едну часшь своего воинсшва задержи и садъ на води, да не бы варвари у случаю ошъ онихъ созади погнани, нагли на воду, и преюрили у нѣка, у низи шу предградїя, и изъ овыхъ пушь себи у градъ ошворили, коимъ ако бы каковъ ошпоръ краль Неаполїшанскїй и могао даши, но збогъ шѣсныхъ шуда улицъ не бы безъ велике и свое шшеше было: другу пакъ часшь Енглезовъ изведе краль на суво и соедини съ Францускимъ воинсшвомъ, подъ управленїемъ Дагоберша и младогъ Флоренса, кои предъ великы врашы бусїю ухвашили бяху. — А краль Спанскїй цѣло свое воинсшво, и вооружане граждане свудъ по бедемы разредїо бяше.

Между шымъ насшане вечь и глуво доба, ноѣь шавна, ни гдѣ ни кого, нишъ се чуе, нишъ видиш; само у шурскомъ шабору погдѣ коя, ово овдѣ, ово ондѣ вашра се свѣшляше, коя часъ мало угасне, часъ се опешъ појави, и кадъ шшо бы заержь конскїй кодъ Варваровъ шишину ноѣну пресѣкао. Превали имъ вечь и полъ ноѣи.

Флоренсъ поредъ краля своего на коню предъ войскомъ онако недвижимъ сшоечи,

ећи, као младЪ задрема, на еданЪ путь тергесе, и узвижли „о! Ваше величество! иду варвари, земля тушни! то рекне скочи сЪ коня и текЪ што ухомЪ кЪ земли приникне, да искуси на тишини ноћьной топотЪ хода, ал' етоти имЪ два уводе „иду! иду варвари! тихимЪ гласомЪ повычу, и оттерче у градЪ, те огласе стражи на едной высокой Пїрги, да даду знакЪ свимЪ войскамЪ Хрїстїанскимъ. Стража ово чувши, абїе пусти у воздухЪ ракетлу, коя оде у высину као златна жица, пукне горе у воздуху, и изЪ нея 7 звѣздЪ разлїюсе. У истый ма ІмператорЪ изЪ своего, и князь Аѵстрїйскїй изЪ своего стана по едну такову ракетлу пусте, доказуюћи овымЪ, да већь знаду, да имЪ се непрїятель ко граду приближава, и да су имЪ они преправнїи созади его напасти, да се ништа у граду не брину.

Варвари глупи ове су знаке, сЪ коими се мудри Хрїстїани вѣшто у овакомЪ случаю договараю, за нѣка небесна знаменїя держали, и нѣка предсказанїя быти, толковали, и тако еднисе отЪ нихЪ и уплаше, а другїи себи добромЪ надеждомЪ ласкати почну.

Краль ДагобертЪ осѣтивши непрїятеля близу, мане мечемЪ на воинство свое, и пребере его на страну мало кЪ води Сеньи, и ту се приталожи. Ето ти му уводе изЪ града, кои му яви, дасу и у граду сви на нокту, и дае Краль Спанскїй высочай-

сочайшїй церкве едне столпъ, дао освет-
лити, за знакъ такожде, да се сви госту
надаю. Дагобертъ увѣщаваше Младића,
да у свакомъ случаю при немъ се задер-
жава.

Кадъ ал' на другомъ краю града по-
вичу Француси по бедемы: непрїятель!
овамо непрїятель! на кои гласъ загерме
садъ на све стране и войническа їнстру-
мента, полете войске кое су ту оближне
быле со свїехъ странъ. Кадъ почеше съ
бедемовъ опетъ нѣке ракетле бацати, да
освѣтле ово позорище, и увиде непрїяте-
ля у плашесе и удиве слѣпому варваровъ
нападенїо и сили ихъ! кои кадъ почеше изъ
гласа викати и дератисе: Халла! халла!
халла! юришь на градъ! чистосе земля
потресе; и за тилый часъ на нѣколико
писущъ мѣстъ лѣствице узъ стѣне град-
ске уздвигну, и узъ нихъ пужаюћисе, као
мрави начичкани, еданъ другому преко
враша у градъ хоће, не као да отимаю
градъ, но као да су созади съ голымъ ме-
чемъ, погнани пакъ бѣгаю.

Копьеносцы съ бедемовъ оштиискую
ихъ и свалюю доле како исто снопле, буз-
дованы ихъ туку, мечевы сѣку, да имъ
ока отвориши недаду, но всуе! Бѣснило
ихъ варварско, довело ихъ до изумленїя,
пакъ ниши гледе кудъ се стреме, ниши
знаду шта чине, но мечь у зубе, а рука-
ма свакїй ягми узъ лѣствице, не взира-
ћи

ѣи што имъ се за еданъ часъ велике ерпе мертвыхъ тѣлесъ испод стѣнъ укажу!

Краль съ Флоренсомъ іощъ недвижимъ на мѣсту стаяше, и со страхомъ и удивленїемъ несмислено непрїятеля бѣшенство ово сгледаше! Флоренсъ само кадъ што бы на него очи повукао а несмѣ да се ище у сраженїе. Краль ово на немъ примѣчаваше; и найпосле рекне му: юноше! я се за тебе сила боимъ! младъ си іощъ и безъ доволногъ у таковомъ дѣлу искуства, заслѣпиѣете страсть и мож' погинути! Юнацы, пазите вы на него! — Несостоисе сыне мой, храбрость, само у тѣлесной крѣпости, продерзливой смѣлости, но къ овымъ добродѣтелемъ ищесе нуждно и мудрость, и у предпрїятїю дѣла со стерпѣнїемъ строго разсмотренїе; и тако: *моѣи* пакъ *умѣти* што учинити, твори добра юнака, а не зажмури пакъ алловъ! кудъ пукло да пукло! Ено ти примѣра, видишъ што чине варвари, иду као слѣпи, пакъ видишь како и пролазе!

При овомъ и дань имъ забѣли и варвари мало клону; не видяху се више да се съ ономъ первомъ наваломъ узъ лѣствице пеню: но грозно бяше садъ исподъ стѣнъ градскихъ и погледати, колико ту мертвыхъ, но више ихъ раненыхъ по рововы лежи! Оному разбїена глава у крови се валя и неможе да устане, онай пангапетомъ прободенъ, ухватїосе за тербухъ и держеѣи чрева да му не искукляю, привїя-

вїясе кукавацЪ и крмауче отЪ муке; нѣкимЪ сосѣчена рука виси, и другомЪ ю придержава, да му неотпадне, многїи пакЪ со стрѣломЪ у персима, плачу и яучу, а не смѣю да ю изваде, и смерть себи сопымЪ ускоре: о коихЪ, ако су и варвари, немогаще честно сердце да несожали, помысливши: бѣдни люди! грозни обичай! ядна глупости, сЪ каковымЪ сте трудомЪ вы толике земле прешли, пакЪ ето вамЪ на штосте дошли!

СултанЪ осванувши дну прїими гласЪ отЪ своихЪ, да они градЪ, збогЪ высокихЪ стѣнЪ, храбрымЪ воинствомЪ укрѣпленыхЪ, никоимЪ начиномЪ отепи не могу, ама и сви, колико ихЪ годь буде узЪ лѣствице пробирало, свиће изгинути, доказуюћи му да, имЪ є зарЪ третьа часть већь и изгинула, но да се хвате широкихЪ около града равницЪ, и да на полю юначкомЪ мейданЪ учине, пакЪ како буде некЪ буде!

СултанЪ имЪ убо садЪ на то соизволи, и заповѣди свимЪ Сараскиромъ, пашамЪ, и войводамЪ, да цѣло воинство найпре на молитву Богу и С. Пророку скупе, пакЪ онда, да свое войске, сваку подЪ своимЪ знакомЪ, у лѣпЪ ставе редЪ: Между шымЪ тье имЪ и онЪ со своїомЪ обраномЪ дойти, и посреди свїехЪ пойти. Кое кадЪ све буде, као што имЪ є заповедїо, сѣдне на коня, и извезу му позлаћене колеснице, на коихЪ и Муамедъ отЪ злата

слы-

слывенъ на прежднемъ краю утвержденъ у десной руцы мечь, а у лѣвой златный шаръ земный держаше, и на глави полоокруглый отзлата мѣсецъ имѣяше: изнесу попомъ и муамедову зелену хоругву, и проча нѣка знаменія древна и обвешшала коя они за света почитаху. Садъ Царь на коню сѣдећи мане мечемъ, и све ихъ по ушишавъ поведе слово овако:

„Богомъ и светымъ Пророкомъ Муа-
„медомъ возлюблени Мусулмани мои! По-
„знаша е вамъ неправда Гьауровъ, кою
„су намъ нанели, отступивши отъ усло-
„вія, и завѣта своего! Те мы принужде-
„ни бысмо отечество наше оставити, и
„овамо съ великимъ трошкомъ дойти!
„познато є Вамъ и увреженіе чести мое
„да они, буд' намъ княза вавілонскогъ,
„онакова юнака, Адмірала Персійдскогъ,
„и проча знатна лица съ два везира и
„нѣлико Паша погубише, тудъ опеть да
„оногъ маторогъ пезевенку пошлю, да
„мени, Царю вашему онако срамнымъ на-
„чиномъ коня извара и съ нимъ побѣгне!
„а найпосле, ахъ вѣчне за насъ срамо-
„те! ахъ неописане жалости мое, да они
„мою дщерь, мою любезну дщерь Марце-
„бѣллу съ оноликими дѣвицами и оноли-
„кимъ благомъ изъ аде похите и одведу!
„О юнацы! — дѣцо и сынови мои! Како-
„ћемосе мы за такову обиду Гьауромъ
„опмастити моћи, развѣ огню и мечу
„све ихъ предати! Укрѣпите убо серд-

ца

„ца ваша, пропегнише снажне мишце ва-
„ше, сквозЪ кое ВамЪ свагда юначка прет-
„ковЪ вашихЪ кровь пече! Помыслише
„дасте Муамедяни, позов'тесе на С. Ал-
„коранЪ еговЪ, у комЪ намЪ онЪ као Про-
„рокЪ Божїи. пише, да кому ни е на
„рожденїю судьено да погине, или дасе
„утопи, и удави, тай заисто нит' ће
„намЪ погинути, нитиће се утопити ни-
„ти иномЪ коїомЪ нибудЪ смертїю умре-
„ти моћи, развћ наравномЪ, кадЪ доживи
„већь себи уречено време и часЪ онай, ко-
„му є отЪ Бога судьено, да прїе умре,
„и не наравномЪ смертїю, тайће се всуе
„и чуваши, всуе на себеуздаши, дасе
„онЪ отЪ ему назначене смерти сохрани,
„само се срамоти, и предЪ БогомЪ грћ-
„ши! губи мазду свою и изключавасе цар-
„ства небесна! А намЪ е мило, и коль
„за высокїй дарЪ почитуемо, кадЪ насЪ
„кого и царь земный малымЪ чимЪ, при-
„знавши наше заслуге олдари, и о насЪ
„благоволи: но коликонамЪ милїе быти
„мора, кадЪ Богу, и С: Пророку єго
„вћрно служећи, и на С: ЗаконЪ нашЪ
„не само сЪ пролитїемЪ крове наше, но
„и сЪ пожертвованїемЪ нашего живота,
„друге народе принуждавамо, да раз-
„пространимо нашу вћру, сЪ надеждомЪ
„за награжденїе намЪ вћнецЪ Царства
„небесногЪ отЪ самого Бога получити! О
„дћцо! о сынови моц, сваћеду земна мимои-
„ти,

„ши, ал' небесна намъ остаю; благо убо
„оному, кой шу бла годашь кодъ Бога обрѣ-
„ше, да за свое заслуге славу вѣчну по-
„лучи, а съ овомъе заисшо и лѣпо име на
„земли скопчашо. Зашо Васъ опоминемъ,
„молимъ и заклинемъ, будише ми вѣрни,
„ако мени, шо и самому Богу и єго С:
„пророку; своему отечесшву и цѣлому ро-
„ду. Овде насъ како ми се види судба оће
„на нѣку пробу данасъ да меше, есмол' мы
„прави Мусулмани, есмол' сынови Авра-
„амови, прави они Агаряни. Покажимо се
„убо дасмо юнацы, ама сви изгинули!
„Твердосшь наше душе и не лако побѣди-
„ма храбросшь наша, задаће имъ поне
„сшрахъ и учиниће имъ впечашленїе на
„сердцу, дасе више чигда заръ усудиши
„нећеду прошивъ Исмаилшяновъ рашь по-
„чеши, и сошимъ добыва намъ любезно
„пошомсшво наше, коеће намъ и прахъ
„нашъ, и име наше благосиляши во вѣки,
„аминь. “

Ово изговори, сидьећесе съ коня и посадисе на колеснице, погледи на злашнаго предъ собомъ муамеда, н кренувши войску почне се Богу и ему молиши.

Кадъ се ова сила ко Граду съ толихо приближи да су ихъ съ бедемовъ на око узеши могли, упрепасшесе сви и весма уплаше граждани: шшо е шо садъ за волю Божїю! повичу, ошкудъ шо множесшво и шолика сила людсшва, као да изъ земле ничу! А кадъ имъ се по своемъ варварскомъ о-

бичаю

бичаю Сарацени сви у гласъ, као изъ едногъ герла, продераше, и као бѣсомучни повикаше, да! да! — Халла! — Страхъ смертный на све ихъ нападне! Многїи затворе уши да нечую, отвраше очи, да негледе ово ужасомъ преисполнено позорище, сбунени полете у накрстъ улицами свако отъ страха преблѣдило као, да капи крове нейма у себи, дѣца врише, машере запѣваю, яо Боже! штоће то быти отъ насъ, едно мимо друго протеркаваюћи вопїе. Бѣже сви безъ обзира у свое домове! стои лупа врата и прозоровъ, свако се то запвара, и гледи у случаю ако бы непрїятель градъ осилїо, или его огню предао, кудъ бы бѣдне машере съ неякомъ и ситномъ дѣцомъ, кудъ бы, и у кои уголъ или подрумъ съ болнымъ или старостїю изнемоглимъ побѣгли, и животъ таковымъ спасли! —

На то садъ полете свудъ по улицахъ на кони Полицаи, и стану народъ храбрити, да се ништа не бое, да ће све добро быти, и увѣцаваши, да нитко на бедеме града не усудисе отъ граждановъ, кои подъ оружїемъ нїе, излазити, но да свакїй молисе Богу и чува свое добро; домъ, продавнице и тко што има. Священство отпвори церкве, и звонами пригласи народъ на молитву къ Богу. Краль Спанскїй чуваюћи градъ и дворъ царскїй, договорисе съ Кралемъ Неаполскимъ, кои съ воинствомъ своимъ предградїя защи-

цава-

щаваше, да, за свакїй неизвѣстный случай, ако бы по нещастїю непрїятель и у градъ ускочїо, на една врата отъ стране близу лежеħихъ шумъ, путь себи оттворенъ иматм могу, да бы съ Царскомъ круномъ, Архївомъ, кассомъ, и прочимъ благомъ у шуму, у нѣкїй древный и запущеный на едной планини, градиħь избѣгнути, и царско сокро́вище сакрыти могли: а къ тому и отъ народа кое їощь, или веħь за оружїе нїе, исподъ смертоносна меча непрїятелска уклонити.

На то веħь и турска имъ сила приспѣ, и на едну пустимицу близу предъ Француску войску устависе! уподоблявашесе бурному облаку, кои громовы, градомъ, и потопомъ угрожава: Хоругве вѣтромъ колебаеме, долги и остри исправлени миздрацы, густолиствену шуму представляху: Хатови ихъ вриште пусти, и у высъ подскакую, к'о люти змаеви: банда имъ и съ многочислены таламбасы све заглунула да се ништа чути немогаше. Съ овомъ лупомъ своїомъ, рекне Краль Дагобертъ Флоренсу, силаħеду намъ редъ кварити: но само, кадъ у име Бога ступимо съ ними у сраженїе, на Хоругвоносце наше даваħемо позоръ.

Али Ваше величество, отговори младиħь, мы имъ стоимо управ' спредъ, ако се они цѣломъ силомъ на насъ ополче, нїе могуħи да имъ мы отпоръ дамо,

да

да су намЪ поне овде и Римляни, овако можете и Вы непрїятелю у руке пасти! — Краль се осмѣне, вѣруемЪ вели да бы и тако їощь могло быти, но погледай назадь. Младиħь се окрене, кадЪ ал' защита Кралева посредЪ войске у два реда стала, отЪ нихЪ двоице до великихЪ вратЪ путь имЪ ко избавленїю оттворили! Свакїй юнакЪ у оклопу, на лѣвой руцы широкїй щитЪ, а у десной обнаженый мечь держеħи, стои на коню као да е прекованЪ: само се немой ты отЪ мене удалявати, приложи му добросердечный МонархЪ, а за проче ты се небрини: но неħе имЪ се ни допустити, да се они сви на нашу едну страну залетити могу. Како то? та они виде да смо имЪ спрамЪ себе шака людїй! — То они виде, отвѣща Краль, но невиде, а ако и виде, не познаю, оне зелене гаеве, кои имЪ се ено сЪ ледья приближаваю, отЪ онудьħе гуя ихЪ уести, само ако БогЪ да! — ФлоренсЪ садЪ воспряне окомЪ на ону страну и гледи преко ТурскогЪ табора. „Стани мало выше пакЪ ħешь видѣти! Младиħь ободе коня на еданЪ оглавчиħь, сЪ коего кадЪ спази, да они гаеви иду: шта е оно Ваше величество? сЪ удивленїемЪ вопроси. СадЪ ħешь видѣти шта е, рекне Краль, и мане главомЪ на едногЪ служителя, да му приведе едногЪ здравогЪ зеленка: деде ты мой любезный сЪ яши твогЪ Понтїфїра, пакЪ подай момку дати

ши его дома одведе, а ты се посади на овогъ, зашто вели, због тога царскогъ коня найпре бы си ты главу и изгубїо, или бы ти его миздрацы найпосле проболи, кое бы ти їоць, каковъ си ты, и тежше было. Младићь то послуша, сѣдне на другогъ коня, и погледи за своимъ, но не мало зачудисе кадъ види своггъ сторогъ отца Клеменса, кои му отъ момка Понтїфїра прїйми: отецъ! отецъ! повиче нећепел' и вы съ нами? Краль се насмѣе добро е ему и домъ чуваши: Старый мой! паз'деръ момче, и на оно мало моегъ сиромашства, пакъ се моли Богу видишь бо гдѣсмо. Старый нато склопивъ руке, и ласкателно прививъ главомъ, погледи на сына пакъ на небо " добро, старый добро! само ако ме услуша, и ты се за насъ Богу узмолишь. На то старый приключивъ обе руке къ сердцу, погледи опеть на небо и оде.

Между тымъ оне се зелене, созади непрїятеля шуме со свїемъ приближе, и стану: шурцы намъ ово садъ омирише, и продеру се съ оногъ края войске: Аманъ Турцы! ево Гьауріна! — Чимъ они то изрекну, шуме се у сїяйна копья и бритке сабле претворе, кое цѣлу шурску силу на себе обрати. Но! Флоренсъ, садьћешь видѣт' шта ће быти! На то имъ притерчи и Енглескїй Краль са своими конянцы Господине! повиче Кралю, дѣло намъ срећно поступа по плану, алловъ сквозъ варваре!

варе! Текъ што онъ ово изрекне, ал' е-
тоши имъ курїри, кони имъ се у бѣлу
пѣну учинили, пруже бїлетъ отъ Импера-
тора: удрите вели, за насъ се несша-
райте! держ'те само, ако се и како може,
средомъ, да се састанемо, и непрїятеля
раздвоимо. Како Краль ово другому веле-
гласно прочита, шергну мечь обоица, и
погледе на Хоругвоносце. Ови одма Хо-
ругве подвигну, шрубе имъ засвираю, и
добоши на сраженїе воинства пригласе!
Садъ убо "

На два крыла полетише храбри конянице,
А по среди нагрнуше све сами пѣшаце.
Оклопнице садъ окруже защиту кралевску,
И тако се устремише на сву силу
турску!
А кадъ ши намъ се съ обе стране люшый
Марсъ разяри,
Одма и смерть преужасна адска вра-
та отвори!
Грми, пуца, кровь се лїе на све стране
пошокомъ,
Леше главе обрїяне Сараценомъ и тур,
комъ!
Шкрипе зубы, подвикую изъ гласа вар-
вари:
Даворъ лаже сви коисше на свѣту
Гьаури!
Тьуши муо не дерисе, но гледай зачимъ си,
Мы сви знамо да се овом' шы надао
ниси!

Нисмо

Нисмо лаже но хрїстїани Богомъ просвѣ-
щени,
Бадявасе изговарашь дасте преварени!
Словесному человѣку свойствена мудрость,
Да е начинъ да порази варварскую
глупость.
Нашо еданъ залеписе да овогъ намъ лупи.
Ал' му лоша срећа, буде, еръ самь
главу изгуби
Тресне съ коня, издишући текъ что ре-
че медетъ'
Овай Нашо: нек' ши и садъ помогне
Муамедъ!
Али кадъ се садь склопише на Кралеве
варвари,
Обоицу окружише храбри кїразири.
Хала! хала! турцы вичу, ухвати Кралеве!
Другїи нашо продерусе: сѣцише имъ
главе!
Али вѣрни Кїразири заклоне ихъ щитовы,
И По овы запуцаю турцы буздованы.
Спои лупа, да пробїю, ал' никако не могу,
Отлећу имъ голе главе и зѣваю подъ
ногу.
Но найпосле да не спиже младый Флоренсъ
на помоћь,
Богъ зна што бы отъ нихъ было, кадъ
бы пали у немоћь.
Варвари бо гомилами на ове су вервили.
Тукли бы се све еднако, докъ ихъ не
бы надбыли.

Али ФлоренсЪ, момче младо, но змай
огневитый,
Залеписе на зеленку варваромЪ созади.
Лупи едногЪ, лупи другогЪ по полЪ гла-
ве мечемЪ
И два паше пробурази своимЪ острымЪ
копьемЪ.
СЪ овымЪ шурке садЪ онЪ сбуни, те се
мало окрену
И КралевомЪ путь отвори да се сЪ
прочымЪ састану.
СадЪ на ново сѣча поче сЪ обе стране
ужасна.
Кровь се проли као киша изЪ облака
напрасна.
РитерЪ ФлоренсЪ садЪ видѣћи со сви
страна варваре,
Да се силно устремили на его Кра-
леве.
Да хоругве већь продерли, и текЪ да имЪ
отму.
Залеписе на зеленку на множество
ихЪ и пму.
Мане мечемЪ околЪ себе, и путь себи от-
вори,
Сви тронуши кадЪ видише ово чудо
варвари
АманЪ держ'те повикаше, того пезевен-
ку,
Младо лудо залетило на своемЪ зе-
ленку.

ЗабунЪ

Забунъ да е цѣлой войски, и многе насъ
погуби
Све поизборъ люде наше изсѣче и уби.
Склепшашесе сви на него, да га жива у-
хваше,
Ал' е Флоренсъ хитаръ сокоо ухвати-
ш'се не даде,
Подскакуе на свомъ коню мечемъ хитро
окреће;
Главу свою добро чува, до хоругве
додье,
Счепа ову пакъ повиче: овамо юнацы!
На шо одма припърчаше ему оклопни-
цы,
Кои садь намъ све варваре у бѣгство
обраше,
И съ Хоругвомъ Кралевомъ се опешь
своимъ враше:
Укобесе съ други турцы, кои отъ овыхъ
бѣгаю,
Разбїени безъ обзира, ше ихъ доче-
каю
На мечь лютый смѣртоносный и остри
копьїя
Ал' овисе предадоше у издераны ди-
млїа;
Три тысяще мало више отъ простыхъ шу
бяше,
И со нами еданъ Везиръ и четыри
паше:
Нѣко число между ними бяше и арапов,
И на гласу Селимъ ага любимецъ Сул-
шановъ.

Све у робство ове садь намЪ отведу Французи
ОтЪ нихЪ многїй тако ранѣнЪ да едва текЪ пузи.
Заповѣда да ихЪ воде и у градЪ предаду,
По касарнахЪ раздѣле ихЪ, нек' за госу знаду.
Садь на ново оба Краля ополчесе на турке,
ЕданЪ лѣво другїй десно узме крило войске;
И по среди Генерали, сЪ многи гарнизони,
Млади здрави помѣшани сЪ нѣки ветерины,
Свака войска по свомЪ чину и у лѣпомЪ строю,
Оружана како треба и преправна кЪ бою.
Тек' што ови подвигоше цервене хоругве,
И трубами огласише да се крешьу войске:
Али турцы узавреше, к'о тисящнїи роеви,
Аге паше и везири сви лютїи змаеви:
На све стране полетише на берзы Хатови,
Сви у злату накиѣени, као да су сватови:
АманЪ турцы! подвикую на ноге устайте!
На Гьауре што скорїо юначки удрите!
Едни убо залетесе на ове Кралеве,
А другїи се устремише на бодре Римляне.

Веѣь

Већь до среде Октавїянъ бяше таборъ
пробїо
И Варваре у великїй забунъ поставїо.
Съ лѣве стране на спрамъ него и Князъ
Аустрїйскїй
Съ войскомъ своїомъ поражава вар-
варе витежки
Мечми сѣку, копьи боду раздражене турке,
И путь себи пробїяю по среди ихъ
внйске.
Нагле ягме што скорїе да се съ овы са-
спану,
Дагобертомъ, и Флоренсомъ, и Ен-
глезы срѣтну,
Медь двѣ ватре садь варвари надьусе у чу-
ду,
Сви сбунени окрећуее, ал' имъ све за
луду;
Лютїи Марси не даду имъ ока отвориши,
Съ чимъ бо турчинъ руку двигне гла-
ва му оплеши!
Стои якъ полумертвыхъ исподъ кон-
скихъ ногу.
Медетъ вичу што с' учини сви одо-
смо къ врагу!
А кадъ ти се обе стране садь Христїан-
ске састаше,
И Монарси медьу собомъ брашски по-
здравише;
Мужественый Октавїанъ Имераторъ по-
виче:
Богу хвала пробисмо ихъ. но Сул-
танъ ми умаче!

Идемъ

Идемъ за нимъ я съ моими, а вы сложно
на ове,
Онъ є съ гардомъ исподъ оне шумице
зелене.
Ови ћеду садь видѣши мене кудъ я идемъ;
Ништа зато нек' ме виде, яћу да
заидемъ
Поредъ оныхъ вїноградовъ за она два бер-
да,
Да ме неће ни спазити Султанова
гарда,
Само паз'ите вы на ове ако за мномъ подьу,
Сбуните ихъ одма съ ледья да воду
не предьу,
И дайте ми са Флоренсомъ два три Гар-
низона
Не бойтесе чуваћу га као родьена
сына!
Младићь на то отъ радости савъ се зару-
мени,
И на Краля Дагоберта бацы погледъ
умилный:
Айде иди, Краль му рече, но на себе пази
Ибо често и варвари великїи су врази!
Већь и Сонце мало бяше къ ноћи прева-
лило
И воинство съ обе стране већъ се умо-
рило:
Турцы пошлю и запросе садь примиренїе,
Да се мертви съ обе стране погребу
ранїе.
На то ови одма буду дозволити готови,
Да се мало и воинство разслаблено од-
мори

Огласе имЪ свудЪ сЪ добоши, да се сви
садь скупе,
У станица да се еломЪ и питьемЪ
подкрѢпе.
Генерали кадЪ све войске прегледавши
попишу
Колико имЪ тай дань пало войни-
ковЪ докажу:
ОтЪ прилике и петь кратЪ е отЪ варва-
ровЪ више
Ту на полю шоме равномЪ мертвыхЪ
пало чуше!
КромѢ, нѢкїи и ранени, нѢкїи зароблѢни,
Тусе надьу, Сарацени и многїи та-
тари,
Сонце сѢде и сумрачакЪ почесе хватати,
Све воинство уморено стаде вечерати
ОктавїанЪ со ФлоренсомЪ узе войску и
оде,
Овїи другїи яке страже свудЪ около
нареде,
Силне ватре появесе у турскомЪ табору.
Кои имЪ се простираше даж' подЪ
едну гору;
Краль Іспанскїй Дагоберта садь отзове
у градЪ
И каже му да е его онЪ измѢнитЪ
радЪ.
Овай на то соизволи, и у граду остане,
Краль изыде на Марсово изванЪ града
поље,
ВеѢь имЪ и ноѢь тиха поспе Небо со звѢ-
здами,
И крваво поље оно овлажи росами.

Утишасе на све стране да се ништко не чуе,
Глуво доба вѣкъ настало, кое успављое,
И птичицу и юнака и животно свако:
Младый воинъ на свомъ копью вѣчь задрема сладко,
Али тек' е на опрезу да се не превари,
И да имъ се не подкраду откудъ годъ варвари.
Ову битву на стихове ево испоясмо
И на простой бѣди се другой преправисмо!

Кадъ предъ саму зору исте ноћи, Турцы се, нѣколико тысящъ ихъ прикраду, со стране отъ кое се ништко надао не бы, къ стѣнамъ градскимъ, тако вѣшто, да ниши ови съ поля, ни они у граду осѣте! прислоне Лѣствице и покуляю унутра, запале, гдѣсу могли нѣколико домовъ и узбуне, све жителе, страхъ всеобщій садь по граду све узнемири; и доклесу узели, на умъ съ коего края града варвари улазе, дотле ихъ вѣчь и до 5000. по градскихъ улицахъ буде! На срѣчу великіи и отъ камене устроени домови, и ноћь іощь будући, позатворани ништко изъ нихъ не излазаше, те не буде великогъ кровопролитія.

Краль Дагобертъ одма е воинство свое у движеніе привео, и Генерали свакій съ войскомъ своіомъ, едни со сами коняницы позатвораю улице, другій съ пѣшацы по-

леше

лепе кЪ оной страни, на коей су варвари путь себи отворили. А Краль Іспанскїй со ЕнглескимЪ, удари сЪ поля. И тако страшно сЪ обе стране кровопролитїе до 8. часовЪ у ютру потрае. ЖителемЪ заповѢдьено было, да сви по домови затворени ћуше и да имЪ се нитко на полье изыши не усуди. Варвари су спочетка за удивленїе храбро се борили: но и морали су садЪ тако се живо бориши, зашто со свїехЪ странЪ скучени, падну у крайне отчаянїе а у отчаянїю шта человѢкЪ неће учинити, но найпосле кадЪ виде, да никудЪ не могу, а они сви кои погинули не бяху, подЪ крѢпку ХрїстїановЪ мышцу клону и себе предаду.

ТекЪ што имЪ се ова буна поутиша, и граждани отЪ страха мало се повраше, ал' КурїРи сЪ новомЪ радостномЪ вѢстїю Кралю Дагоберту доперче, и кажу, да е ОктавїанЪ Султана сЪ цѢломЪ его ЦарскомЪ свїтомЪ ухватїо и ЕнглезомЪ на Галїе предао, коиће садЪ водомЪ у предградїе сЪ друге стране града дойти, и туће его Краль Неаполїтанскїй сЪ Галїи пріймити; и у градЪ пропустити. Но будући, приложе курїри, ово есе туркомЪ тако живца коснуло, да су се сви, као слѢпи на Имиератора и Флоренса садь устремили, и тако ихЪ обколѢли, и у тѢсноту скучили, да имЪ ока отвориши не даду, Іспанци су и Енглези већь тамо досадЪ, но захтѢваю їощь и Французе;

зато

зато градъ веле, нек' чуваю граждани съ Неаполїтанцы, а вы Ваше Величество, што скорїе дайте войску, овоѣе заито чудо быти, ако се намъ Римляни садъ одерже, и она двоица, или не погину, или непрїяпелю живи у руке не падну!

Краль ово саслушавши, абїе генерале свое пригласи, кои на заповѣсть све войске одма соедине, и къ своимъ на помоѣь поите. Кадъ тамо, имаю шта и видѣти! Цѣла сила варварска: турцы, шапари, персїани, Арапи, сви сарацени, све се то у едно садъ слегло, и Римляне отъ прочихъ хрїстїанскихъ войскїй распавили, пакъ едни напали на нихъ, другїи на ове себи созади, Іспанце и Енглезе, кои су веѣь предъ непрїяпелемъ готово малаксали были, навалили пусти тако живо, и тако жестоко, да Француси не приспѣше, а особото Кїразїри, тешко бы се одержати могли. Но кадъ ти намъ Француси разиграше свое хитре коне, и полете съ долгими у рукахъ мечевми, паде турчинъ на све стране гомилами! Ово хрїстїане садъ охрабри; на то стигну имъ и пѣшацы, отъ коихъ проспусе на непрїяпеля стрѣле, како иста киша. Князъ Аустрїйскїй съ хитры свои Нѣмцы и мужествены Немацы, оторгнувшисе мало съ преднегъ края отъ непрїяпеля, прелети на десно крыло его, еда бы садъ часть варваровъ на себе обратїо, и со тымъ союзникомъ своимъ путь мало, средомъ непрїя-

пріятеля оттворїо, да пробїю его и съ Римляны се састану.

Но отъ еданасть часовъ до саме ноћи, тако е сила сили соотвѣтсвовала, и една другу съ таковымъ кровопролитїемъ терла, да е се већь мыслило една душа ту више неоста жива, и їощь никако до Римляновъ допрети не могу! О Імператору и Флоренсу већъ надежду и изгубе, даћеду ихъ игда више живе видѣти! Дагобертъ се и нѣколико путїй заплака, и повиче: юнацы за име Божїе штаће то быты, изгубисмо два найславнїя мужа, кое намъ ни сто Султановъ замѣнити немогу! Иштимо убо миръ, нїе друге помоћи, вратимо имъ и Султана, и све дѣвице, само да намъ Імператора даду, и Флоренса, ахъ, любезно дѣше наше, ако те изгубимо!

На то Краль Енглїйскїй „Небойтесе Господине, повиче Дагоберту, мало їощь держ'мосе, мы ћемо ихъ надбити, а шатъ и ону двоицу не изгубимо, Римляни су храбри, а Октавїанъ е быстра една глава, чуваће онъ и себе, и младића. — “ Но какова е то сила за волю Божїю, настави Дагобертъ, да никако ей доскочити неможемо? Безъ сумнье, приложи Краль Енглїйскїй, они, су морали, по свомъ обичаю, оно вражко питье попити, кое ихъ тако распали, и у таково бѣшенство ихъ, кадъ его попїю доведе, да свакїй као да побѣсни, у ватру у водуће за

оно

оно време скочити, а кадЪ мало отЪ оногЪ поохладне, клону на еданпутЪ, и тако ихЪ найде нѣкїй уморЪ, и дремлива нѣка унилость, да ништа више чинити не могу: само да намЪ ноћь неотме, и кадЪ бы се, и на спрамЪ нихЪ, рече, сунце намЪ,као на спрамЪГаваона мало позауставило, видѣли бы вы, како бы мы у бѣгство ихЪ обратили.

При овомЪ ихЪ вайканю, донЪ МїлерЪ, ПолковникЪ са своїомЪ отморномЪ ГавалерїомЪ, коя му се по вечѣой части изЪ оклопниковЪ состояше, тако яко садЪ на варваре нападне, и тако ихЪ крѣпко поражавати почне, да варвари већь клону и малакшу, найпосле и ледьа му окрену. Но! хвала Богу! повиче краль Іспанскїй, садЪ ћете вели, видѣти, штаће быти. Тек' што онЪ ово изрекне, Хрїстїани видѣвши варваре, да већь изгубите скокЪ и редЪ свой, и да се на све стране разроише и бѣгати нагоше; потеку за ними што кой берже могаше.

На то и всерадостное сЪ бедемовЪ народа восклицаніе загерми СадЪ! СадЪ держ'те, срећа е наша! и тако са самымЪ мракомЪ пожену ти намЪ варваре, кои се више и необзираху, но на вратЪ, на носЪ у бѣгству себи поищу спасенїя коимЪ и ноћЪ; тавна будући, сила помогне.

Исто ноћЪ и Султана сЪ многими тысящми еговихЪ, а нарочито верховныхЪ вождовЪ ихЪ, Енглези у градЪ допраше,

гдѣ

гдѣ му на захтѣванье єго изведу дщерь сЪ дѣвицами, кою онЪ у радостномЪ восхищенїю садЪ кЪ своимЪ отеческим' персима пригерливЪ заплачесе, и видѣвши ю весма скорбну тѣшаше ю, но она цѣлу ту ноћь неосуши красне свое образе отЪ слезЪ, не толико за нещастїе своего родитеља, колико за ФлоренсомЪ, да їой нїе погинуо: кое ако по несрећи буде, говораше у себи, тешкоћу вели жива и я остати, зато ни зоре недочека, но навали да ю покреспе; отведу ю убо у церковь, зовну Епїскопа, покреспе ю у Хрїспїанскїй законь, и даду ей име *Вїлхелмина.* Кралица ей буде кума, она е и зато овако поипила, да уягми отЪ отца, боећисе, да ю зато не прокуне, а кадЪ сирѣчь прїйми благодать нову, клетва его више неће важити. Ово е за ню една не. описана радость была. ПримѢру ея у истый часЪ воспослѢдую и све дѣвице ея, кое садЪ кралица сЪ ЕпїскопомЪ позове слѢдующи дань на обѢдЪ.

Осванувшу дну, кажу Султану, да є дщи его купно сЪ дѣвицами Хрїстїанка већь постала. Ово Султана исперва весма оскорби, но потомЪ кадЪ се ошЪ Епїскопа извѢсти, што є Хрїстїанскїй законЪ, склонисе и самЪ, и даде и себе крестити: како штоћеду по нѢкомЪ времену и сви прочи єгови люди учинити.

КадЪ около 10. часовЪ врашисе Дагоберш Краль, и заповѢди абїе по свїехЪ цер-

церквахъ благодареніе за побѣду учинити. Каже како су непріятеля далеко отбили, но Окшавїяну и Флоренсу нигдѣ ни гласа ни трага. Военачалницы его приложи Краль, говоре, да су его абїе у первомъ сраженїю, у первомъ на турке устремленїю, изгубили. Какосмо веле, Султана похитили, и на Галїе Енглезомъ предали, потеку шелали сквозъ таборъ цѣлый, и узбуне турке, кое насъ, како исте золье нападну! и мы доникле веле, держасмосе его и Флоренса, и чувасмо редъ нашъ, но кадъ се у найвећой вашри ломѣшасмо, изгубимо и редъ и нихъ обоицу. И ясамь се тому и надао, приложи Краль за себе, даће тако быти. зашто е онъ мужъ отвећь силовитъ! ко тому человѣкъ садъ судбомъ своїомъ ожалостьенъ, не мари за животъ, но жао ми е, серце ме вели, боле, што оно дѣте пустихъ отъ себе! Дао самь ихъ тражити, да нису гдѣ пали, но нигдѣ! пыталисмо и зароблене многе за нихъ, и кажу намъ, да су отведени живи: ако ихъ убо не погубе, тоћемо лако; у промѣну за Султана, пакъ Миръ Богу! Найпосле настави Краль, писаосамь и монтенегрїискому Князу, кои е такожде отъ истыхъ варваровъ, кадъ су на венецїю ишли, велику обиду претерпїо, да, ако бы случайно гдѣ, у своемъ возвращенїю варвари опетъ на воинство его, кое му їощь подъ оружїемъ при Адрїатическомъ морю стои, ударили, дочека ихъ, и да

ихъ

ихъ гледи разбити: а Фердїнандъ Архїдуксъ Аустрїйскій и Енглези съ Римляны назорце ћеду ихъ даже до нашихъ границъ прашити. Сила ихъ заисто, у бесѣди рече Краль, и изгину, сила и заробленыхъ заоста, но многїи се їощь и повратише, хвала Богу вели, те ихъ се избависмо!

Князь убо Монтенегрискій Љутомиръ (acris) у исто време съ Баномъ Далматинскимъ у союзу сущїй, прїйми радостну вѣсть отъ краля Францускаго, да су Турцы при Паризу разбїени, и ко границамъ изъ Француске погнани; да е Султанъ съ многими тысящми своихъ заробленъ, и даћеду они, по свой прилицы, опеть путь себи на море Адрїатическо узети, но да буде купно и съ Баномъ Далматинскимъ, и прочими окрестными туда велможами преправанъ и опасанъ дочекати ихъ, и разбити; за обиду, а нарочно Венецїаномъ учинену, отмастиписе и плѣнъ оноликїй повратити и проч:

Князь абїе, безъ сваког закосненїя пише Бану, сообщи му дѣло, и сазову и проче велможе, учине соборъ, и преправе се съ воинствомъ, кое на три части садъ раздѣле. Монтенегри (церногорцы) намѣстесе при єзеру не далеко отъ Шкутаръ. Далматинцы отъ Дубровника уздужь моря, а прочи засѣдну острове Венецїанске. И тако у преправности чекао на Варваре.

Ови бѣгаюћи изъ Француске државе, нагну преко горне части Хелвецїе, продру

Тур-

Тѵролїю, и ту пролупати, навале опеть на Венецїю, но лоша имЪ и ту сретьа буде; понаглесе у Далмацїю. БанЪ Далматинскїй уплашисе садЪ за ДубровникЪ, и за предупредити ихЪ, нападенїе варваровЪ, крене имЪ войску свою на срѣтенїе: призове у помоћь себи и изЪ свїехЪ ВенецїанскихЪ островЪ народе, сЪ коими яко подкрѣпивЪ армаду свою, препречи путь ВарваромЪ вступи имЪ на море. Видећи Турцы да су затворени, ІбрахимЪ ВезирЪ, и Верховный садЪ ихЪ началникЪ, уплашисе да ихЪ ту зима не застане; пошлье посланике и ище отЪ Бана, да его сЪ людми своими пропусти на Хорватску; завѣщаваюћи му се, да никакова на свѣту насилїя чинити неће, и даће му све што сЪ людми своими у путу потроши, поштено платити: ко тому даће му то за вѣчно и прїятелстьо прїймити, и таково сваке године сЪ отменнымЪ даромЪ потверждавати. БанЪ ни пошто на то не соизволи, но позахтѣ, да све што су годь изЪ Венецїе блага изнели, ВенецїаномЪ поврате, и потомЪ да положе оружїе, и предадусе безоружани сквозЪ све землѣ Хрїстїанске пропратити.

Ібрахима ово у такову ярость бацы, да му претити почне, да онЪ воли са своими людми до ноге изгинути, нежели то учинити: и узми се, приложи му, добро на умЪ, шта може еданЪ Великїй ВезирЪ са свои близу сто тысящь войниковЪ,

ковъ, кадъ у отчаяніе додье, учинити. Удариписе убо са мномъ, не можешь, держати ме овдѣ преко зиме, увѣренъ буди, даће ми полъ милїона войске на помоћь дойти, пакъ онда гледай гдѣси! —

Банъ ово одма сообщи князу Монтенегрискому, кой му абїе съ 25. тысящь Войниковъ, варваромъ созади на помоћь приспѣ. Пошлю садъ и Хорватскому Бану писмо, да и онъ што скорїе войску купи, пакъ ако бы варвари отъ овыхъ погнани, на его границе насернули, да ихъ дочека; и тако овы съ ледья, а онъ спредь, да му ока отвориши недаду. Прїйме убо отъ Бана одма и отговорь, да е се онъ тому надао, и да е већь са свимъ преправанъ.

Пошлю ови опешь везиру, и нуде его на миръ, придодаюћи му, да повратше само савъ плѣнъ, и Імператора съ Флоренсомъ, пакъ ћеду ихъ и подъ оружїемъ пропустити, обаче не на еданъ путъ, но по нѣколико тысящь. Везиръ имъ на то отговори, даће онъ плѣнъ повратити, и найпосле и на то условїе престати да ихъ и на више путїй подъ оружїемъ пропусте, но Октавїанъ є вели, купно съ Флоренсомъ у сраженїю пао! — Князъ на то разсердисе, и по другїй путь пише му, и поручи, да ако су та два мужа кодъ нихъ, да ихъ абїе и безъ найменшегъ закосненїя пошлю, пребацуюћи му, да нїе истина, да су погинули, ванъ

акосте ихъ вели му, (Вы отъ како сте ту доспѣли, дали погубити, иначе они су до ономадъ, живи были, и чуваше ихъ за промѣну вашего Султана, кое сте могли у Франціи, а не овдѣ чинити: не пошлѣте ли ихъ, приложи князь съ Баномъ, то увѣрени будите, да еданъ преко Хрїсшїанскихъ державъ ноге изнети нећете! —

Турцы, умѣсто да се на прошенїе ихъ склоне, или поне што на писмо отговоре, едну ноћь потайно премѣсте станъ свой подъ едну гору, и ту се иочну болѣ укрѣпляваши. Ови пакъ у исто време прїйме вѣсть отъ Францускогъ краля, да гледе непрїятеля буди како зашворити, но да їоць на него не удараю докле имъ Римска войска не приспѣ, коя е већ у путу была. Ови то послушаю, и приталожесе за нѣко време. Турцы се установили, и чекаю такодьерь згодну за себе прилику.

На по нещастїю излитїе великое воде отъ многихъ то лѣто кишъ, задержи Римляне и три седмице преко временя на кое су иначе мегли спиħи! Ово Торке садъ осмѣли, да Фрїстїанске войске, кое гдѣ по мало стану нападати, и ноћю изъ окрестныхъ самъ пачну стоко похицавати, найпосле и два села запале, и нѣке еъ раномъ Магацине ому, и ряну понесу. Но спигне ихъ *Лео* младый Князевъ писяцникъ, разбїе ихъ, и ране имъ отме.

Бонъ

Банъ кой є ту близу быо, одма пошлье Леона садь ко князу, ява му, и увѣщава его, да нїе совѣтно више на Римляне чекати, но да на непрїятеля ударе! сказуюћи му, како є и Мустафа Соколовичь, Паша, Туркомъ и Татором на помоћь быо пошао, но Петромъ опеть преко саве отбїенъ! Овай Монтенегръ, као лютый рысъ, прочитавши писмо, и саслушавши и устмено отъ Леона дѣло, скочи отъ ярости са столице, исторгне мечь и повиче,, Богомъ се и овомъ моїомъ просѣдомъ већь брадомъ заклинемъ, да се дотле смирити нећу, нити дотле мой мечь у корице метути, докле годъ Варваре за море не преюримъ! Проклетый родъ еданъ колико су се то свимъ намъ на душу попели! —

Сотымъ окренесе Леону: Сыне мой! я твое дѣло похвалюемъ; за тебе Банъ ево ми лѣпо говори; садъ видимъ, да се я у теби нисамъ преварїо, штосамь те, не взираюћи, што їощь ни браде неймашъ, тысящникомъ одономадъ поставїо: тыћешъ отсадъ и више знаковъ мое къ теби отеческе любови искусити: буди само добаръ, буди ми вѣранъ; новъ си їощь, пакъ ме не познаешь, но я самъ тебе већь познао, а познаћешь и ты у мени правогъ, да не рекнемъ Господина, но твогъ Благодѣтеля, или паче Отца: но дѣте мое, я їощь управъ о теби се нисамь добро ни извѣстїо, а толико те лю-

 бимъ

бимъ и присваямъ; ово е вѣнь скоро полъ године, како ше е Станиславъ къ мени довео, и препоручїо, а їощь ше ни испышао нисамь, есил шы правый Сербинъ, и откуда си? — На ове благодушне княза рѣчи, младинѣь се зарумени и погледи у землю, поћуши, и двигне опешь онако умильенъ очи на княза. „Ништа сыне, прехваши му рѣчь князь, ништа шо, ако и ниси Сербинъ, шы си зашо опешь мени мио, зашшо си добаръ; да ниси Грекъ, и Грецы су наши, Грецы су славнѣйшїй сыне народъ: чуемъ ше да говоришъ и Сербски лѣпо, а и Гречески. На шо младичь „ Ваша свѣтлосшь! я во первыхъ благодаримъ на Вашей къ мени той отеческой милосши, кое ме е Ваша доброта шоль любезно удосшоила, да ми е се шаки на серце Впечашлѣла, даћу се я свагда шрудиши мене управ' досшойнымъ шакове учиниши: а шшо се моего племене и отечесшва шиче, я самь управъ не знамъ, ни чїйсамь по оцу, еръ его нигда ни познавао нисамъ, ниши пакъ откуда самь, зашшо самъ до данасъ, овако младъ, Богъ вѣсшь у колико земляхъ живїо! имамъ само едну маперь, коя ми е нешшо казывала, но оно е мени толико невѣрояшно, колико и непонятно! „Како шо сыне, а гдѣ ши е Маши? “ Она е овдѣ у граду, и она бы васъ о шомъ найболѣ и извѣспиши могла, ако бы имала шу милосшь Вашей свѣтлосши предсшаши!

„Пакъ

„Пакъ зашто не дѣте мое, иди и нек' ми таки дойде! свака мапи за добро Воспитана сына чесць заслужуе — Юноша оде, и ето его съ матеромъ! Жена како у струку лѣпо угледна, повысока, и танка спаса, но пуначка; тако и улицу нѣжна, и хотя около своихъ 35—36 лѣтъ, полна пріятности, као Май Месецъ. Тихъ и цѣломудренъ погледь ея, Величество нѣко душе, и сяйность невиности, живо изявляше. — Право! Вспупивши ей у собу Возопи добрый князь, драго ми е! — Ваша свѣтлость! приложи юноша, ово е моя Мати! — Она на то зарумененшисе, Свѣтлый Князъ! извините Вели, добротомъ своїомъ мою слабость; давно самь я овай часъ желила предстати вашему свѣтлому лицу, и мою благодарность, кою ми више сердце осѣћа, неже ли бы игда я такову рѣчми изговорити могла, предъ Вами съ материми моими слезами излити, Ваше ноге загерлити (клекнувши предъ князa и полившисе сузами, мало умолкне) Ахъ! Господине Милостивый! Вы сте се моего сына, моего единца, тако отечески пріймили, и сотымъ мене, бѣдну материъ толико утѣшили, да я Вамъ не могу, доклесамь жива доволно Возблагодарити! — „доста добра мапи, двигнувши ю кратко отвѣща Велможа, доста, Богу смо единому за сва благодарити дужнїи, а я што самь Вашему сыну учинїо, и штоћу му

їощь

їощь учинити, онЪ то заслужуе, заслужуеше и Вы, койсте его лѢпо Воспитали, шаково утѢшенїе; но ели онЪ правый сынЪ ВашЬ, као да Ваша лѢта тому несходствую? „Есть Господине Милостивый, о есть сынЪ мой и первенецЪ мой, кого самь я отЪ Бога исплакала, его единаго, више я никого на свѢто и нейамЪ. — „А молиѣу шкосте Вы? упыша князь, и естел' вдова, отЪ сына се ВамЪ не могохЪ ни извѢстити! — „Ваша свѢтлость, ясамь ВамЪ една страдателница на свѢту, една невинна жертва неумитне мое судбе! Шта самь ВамЪ я сЪ овымЪ истымЪ дѢтетомЪ до данась претерпѢла, кудЬ самь ходила, шта самь чинила, да ВамЪ станемЪ повѢсть мою сказывати, привела бы васЪ у шаково удивленїе, да ми ни вѢровати не бысте могли! Но благодаримЪ Богу на свему, безЪ коего промысла нїе ни сбытисе могло: и све што самь до данасЪ претерпѢла, вѣнь бы мало по мало и заборавила, но што ѣе ме садЪ текЬ, како чуемЪ срѢсти, быти ѣе за мое сердце послѢднїй ударЪ; нїе ми више могуѣи поднети, но и не маринЬ, нек' ми буде, предстаѣемо поне еданпутЪ предЪ праведнаго судїю, коего око све види, кой сердце и наша помишленїя зна; само благодаримЪ му, што е святымЪ своимЪ мановенїемЬ у ваше милостиво сердце шу отеческу любовь моему дѢтешу, моей овой отбаченой сироти улїо;

ше

ште ѣе ми лакше быши сѣ овогѣ свѣта пойти! — При овымѣ рѣчма опеть се грозно заплаче. — „Сожалуемѣ васѣ, ухвативши ю кротко князь за руку, сожалуемѣ рече, и желїо бы о вашой судбы ясније извѣстишисе, каж'те ми убо, и увѣришесе о моемѣ заступленїю, како е то было, и отѣ кого сте тако пострадали, ѣу участїе ваше туге имати, и у чемѣ будемѣ само могао, хоѣу васѣ утѣшиши, а за дѣте бриге неимайте; онѣ е веѣь мой, и дотле е био, а отѣ садѣ и болѣ, онѣ е младѣ, ему иде напредакѣ, и мы старїи, кои на младыхѣ нашихѣ свѣтѣ овай оставлямо, дужни смо ихѣ наставиши, и као наше подмладке любити.

Она убрисавши, слезне очи, погледи кѣ небу ахѣ всевышнїй! — сладка добродѣтели, едино украшенїе душе наше! каковый источникѣ благополучїя ты роду человѣческому у сердцу царскомѣ открыши можешь! — Ты си свимѣ намѣ и отѣ самаго Бога общомѣ быти дозволена, но коль нуждно, коль потребно, да су ти сердца властителей престолѣ твой! не прїймите Милостивыи Господине, едному разжалену сердцу ово за велерѣчїе, повѣсть моя садѣ ѣе васѣ увѣрити, колико самь я сожаленїя достойна! — Іа самь отѣ царске крови, и Царица! закона супруга Октавїана Імператора, и ово е сынѣ, и цвѣтѣ наше Взаймне у честномѣ браку любве! — На ове рѣчи ея воспряне салѣ

Князь

Князь духомЪ, и не сЪ малымЪ удивленїемЪ погледи на ню. АхЪ! ел' то могући за волю Божїю! Вы Октавїана Імператора супруга? — „Іа по нещастїю моемЪ, отговори она, и садЪ судите само, како е худо щастїе са мномЪ поступило!

СадЪ ЛютомирЪ (Князь) пожели о паденїю ея извѣститисе, кому она све пореду каже, како е имала свекрову, жену опаку, коя е на ню мерзила, како ю е кодЪ сына облагала, и потворила на ню да е бракЪ свой нарушила: каже како е Царь найпосле ню, сЪ двое мало у повитку дѣце, оттерао, говорећи по материнимЪ рѣчма, да дѣца егова нису: како е по пустыни сирота сЪ дѣцомЪ блудећи, едно дѣте изгубила, а друго како е у пещери кодЪ Левице нашла и узела: потомЪ како е сЪ путницы у Іерусалїмъ сЪ овымЪ еднымЪ дѣтетомЪ отишла и тамо се нѣколико годинЪ бавила и проча, као што е вамЪ моимЪ читателемЪ исперва и познано, а што їощь о повѣсти ея чули нисте, то слѣдуе. Она сказавши овако повѣсть свою, приведе княза и во умиленїе и у велико сожаленїе. ОнЪ абїе завѣща се ей, даће банове што скорїе себи пригласити, сЪ ними силе свое противЪ варваровЪ соединивЪ, Імператора, ако е їощь живЪ избавити, и сЪ нимЪ ю помирити. СотымЪ убо утѣшивЪ ю, и на обѣдЪ, оддаюћи ей свако, коя се царскому лицу и пристои почесть. На послѣдокЪ богато

то ю обдари и отпусти. Сынъ ю дома, гдѣ е обитавала отпрати и вратисе ко князу, кой му абїе и полкъ вручи, за пристойно налазећи, да онъ као сынъ гледи отца, кой е его съ матеромъ онако немилостива отбацїо, садъ отъ смерти избави, и сотымъ себи, и матери своей опеть отчее благоволенїе придобїе, да его за наслѣдника своего у царству призна.

Ібрахїмъ Великїй Везиръ между тымъ послао у Парїсъ искати, да му Султана поврате, обещаваюћи, да ће и онъ Імператора Римскогъ и младаго Рїттера невредиме Парїсцемъ послати. Но по нещастїю у исто време Султанъ у Парїсу умре. Ібрахїмъ ово разумѣвши, разярисе како истый рысъ, и пише писмо у Унгарїю на Хасанъ Пашу, да учини съ Унгары примиренїе, и похити што скорїе ему противъ Хрїстїановъ на помоћь.

Краль убо Францускїй разумѣвши, да е Імператоръ съ Флоренсомъ живъ, пише Лютомиру, и яви зато молећи его да гледи ове отъ Ібрахїма лѣпымъ начиномъ исходатайствовати. Князь садъ пише Ібрахїму у таборъ, и строжайше наложи му, да ако му ову двоицу послати неће, а оно да ихъ у животу и невредиме при себи, и у самомъ сраженїю, кому се већь обе стране готове, сохрани, иначе послужили щастїе, на кое се Хрїстїани твердо и уздаю, да одерже надъ нимъ побѣду; то за нихъ двоицу, не само ему нећеду

жи-

животъ опростити, но све до послѣдногъ смертноносному мечу подвергнути.

Сурови обаче Варваринъ, хотя да е доста и у тѣсноти быо, не слуша то, но Императора и Флоренса осуди на смерть! Али на срећу овыхъ отложи онъ на нѣко време, да потайно їощь еданъ путь пише у Парїсъ на царску дщерь Марцебїллу, и отнея управ' извѣстисе, ели истина, да имъ е Султанъ умрео; ако нїе, придода у писму, то мы можемо его у промѣну за Царя ихъ, и за сына Кралева (держали су Флоренса, да е Краля Францускогъ сынъ) и изыскати.

Добра Вїлхелмїна (бывша Марцебїлла) коя е већь за любезнымъ своимъ Флоренсомъ и у отчаянїе была пала и давно его оплакала, восхити се садъ радостїю, пакъ науми Везира преварити, сѣдне и напише Ібрахїму писмо, и строго му наложи, да чува ова два мужа, као двѣ зѣнице свое у глави, зашто Вели му, они су намъ едина надежда, да насъ Француси отпусте; ништи рече ты слушай Француже, да е мой отецъ умрео: но свободно шиль'ше вы ту двоицу за насъ у промѣну и. т. д. —

Везиръ се садъ бїе по памети, шшоће да чини! найпосле повѣруе, да е шако, и ову двоицу поштади.

Между тымъ и Хасанъ Паша отговори Везиру, да се у егову помоћь онъ не узда, но да гледи, ако себи путь у Асїю

сѣ

съ оружїемъ пробити неможе, да прави съ Хрїстїаны миръ буди на кой начинъ, да е и онъ съ Унгары тако заплетенъ, да незна їощь ни самъ какоће съ ними протьи, и, ш. д.

За све то време Октавїанъ и Флоренсъ у крайнемъ већь отчаянїю штоће найпосле отъ нихъ быти, чую да имъ се Хрїстїанске войске, а особито црногорцы приближаваю, обаче на каково имъ и то ушћшенїе, кадъ ихъ могу Варвари, при первомъ нападенїю Хрїстїанскомъ убити!

Благїй царь све бы младића тћшїо, да се небои, и све бы его увћцавао, да се само на промыслъ Божїй ослони, и Богу да се моли, пакъ ће све добро быти: а како бы му се испредъ очїю мало уклонїо, одма бы се слезами полїо, нїе ми за мене, говорећи у себи, я болћ нисамъ низаслужїо, їощь е ово за мене мало, него ми е вели, за кукавно ово дћте, гдћ тако младъ, и тако красенъ као еданъ цвћтъ садъ мора погинути! пак' нек' бы и то было, кадъ бы му вели поне на еданъ путъ главу опсћкли, но ако его проклетый родъ Варварскїй стане мучити! — ахъ! Всевыцнїй Боже! у горести возопїо бы, та шта е овай бћдный юноша согрћшїо, да се овако пати, и у ланцу жалостный свой конецъ ожидава и чека, ако самь ти я несрећникъ на свћту, согрћшїо! — Кассїе, Кассїе! често бы унываюћи рекао, света душа твоя! дал' ме садъ изъ оне вћчности

ности гледи, како ме правосудїе неба казни, ил' е їощь гдѣ сирота у животу! о кадъ бы си знала каково е мое раскаянїе, и каково ме садъ совѣсти гризенїе на сердцу пече, безъ сумнѣ ты бы си и са слезомъ изъ любезногъ твогъ ока мени опростила, но правосудїе Божїе, и моя совѣсть, нигда ми опростити не буде.

Онъ едно ютро, тек' што есе сунце родило, пробудисе и устане; погледи на своего любимца, како му лѣпо и безбрижно, као дѣте спава; и како му е невинна его кровь оруменила гладке его образе: любезно мое дѣте! умилѣнъ рекне, милуюћи его по образы, како сладко спаваш као даси кодъ куће свое; и мирне совѣсти сущь, безъ свакогъ терзанїя ты си онай мой златный крестъ! Ахъ хоћели откудъ насъ Богъ помиловати: о Боже, вели избави ми само его, а са мномъ чини по твоей вольи! На то младићъ се пробуди. „Но сыне, рекне му мож' се опомѣнути штоси снїо? — Ништ' на свѣту Ваше Величество! отвѣща младићъ.“ — А послушай, приложи Монархъ, што самь я снїо: найдемъ се съ тобомъ у нѣкой прекрасной шуми, ведаръ дань и време лѣпо: на еданпутъ двигнусе нѣкїи облацы, солнце потавни, дуне вѣтаръ, и постане такова олуя, да и найвеће около насъ растове изъ корена на землю поваля! у исто време тако страшно загерми и молнїе сѣваши почну, да се сва зе-

мля

мля подъ нами запресе! я страхомъ пронутъ ухватимъ тебе за руку, и избѣгнемъ съ тобомъ на едну поляну, да насъ у шуми олуїомъ кершећасе древа не умлаше: ты пао мени на перси и плачешь, я пѣшећи те плачемъ и самъ, и молимъ се Богу. То не потрае долго разведри намъ се, и прекрасно появисе солнце, и велика на небу дуга! Кадъ ал' на еданпутъ представи ми се на воздуху спрамъ насъ еданъ зеленъ вѣнецъ, и два злашна креста! Крестови су тако лѣпо угладьени, и тако се блистали, да самъ се на нихъ како годь на огледалу видѣти могао! — „То е лѣпъ санъ рекне юноша, по свой прилицы вели, Ваше Величество имаће радость нѣку! Вѣнецъ и златни крестови то е добро! — И я тако толкуемъ, приложи Монархъ, но као да по нѣкомъ претерпѣнїю и страху слѣдоваће намъ нешто добро: зашто гермлявина, олуя, и молнїе есть нѣко предсказанїе страха. Найпосле шта да Богъ, само кадъ бы се поне на тебе смиловао, и тебе тако млада избавїо, а за мене што му драго, я толико и немаримъ живити, а и за кога да и живимъ!

Они овако подъ шаторомъ сѣтующи ето ти имъ едногъ здравогъ турчина повисокъ и младъ человѣкъ; у лицу бѣо и руменъ као ружица: бркови му церни и великїи; очи му исподъ великихъ и смедьихъ обрвъ, мало граорасте: и одѣло на немъ

оп-

отмѣно, особито великїй зеленъ, кафтанъ, у кой се завїо до главе бяше! Проговори овымъ турски, и видѣѣи да его не разумѣю, окрене гречески, кои су езыкъ ови обоица понешта разумѣвали. Посѣдивши мало скине кафтанъ исподъ коего му се засвѣтли оружїе: долгїй мечь за поясомъ, и еданъ великїй буздованъ. Извади мечь изъ кориць и гледи его, пакъ почне нешто турски самъ са собомъ говорити. Младиѣь тронутъ повуче свое вѣѣъ у слези красне очи на Царя „Ваше Величество рекне, штаѣе то садь быти?“ Ахъ сыне! шта да Богъ вели, но немой ме више тако тїтулирати: прошло е вѣѣь мене величество мое, зови ме паче отцемъ, као што и я тебе сыномъ. То изрекши простре му руке около врата и зацѣнисе плакати! Ісмаилъ (истый турчинъ) окренесе отъ нихъ, и замымлень ниспусти главу къ земльи, поѣути мамало, и гречески опеть проговори: о судбо! штали си вѣѣь заключила! сотымъ окренесе паки овимъ, кои садь не съ малымъ удивленїемъ виде му очи наводнене: съ Богомъ вели, пруживши имъ руку съ Богомъ опешь ѣемосе видѣти то рекне и изыде.

Отецъ! проговори, юноша шта е то? тай человѣкъ, као да нѣко участїе наше туге узыма! онъ е благъ! „И я дѣте мое, то примѣчавамъ, но незнамъ шта е, я-самь готовъ было предъ него клекнути, и моли-

молити, ако заповѣсть има, да насъ губи, найпре мени да главу узме, но оде.

Кадъ после полдне, ето ти имъ дойду стражу измѣниши. Виде ови, да еданъ Ага све Хрїстїане, до едно 400. коису такодьеръ зароблѣни были, даде нѣкудъ подъ стражомъ оправити, а онъ се ту при овой стражи заустави; виде да имъ и стражу много крѣпчїю отъ перве садь нареде: кадъ ал'-ту и онай истый Ісмаилъ! говори нешто съ Агомъ Турски, а часъ, као да нешто Агу моли, часъ пакъ, као да се съ нимъ и инати: слушаю ихъ, и мучесе, што ихъ ништа разумѣти не могу развѣ то едно почесто имъ изъ устъ излети: Марцебїлла! Они овако по доволномъ измежду себе кошканю, примиресе, и уиду обоица у шаторъ, но чуда садь! Ісмаилъ тако почне на ову двоицу попреко гледати и намргодьенъ на нихъ, тако поведе сердито съ Агомъ разговоръ, да бы рекао опеть се свадьаю. Сотымъ сагнесе и прегледи, како овымъ гвождьа на ногу стое, и пропипа ихъ да нейма кой при себи каково оружїе. „Е! їолдашъ ейвала! рекне Ага овому, и оде. Изыде за нимъ и Ісмаилъ, они продолже мало разговоръ, и предъ шапоромъ, пакъ оду, а стража остане.

Кадъ предъ саму ноћъ ето ти имъ опеть Ісмаиля, на еданпутъ, и у нѣкомъ смущенїю рупи на врата, сбацы са себе кафшанъ, у кой е к'о и найпре завїенъ

быо,

быо, и три гердна меча спусти на землю, пакЪ претерчи сЪ еднымЪ ключиħемЪ кЪ ногама овыхЪ „O quam beata pro me hora haec! о коль щастливЪ за мене часЪ овай! то рекши погрузисе у слезе, и отвори на овымЪ гвождьа и на ногу и на руку.“ Тко си намЪ ты о любезный? упыта Царь! смѣмо ли се вели, на твое избавленїе поуздати, ил' ħе насЪ противна судба какова срѣсти? На кое онЪ гречески: задерж' те само вели, гвождьа тако отворена на себи, и ево вамЪ по еданЪ мечь (склонивши имЪ оба меча подЪ ħилимЪ на комЪ сѣде) пакЪ ħутите и чекайте на желаемый часъ! — СотымЪ изыде мало, но неспокоянЪ часЪ на полье, часъ унутарЪ, докле ти имЪ на еданЪ путЪ нѣкїй на полю жуборЪ не чусе! найпре поиздалека, а потомЪ и стража узавре! и за тилый часъ загрми у цѣломЪ табору оружїе, буна и вика людїй, ержанье и топотЪ коней, да се и земля потресе. При овомЪ Ага сЪ поля кЪ шатору бездуше шерчеħи, станесе дерати „цареве! цареве Гьаурске овамо! — ІсмаилЪ на то утерчи подЪ шаторЪ, раскорачисе юначки на враты и затегне мечемЪ, пакЪ чека. Стража се предЪ шаторомЪ измедьу себе почне туħи, едни нагну у нутарь другїй ихЪ оттурую, и не даду. Медьу тимЪ дотерчи и Ага, кой као смущенЪ полети сердитЪ унутарь, но чимЪ онЪ преко прага, а овай ти намЪ га мечемЪ по звѣзди, тако да ни медетЪ. нїе имао кадЪ изреħи, свалисе на землю

Садь окренесе кЪ овой двоицы, и повиче имЪ Француски „царю! Флоренсе! хитро на варваре не бойпесе ништа! Ови спресу гвождье са себе, пакЪ за нимЪ изЪ шапора; нихЪ троица као три Нумiдiска лева, рекао бы да свакiй и по три сердца у себи има, запуцаю тако живо путь себи сквозЪ варваре кр'чити, да стои цака мечевЪ, отЪ коихЪ варнице, какогодЪ отЪ врела гвождьа отлепьу! отЪ тешке вике варваровЪ едвасе чути могаше IсмаилЪ кой непрестано на ову двоицу викаше " само за мномЪ! и не бойпесе ништа! и тако ти намЪ оттискующи се отЪ турске силе искошкаюсе на едну поляну, мѢсто збогЪ простора, кое му се сва сила садь турска устреми, за ове погибелно! и овдѢ бы имЪ безЪ сумнье свимЪ троицы садь и гробь био, да бы су и десетЪ кратЪ онако храбри были, но на срећу ихЪ, по наређенiю пре тога Iсмаилову, НенадЪ сЪ еднымЪ полкомЪ, самыхЪ кониковЪ, исподЪ шуме, гдѢсу у потаи были, у еданпуть исперче на то полье, и хитро на два се крила разшире, да ове окруже; варвари у истый ма сами пѢшацы ту видѢћи да имЪ коняницы iоць не приспѢваю, уплашесе и нагну бѢгати. СотымЪ церногорцы ове окруже и при имЪ коня осѢдлана и со цитовы абiе поднесу, на кое овы садь усѢдну. За име Божiе! повиче уплашенЪ НенадЪ, остадоспе ли живи? IсмаилЪ погледи на ове „не-

бойтесе ови отговоре, мысмо безъ вреда, помало окрзнуши, ал' то ништа! — ал' Господине! штасте чинили, упыша Ненадъ, та ниспели вы мени рекли, да васъ онамо чекамъ? — " Не пытай сад ништа, отговори Исмаилъ но хвала Богу, кой те е умудрїо, те си съ людма овамо похитїо: зарь есе то могло кудъ самъ я хтѣо! Но есул' вели, тамо вѣчь наши? Безъ сумнье, отвѣца Ненадъ, да су тамо, зашто су при самомъ захожденїю солнца тамо отишли, и моралису се вѣчь и ударити, за то турака овдѣ много тако и нейма. Исмаилъ се окрене къ войникомъ „како полку тако и нѣкимъ подъ чалмами, кои су пакодьерь съ нимъ у турскихъ хальинахъ до шатора ишли. Любезнїи мои Церногорцы! рекне имъ, ваше е дѣло похвално, и мое сердце вѣчу благодарность вамъ садь чувствуе, нежел' бы ю я вамъ рѣчми изговорити могао. Іа у момъ живопту више отъ Бога не желимъ, него што ми е данась дао! овай дань, и овай часъ за мене е часъ тэржественѣищїй. Іа се войстину приложи, надао нисамь, даѣмо овамо срећно и весма съ маломъ штетомъ нашомъ дѣло произвести. Ненаде браше, вели, я садь люде мое опеть прїймамъ и идемъ благодѣтелному моему отцу, идемъ му пасти на отечесiе его перси, и слезами моими да му ихъ оросимъ, пакъ нек' бы шаки погинуо не бранимъ; а шы узми ову господу и управъ съ ними у Требинь у Господиновъ дворъ иди.

Тек' што онъ ово говори, ето имъ и курїра, отъ княза послатогъ, кой имъ, каже, да акосу Царя и Флоренса избавили врашесе дома на свою позїцїю; и Царя одведу у дворъ его, да су се Турцы узбили далеко, и да се онъ безъ согласїя другихъ бановъ за ними самъ упущаши неће, но да се врашьа дома а воинствоће вели, цѣлу ноћъ тамо путоваши, докле опеть на свое границе не приспѣ. На вопросъ овыхъ каже имъ Курїръ, да е се князь съ непрїятельи на едномъ крилу ударїо био, но како су видѣли варвари, да съ Люпицомъ (и овако су княза због его строгости звали) на край изыши не могу, узбїюсе подъ планину и поищу примиренїе; говори се, приложи Курїръ, да е и самъ Ібрахїмъ ранѣнъ, зашосу Турцы назадъ и тергли, но їощь незнасе за цѣло. Сошимъ овай оде и Леонъ подъ именемъ Исмаилъ съ полкомъ врашисе у Требинь градъ, у комъ е нашь князъ у исто време због нападенїя Турског пребывао, иначе сѣдїо е онъ обично у Липовцу нѣкомъ маломъ граду у церной гори.

Предъ саму зору Леонъ опеть Ненада съ воинствомъ отпусти на перве позїцїе гдѣ имъ е и стояло, а онъ съ *Царемъ Флоренсомъ* и їощь съ нѣколико отмѣныхъ лицъ предъ само полдне приспѣ у градъ. Дошедши у дворъ не застане їощь княза. Ово Леона мало оскорби судећи, да е већь могао дойши, и нейма его!

 Дворе-

Двореправитель сЪ прочими гледи, чудисе и смѣесе Леону, да нитко живи ни у полподне не бы его познати могао, што турчинЪ, отЪ главе до ногу: а турски говори пустый, као да е се у Анаѳолїи родїо. Дедте вы пожур'тесе за обѣдЪ рекне му ЛеонЪ, заштоѣе садь намЪ и ГосподинЪ дойти и безЪ сумнье вели сЪ гостима, пакЪ ме после-гледайте и смѣйтесе. „Ала Господине приложе дворяни, немойтесе свлачити, докле намЪ и ГосподинЪ не дойдье.“ ГосподинЪ ме е отговори, овай юче и обукао. СотымЪ скочи сЪ коня и претерчи кЪ Царю, сїиду се убо и сви пойду у дворЪ. „Любезный мой, исподЪ руке сЪ ЛеономЪ, проговори Царь, я тай езыкЪ не разумѣвамЪ, а верло самь слабЪ и ГрекЪ, но акосе не варамЪ вели, вы знате и латїнски. На кое ЛеонЪ такодьерЪ гречески, но чисто Ваше Величество! вели имайте само стерпѣнїе, садь ѣе намЪ и старый ГосподинЪ дойти, пакЪ ѣемосе о свемЪ пространно наразговарати. Уиду убо у дворЪ и Леону донесу абїе хальине его, онЪ оттерчи у другу собу, свуче турске хальине, скине претворне бркове и обуче свое, и тако покажесе Октавїану и прочимЪ: был' ме садЪ познали? рекне имЪ. ОктавїанЪ и ФлоренсЪ, гледе на него: юноша совершенѣйше красоте, младЪ као капля, и Флоренсу у свемЪ, не само подобенЪ, но са свимЪ равенЪ као да е тко едну ябуку разсѣкао. ОктавїанЪ

сЪ

съ удивленїемъ садь, то на едногъ то на другогъ погледи: о любезнїи мои рекне имъ, шко не бы рекао дасте ви братья! Садь Октавїанъ и Флоренсъ чувствителнѣйше почну ему предъ свими присутствующими благодарити: добродѣтелный обаче младиѣъ ни изговорити имъ не допусти, но машисе Царю за руку цѣлуе ю, пакъ се окрене и загерли Флоренса: любезный мой: высте вели, Кральевъ сынъ, а и мене Князъ какогодь свогъ родьеногъ сына, держи; бытиѣемо убо отъ садь братїя, то рекне поцѣлуесе и съ нимъ и одѐ, съ обѣщанїемъ даѣе се таки вратити.

Онъ изыде а ето ти имъ и Княза, кому юноша радостенъ припперчи, падне му на перси, и съ плачемъ возблагодари му, што му е отца послао избавити. На пытанье Княза каже све у крашко, како е было. Князь радостїю садь возхищенъ пойде у дворъ, а Леону рекне, да иде абїе Машери, и яви, да су вечь Октавїана избавили, и довели, но да се ни мало не устручава съ нимъ дойти му на обѣдъ. Сотымъ униде у дворъ, коего Имперашторъ и Флоренсъ съ благодарнымъ почитанїемъ предусретну. Князъ ихъ съ добро сте ми дошли поздравивъ, любезно се съ ними цѣлуе и понуди ихъ сѣсти. „Радуемсе вамъ, весео рекне имъ, любезна Господо моя, и благодаримъ Богу, што васъ данась у момъ дому видимъ!“ Свѣтлый Князъ! прихвати Октавїанъ, и свойстве-

но

но е благодѣтелному сердцу за добро дѣло радоватисе, вы стесе за насъ воистину много жертвовали, высте насъ у крайнемъ нашемъ отчаянїо, сваке надежде лишене суще, ово и сами ово пакъ и посредствомъ Любезнаго вашего сына, изъ узовъ непрїятелскихъ, или паче рећи већъ исподъ смертоносна меча, исхитили, и ево насъ избавили, за кое мы вамъ ни вовѣки доволно возблагодарити нећемо моћи, но остаемо вамъ свагда обвезани съ колико и свакъ за свой животъ себе обвезанымъ признати може! Не бы самь вамъ желїо приложи далѣ, да кадгодь любезный Господине у нужди гдѣ вашой прилику добїемъ мою услугу вамъ показати, Богъ да васъ свагда обгради миромъ, и света воля его васъ съ любезнымъ народомъ вашимъ у благоцвѣтущемъ состоянїю у вѣкъ содержи; обаче буди бы се кадъ по неиспытаемымъ судбамъ Божїимъ догодити могло, да ме успотребуете, дайте ми Господине ту честь и прилику, да вамъ освѣдочимъ колику благодарность мое много уцвѣльено до данась сердце, за ово избавленїе чувствуе! Нисамь я сладкїй Господине, настави рѣчь, за мене већь ни марїо, я у раскаянїю за мое преступленїе омразїосамь и на себе и на животъ мой, и признавши да ме већъ небо по правди казни, штасамь и могао марити! почувствоваосамъ паче у сердцу, даћеми патня моя гризенїю совѣсти мое нешто олакшати:

шапи: но за ово ми е дѣте жао было, да онъ младъ овако и невинъ погине! Онъ е вашъ сынъ? Ахъ! Господине камо та срећа за мене! мое сердце его тако и называ обаче! — При овомъ ударе му сузе. Дао ми е био Богъ, вели бришући очи, ал' нїе имао кому.

Сотымъ убо проповѣди повѣсть свою князу како е онъ отъ матере преваренъ био, и свою супругу кою садь свими на свѣту похвалами превозносаше съ двое дѣце мушке отъ себе у свѣтъ оттерао, и како отъ оно доба нигдѣ за ню кудъ есе сирота съ неякомъ дѣцомъ дѣла, ништ' на свѣту чути нїе могао. Князъ его внимателно саслушавши и колико е онъ за погрѣшку свою у раскаянїе већь дошао искусивши, радовацесе у себи и едва чекаше торжественый часъ блажене едне сцене, при коейће се обоихъ невиность садь открыти, и сотымъ опеть два она любезна сердца соединити, коя е пакостна лажь на толике године немилостиво растабила и едно отъ другогъ онолико удаљила была.

Любезный Господине! ухвативши его князь за руку, рекне, я васъ сожалуемъ! Ваша повѣсть у чудно нѣко расположенїе сердце мое бацы: но молимъ естел' се Вы полно о невиности ея увѣрили, и ел' Вамъ управ' доказано и засвѣдочено, да су оно ваша дѣца была? о добрый мой Господине! Возопи Царь, та нарочито мою тугу

то

што и увеличава, шшо ми е доказана непорочность ея, и сотымъ освѣдочено, да су дѣца моя: ахъ! я нещастный, начудисе не могу моему поступку! — окаянна маши моя, да ме поне у ономъ заблужденїю и остави, у кое ме е бацыла была, я бы мою жалость много лакше сносіо, но Богъ нек' ей суди при грозной вѣчь смерши своей исповѣди духовнику, кой ю принуди, да мора и мени исповѣдиши и искаши опроценїе. Зовне ме убо и каже ми, како е она мене преварила, и бѣду на мою супругу бацыла: каже ми несрећница за ню, да е была она мени вѣрнѣйша, и да су дѣца моя была, но да ю она нїе могла изъ нѣке антїпатїе терпѣши, и: ш: д: — Богъ с ню и у животу їощь казнїо, она е претерпѣла муке, шшо на свѣшу друга ея претерпѣла нїе! Найпосле Господине! отъ тешкогъ терзанїя совѣсти полуди и побѣсни, да смо ю морали и у ланце везаши! отъ тешке муке сва бы запенушила, пакъ бы на себи живой зубы месо кидала! — по часъ и по два шако мучећисе, опеть бы дошла мало къ себи и онако узвѣрена подвигла бы свое ужасне, као какова фурїа очи къ небу. и у мѣсто съ раскаянїемъ къ Богу возопиши, окренула бы на него ропташи: престани окаянна грѣшнице! повыкао бысамь у сожалѣнїю на ню, престани вѣчь еданпушъ отъ зла и обрашисе женска главо на покаянїе, не был' се велимъ

ей,

ей, БогЪ смиловао, да те прїйми чудо вище едно и уклоните сЪ овога свѣта, да негледимЪ више очима паклену фурїю, а на другомЪ како ти буде, и безЪ сумнье быће ти како си заслужила! и Господине Милостивый приложи Царь, док' самь живЪ неће ми изЪ главе изыћи моћи оно ужаса преисполнено мученїе ея! ахЪ та у мозгу ми е већь пропиштала была, и докле се годь брате не раская и духовнику и мени богомерско дѣло свое неисказа и не исповѣди не можесе бѣдна никако сЪ душомЪ растати! Какоће убо ей на другомЪ свѣту быти, онасе зна! — Іа убо учинимЪ должность мою и дамЪ ю погребсти. Она се већь сЪ овогЪ свѣта уклони а штоћу я їощь дочекати не знамЪ. — БогЪ да намЪ ю опрости рекне князь.

Но за волю Божїю распытайте Вы їощь за свою супругу, не был' БогЪ дао да ю гдѣ живу чуете, пакЪ велимЪ да ю прїймите и отЪ нея опрощенїе поищете, то е едно любезный Господине и Царю мой средство, коимЪ бы сте вы совѣсть свою успокоили. — „Е мой Господине! кадЪ бы я за ню чуо, я бы предЪ ню као мало дѣте клекао, я бы самь се предЪ нею савЪ и у слезе пролїо я бы ей престолЪ и скѵптрЪ мой уступїо, само да бы изЪ устЪ ея чути могао: я теби пращамЪ! но гдѣ ю сироту и тражити знамЪ? Разумѣо самь быо, да е у Іерусалїму, шиляосамь, нейма

ма е; рекоше ми, да е у Смрну чакъ прешла, пошлемъ и тамо: была и нейма е! Садь гдѣ ю знамъ я у пространомъ свѣту више и пражити? Она е морала Господине вѣнь и скончаписе ахъ! невинна жертво пакостне клевете! или паче безумне мое напрасности о Кассїе мила моя Кассїе! — Сопымъ паки погрузи се у плачь, князъ гледи смислено на него и їощь ништъ о ней не проговара онъ опетъ: бѣдный яо на свѣту паче сыновъ человѣческихъ бѣднѣйшїй человѣкъ! — И чудо Господине, придода да се и давно вѣнь от превелике туге мое и самъ скончао нисамь! Но оставимо све, нїе ползе ядиковати; горе ми їощь пада кадъ бѣду мою споменемъ' — Но кудъ Вамъ сынъ оде Господине? Я му їощь доволно ни благодарїо нисамь. О Господине! (не чекаюћи отговора) имате сына, као едногъ сокола, благо вамъ съ нимъ, ако его и нисте родили: и Іа бы самь овогъ (за Флоренса) присвоити желїо, и быо бы ми у саданьемъ момъ состоянїю утѣшенїе мое, обаче не знамъ былъ его краль отъ себе и отпустїо, зашто и онъ его весма люби: а сыне! шта велишь? буди мой сынъ! Младићь на то нѣжно погледи на него „ Ваше величество вели, кадъ е само насъ Богъ изъ рукъ варварскихъ избавїо, за прочећемо све лако и съ колико бысте вы нѣко, како велите у томъ утѣшенїе себи нашли, да имате сына, съ толико и я два кратъ мени, да имамъ

отца, но найпре дозвол'те ми да себе достойнымЪ ВашымЪ се СыномЪ назвати учинимЪ. Нато и Князь прехвативЪ рѣчь, на вопросЪ царевЪ отговори: СынЪ ѣе мой вели, таки дойти и онЪ е мени заисто лѣпо испословао дѣло, но вы му неймаше зашто благодарити, онЪ е само должность свою учинїо; но сошымЪ се їощь нїе ВамЪ отдолжїо. — Е мой Господине, возрази Царь, каковый бы долгЪ его кЪ мени и обвезывао, развѣ — знаѣете царю и Господине мой, пресѣкши му рѣчь и КнязЪ отговори му, знашиѣете и выѣете вашу судбу текЪ по претерпѣнїю ВашемЪ отЪ садь текЪ ублажавати. — О любезныи мой! изчезло е вѣнь за мене блаженство мое, само да ми БогЪ да лѣпу смерть! — Смерть е любезный Господине всеобщее наше жребїе, кое насЬ мимоиши и не може, и зависи отЪ оногЪ, кой намЪ е и животЪ даровао; БогЪ самЪ зна, кадЪ ѣе ю намЪ послати, мы о томЪ не треба, да се бринемо и скорїе ю намЪ захтѣвамо; зашто сотымЪ показуемо, дасмо за животЪ нашь, ако намЪ е у чемЪ неугоденЪ, Богу неблагодарнїи, а онЪ е намЪ као отецЪ милостивЪ; онЪ ако кадЪ насЬ за исправленїе наше и покара, опеть насЬ милости свое не исключава: благо оному, коего БогЪ по претерпѣнїю каковомЪ помилуе, и утѣши, а у отношенїю на наше страсти, нуждно е намЪ да што у животу и претерпимо. Терпѣнїе насЬ

у

у лѣпо чувство доводи, терпѣнїе насъ смирява, страсти наше у намъ гаси да се намъ яко не осиляваю, и насъ преко предѣла, разумомъ намъ положена, не изведу и не исхите; зашто свойствене су Господине человѣку страсти, и мы у благополучїю нашемъ овымъ угождаваюћи, више путїй тако чувства наша затупимо, да найпосле ни при сваком изобилїю задоволни нисмо, а кадъ насъ Богъ у чемъ зашто покара, топеръ воспрянемо духомъ, дойдемо мало къ себи, и онда наново ощутимо сладость нашего на земли благополучїя.

Они овако разговараюсе, ал' ето ти имъ Леона, приступи ко Князу и преда му едно писмо, кое Князъ оттвори и читаюћи его смѣшисе: но хвала Богу! прочитавши рекне, имаћемо вели їощь едногъ доброгъ госта. Сотымъ истерчи на полье. По нѣколико магновенїй ето ти его у собу, съ еднымъ подъ бѣломъ брадомъ турчиномъ, и съ два Француза. Турчинъ съ врата їощь у восхищенїю полети къ Флоренсу „сыне сладкїй, мое ярко сунце! есил' ми живъ остао? Флоренсъ воспряне духомъ и познавши его радостанъ полети му съ разширены руку: Отецъ! любезный мой отець! сотымъ еданъ другому падне около врата и занѣме! Ахъ любезно мое дѣте, отечески люблећи его Клеменсъ сквозъ плачь едва проговори, радости моя, коїомъ ми се серд-

це

де садь прелива, шы си намЪ живЪ! я ше видимЪ я ше ево герлимЪ, я ше садь радостнными поливамЪ слезами: лїйше садь очи мое слезе, оне су мени паче меда садь сладье, но коликосмо и горкихЪ за шобомЪ пролили! Вїлхелмина сироша отЪ бриге мал' и не полуди, док' нисмо разумѢли, да спіе живи, буди и у робсшву! „Ваше величесшво! окренувши се и ко Имперашо-ру: БлагословенЪ БогЪ нашЪ, коего су мановенїемЪ, шысяще около васЪ падале а васЪ е невредиме изЪ погибели спасао: сладкїй Господине! присшупивши и ко Кня-зу — сердце мое радосшїю садь разсла-блено, васЪ као виновника за свою радосшь обожава! Іасамь ваша сїяшелсшва и Госпо-до моя Милосшива ове Хальине, као шшо' ме видише на себе обукао и овамо управ у шурскїй шаборЪ похишїо, да сына и Ца-ря моего избавимЪ! — Како бы ми щасшїе у шомЪ послужило, и были ми по момЪ плану дѢло изышло не знамЪ! но Богу хвала, ваша свѢшлосшь са своимЪ сыномЪ мене у шомЪ предвари, о комЪ се више садь радуемЪ, нежели ми и сердце мое сносиши може: ево сыне имашь и писмо оШЪ Вїлхелмине швое! МладиѢь се на но-во восхиши, прїими писмо и чишиюѢи его приключивЪ его кЪ сердцу, поцѢлуе его и нѢколико пушїй сЪ наводненыма очима и склони его у нѢдра.

Садь сшарый изыде у другу собу и преобучесе у свое обичне хальине. Не мало

удиви-

удивисе Князь кадЪ му поче сЪ Леономъ турски говорити. Они медьу прочимЪ преповѢде еданЪ другому, како су тай езыкЪ обоица у Асїи научили. На то уни-де и двороправитель и нешто Князу рече, кое Князь сЪ негодованїемЪ прїймивши савЪ поцервени, и полети на полье. КлеменсЪ ово примѢтивЪ: тай ГосподинЪ вели мора быти лютЪ человѢкЪ! ІмператорЪ се насмѢе, погледай му рече на младье, и редЪ у дому пакЪ ћешь знати: но и кумЪ му е приложи лѢпо име дао: *Лютыца* (acer, acris). Между тымЪ КлеменсЪ на пытанье, Царю проповѢдаюћи како е по Парїсу; врати имЪ се КнязЪ у собу, и оттвори двокрилна у велику салу врата: Господо моя, рекне прочимЪ извол'те овамо, обѢдЪ е већь на столу, очекиваосамь придода їощь на едногЪ госша но изневѢри ме, кое ме е мало и разсердило, ал' ништа у едну руку и волимЪ, само да ми се нїе предЪ обѢдЪ догодило! зашто кадЪ се налюшимЪ, више вамЪ емЪ, пакЪ више и пити моремЪ, зато тешко оному гостy, кой се садь са номЪ не уздержи! вїно е Мостарско не може лѢпше быти. ОктавїанЪ смѢшећисе садь погледи на Клеменса, кой едно на громкїй гласЪ Князa тронутЪ, а друго гдѢ овай їощь садь сЪ питьемЪ претити поче, бяшесе мало намергодїо. Князь то смотри, и погледи на Імператора, пакЪ на старца: право! повиче, а можел' вели овай нашЪ старый

кою

кою чашицу и повише скрунити? но добрый мой старино! за насЪ у годинахЪ люде мало више влаге и треба, бышићемо убо весели, овай е данЪ за насЪ сугубо данась торжественЪ.

СотымЪ Октавїана у горнье чело проведе и прочу ту Господу, по чину и достоинству редомЪ посади, а самЪ у дну софре узме себи мѣсто, менићете вели добрїи мои гости, као газди овдѣ дозволиши. Садь младьи лѣпо обучени окруже ихЪ двориши: поверве ела прекрасна отЪ коихЪ имЪ и весь дворЪ замириши. Любезнїи мои гости! рекне имЪ князь, кой апетитЪ добарЪ нейма, садь нек' погледи на мене пакЪ нек' се маша за оно што му сердце ишше; испочетка обѣда я обичай неймамЪ говориши, но само емЪ! а кадЪ станемо пити, яћу се сЪ моимЪ стариномЪ клипка повући, бокалЪ му, бокалЪ ми! КлеменсЪ погледи на Императора, пакЪ на князa и мане главомЪ, мислећи у себи, какоће се онЪ моћи сЪ таковомЪ людомЪ надпїяти, видећи его нешто и младьегЪ и два путь отЪ себе крупнїегЪ! А кадЪ повервише около стола вмѣсто чаша отЪ бѣлаго порцолана позамашни бокали и загрме отЪ руке до руке взаймне здравице, найде ти намЪ се нашЪ КлеменсЪ у чуду! Князь мужь якїй, изпразни бокалЪ, пакЪ убрисавши бркЪ, стане и друге нудити да пїю- КлеменсЪ хотя спочетка и за шалу держаше, да се

што

то мора напїяти, садь стане се мешколиши, какоће онЪ здравицу, поликїй бокалЪ, испити. „Адчо! повиче му князь смѣшећисе, та што си се смерзао момче, те непїешь!“ — СвѢтлый князь! да васЪ БогЪ живи! нагне боқалЪ и укочи очи у таванЪ, попаде га и зной док' испи „Право! садь си правый Адчїя! є, садь намЪ проповѢди како си у Іерусалїмъ путовао, колико си се тамо бавїо, шта си видѢо, како лиси се вратїо и проча, кажи намЪ укратко повѢсть твою. КлеменсЪ на то готовЪ, воли него силомЪ пиши, поведе убо проповѢдати. КнязЪ сЪ прочими при столу слушаюћи его едва чекаше, да му и возвращенїе свое изЪ Іерусалїма опише, у комЪ кадЪ дойде до моря, гдѢ ће се у отечество свое превести, князь повыче: но! то да намЪ лѢпо искажешь! „Хоћу Господине, ахЪ ту самь быо срећанЪ! ту самь вамЪ добыо сына (показавши рукомЪ на Флоренса) любезно мое зарь и за оне труде мое у свепа мѢста ошЪ Бога награжденїе! душа е моя їощь онда предчувствовала, да ће ми срећьанЪ и великїй мужь быти. Люди нѢкїи, кое я по внѢшнѢмЪ виду осудимЪ за разбойнике, како што е се попомЪ и освѢдочило, носе младенца повїена и нуде ту нѢке терговце, да его купе, но у погодби не могу да се седнаю. ЧуемЪ гдѢ они на укоренїе овыхЪ да су исто дѢте они гдѢ ни будь украли, изговараюсе, да

нїе

нïе истина, да су е́го украли́, но да су га отъ едногъ Господина у шуми оптели, и да имъ е истый Господинъ казывао, да е дѣте случайно у шуми оной, бывшу му у лову, плакати чуо, на кой плачь, да е обоо коня и изышао на едну поляну, кадъ тамо ал' еданъ великïй Маймунъ спустïо дѣте на землю, пакъ му развïо повой и играсе съ нимъ! да е Господинъ таки *человѣколюбïемъ* тронутъ, залетïосе съ конемъ, и мечемъ уруцы на маймуна: да е Маймунъ внезапнымъ овымъ нападенïемъ уплашïосе и отступïо мало отъ дѣтета; да е Господинъ скочïо съ коня, повïо дѣте опеть у чисте отъ бѣле свиле пеленице и повоемъ такожде отъ свиле цервене єго умотао, подъ пазуо узео, и попеосе на коня да иде; но да е Маймунъ повратившисе мало къ себи устремïосе садь за истымъ Господиномъ, коего стигне и мал' его съ коня нïе свалïо. Но да е овай храбрый мужь затегао мечемъ и Маймуна жицъ! по полъ главе и да е тако спасао дѣте: и шек' што е онъ съ дѣтетомъ къ оной страни, кудъ су му младьи, троица ихъ напредъ отишли были пошао, да су ови изышли предъ нихъ! коихъ числомъ да е много више было, Господина забуне тако, да мал' нïе и главу му изгубïо. Но да и они видећи да имъ нѣколико мертвыхъ падне, и да они съ таковымъ юнакомъ неће на край изыти, поишту само дѣте говорећи му, да е онъ

дѣте испо гдѣ украо, да е овай имъ казывао, како е дѣте отъ Маймуна оттео говорећи имъ: ето на ономъ мѣсту најшићете вели по глави рассѣчена мертва Маймуна! Најпосле видѣћи, да се ови еднако за дѣте упрли и его не пущаю, да е принужденъ био дати имъ его. Ови садь узму дѣте, и не знаюћи штоће съ нимъ у пустыни чинити, дѣте сирото гладно плаче, побоесе да се на гласъ его шу не открыю, а неймаю кому, да его даду, пойду къ брегу морскому, да его шу терговцемъ морскимъ продаду и да шек' што су пошли, нагазе на истогъ Маймуна убїена. Сотымъ увѣресе да имъ е онай Господинъ право казао, да онъ дѣте нїе украо, но отъ звѣра оттео, и сожалую што су му его оттели. Донесу убо его на брегъ, и я шу сослушавши отъ нихъ повѣсть ову, кою они другимъ шу искажу и видѣвши да се не могу за дѣте да погоде, приступимъ имъ и плашимъ имъ, на колико најпосле престаше и дѣше узмемъ, кое како видимъ, шако его Господо моя возлюбимъ, какогодъ да е отъ собствене мое крови. Најдемъ му убо едну жену за дојкиню, и доведемъ ю у Парїсъ. Дамъ дѣте крестити, судећи Богъ вѣсть, ели светымъ мѵромъ и помазано и притаимъ, да самь его купїо, и онъ до скора нїе се увѣрити могао, да нїе мой рожденый сынъ, но я его нигда нисамь отъ моего единца ни лючїо; онъ е

и

и мени и моїой свагда на нашемъ сердцу съ Клаудїемъ лежао.

Добрый Князь съ прочими сослушавши цѣлу повѣсть ову, у таково умиленїе дойде, да му се и очи наводне. „Богъ да намъ его поживи, узавши свакїй свой бокалиħь загерми около стола здравица и три Младиħа, као ангели почну појати. Князь при томъ устане и изыде на полье, гдѣсе мало и позабави. Октавїанъ у горнемъ челу сѣдеħи, поведе садь съ Клеменсомъ шалу: кому между прочимъ и то рекне, даħе Флоренсъ его оставипи, и да есе обѣщао ему за сына. “ Ваше величество, отговори старый їоцъ може мене Богъ и сотымъ помиловати: онъ може быти и вашъ сынъ, но опеть за то не бы престао и моимъ се звати.

На то и Князь имъ униде, али нешто смуħенъ на лицу и очи му мало као цервене. Ови погледе на него и мало трону-пи сви се утишаю. Князь внимателно бацы очи на Імператора, пакъ на Флоренса и на еданъ путь грону му слезе низъ честно его лице, притерчи Октавїану, и загерливши его любезно, радуйсе щастливый отецъ! рекне му; о коль радостна вѣсть за тебе! коль пріятна она садь за мое чувство, што судба повелѣнїемъ Божїимъ данась у момъ дому скиде завѣсу намъ испредъ очїю. Флоренсе, сыне нашь любезный! оди и загерли своего родителя! Отецъ, добрый о-

 тецъ!

тецЪ! простри руке и прїйми у обяшїя своя сына твоего, коего ти е до данась, и до овогЪ часа судба тайла: промыслЪ Божїй ево ти его данась предае; прїйми его, цѢлуй, и благослови; утѢшисе, и Богу захвали! На ове чудесне рѢчи, Октавїанъ внезапу тронутЪ, изменисе весь у лицу, очи му заиграю, и езыкЪ му се чисто окамени, да едва проговори „Госпоине! проводите вы шалу са мномЪ? Могул' я вашимЪ рѢчемЪ вѢровати, и у комЪ смыслу вы кажете, да е онЪ мой, сынЪ? Са свимЪ у простомЪ смыслу, любезный мой, то е већ доказато, то е освѢдочено, да е онЪ правый сынЪ, коего е МаймунЪ отЪ бѢдне матере у пустыни украо, о сладка сцено за све насЪ! о дивный поступакЪ Небесна промисла! — На то Октавїанъ разшири руке, и полети младићу, кой му се трепещући приближїо бяше „ахЪ сладка крови моя, ел' то могући! загерливши его повиче, и у сладко унинїе изгубисе! " отецЪ, любезный мой отецЪ! младићь вопїяше, о небо! — На то се врата сЪ друге стране отшворе, и Кассїя услезе погружена, и на лицу сва преблѢдила, исподЪ руке сына Леона, чувствомЪ радостнымЪ ослабила, едва кЪ мужу преко собе на ногу поклецываюћи приступи " ахЪ. Небесно позорище рече, и неможе више радость удержати, но падне предЪ ове и за нѢколико минутовЪ остане безЪ чувства!

СынЪ

Сынъ ю двигне, и подмегне ей наслону столицу. Но гласъ ея Окшавїана као иза сна садь пробуди, онъ отвори очи и кадь ю видѣ предъ собомъ, гдѣ ю сынъ на столицы полумертву загерлїо, и бисерне слезе свое на блѣдо лице ея ронећи вопїяше „Мапи! любезна наша мапи! поврат'тесе мало! видѣвши велимъ царь ово " Ахъ! Кассїе, ел' могући! есил' ты? возопи и сотымъ на ново обамревъ, падне предъ ню! — Сынъ садь и еданъ и другїй збунени сущїи, погледе на проче около себе и съ поразителнымъ само погледомъ, проговорити бо не могаху, поищу овымъ помощи садь отъ нихъ, одма убо ови хладномъ водицомъ умыю ихъ, и нѣке имъ каплице поднесу „за Бога! рекне Князь къ своимъ, нисамь ли я вамъ заповѣдїо, да ю їощь не пущате! — Нїе се по могло, ваша свѣтлость! отговори Леонъ, терпѣла е докле е могла, но мал' не свице отъ плача слушаюћи їощь испочетка изъ оне собе раскаянїе Царя, а кадь чу и за Флоренса, а она паде сироша и движе руке мени около враша " води ме, води ме! вели едва проговараюћи да видимъ пакъ нек' умремъ! —

На то Царь опеть повраши се мало и погледи на ню како е сва као смиль на лицу пожушила. „Кассїе! предрага моя Кассїе! цѣлуюћи ю и милуюћи по образы вопїяше, ангеле мой земный! тебе ево тврянинъ твой люби, вѣнецъ мой драгоцѣ-

ный,

ный, койсамь те отъ ономадъ у сну видѣо! — ахъ крестови мои златнїи (къ сыновомъ) высте убо оно мени были шпосамь снїо! загерливши любезно обоицу, сквозь плачь едва проговораше, а прочи о царицы прилѣжаваху. “ Кассїе сунце мое, шпо ми тако потавни! — умѣримесе Господине! рекне Князь, неће ей ништа быши! не расцвѣлуйте ей, и овимъ младићемъ сѣпованѣмъ вашымъ їощь веѣма чувства ихъ; благодаримо Богу дасшесе опешь видѣли, помыслиме, да есе то све промысломъ Божїймъ сбыло. — о сладкїй Господине! Богу пакъ вамъ! — Между тымъ и царица дойде мало къ себи превали свое слабе очи на Царя, пребацы му руку преко рамена, и спусши му главу на перси „о благословено небо! тихо изговараюћи, каковомъ райскомъ радосшїю сердце мое садь се прилива, но коль предѣлъ узанъ оно е намъ за оваку радосшь дало! Сотымъ пружи руку и Флоренсу, кою Младићь приключи нѣжно къ персемъ своимъ говореће Мамице! о сладко име Мамице! — Добрый Клеменсъ между тымъ клекао бяше предъ распятїемъ Хрїста, и съ двигнушыма къ святому образу рукама у благоговѣйнсшву чисто изгубленъ, ни на умъ почши не узымаше шпо се овамо чини, доклесе мало не повраши „Господине вели, ваш дом небеснымъ се данась позорищемъ учини! о всесилный Боже! шпа шо бы? шко бы се игда овому чуду надао! —

На то и царица болѣ дойде къ себи пробїе ю сироту зной по лицу, и Октавїанъ марамомъ ю убрише, тѣши, ласка ей, люби ю, на полѣдокъ падне предъ ню на колѣна склопивъ руке, смирено приклони главу свою предъ нею Кассїе! вели сладка моя, супруго добра моя, Богинье сердцу моему прости ми! я самь тебе увредїо, я самь предъ Богомъ согрѣшїо, ясе каемъ штосамь учинїо, но ясамь преваренъ быо, я вишена то она доста! о доста е то за мене, я благодаримъ промыслу Божїю, да е мою невиность теби открыо: я ти пращамъ! пруживши му руку, да устане " не! мила моя! возрази паки царь, дозволи ми їощь мало, да излїемъ предъ тобомъ сердце мое: я теби сладка моя уступамъ! уступамъ отъ данась первенство на трону, уступамъ вѣнецъ и скѵптръ мой, само ми сердечно опрости, да ми се еданъ путь смири душа моя, и да ме више не грызе совѣсть на сердцу! — Она на то разшири руке свое падне предъ него и сама на колѣна, загерли его чувствителнѣйше, и сквозъ плачь едва проговараюћи: пращамъ! пращамъ ти по тысящу путїй, и Богъ нек' ти опрости!

Сотымъ уставши любезно се загерле и излюбе. Садь обое полете къ дѣцы „сыне сладкїй, утробо и сердце мое! герлећи она Флоренса у восхищенїю вопїяше, а отецъ Леона чадо мое любезно и природа е сама у момъ сердцу чрезъ сладку нѣку

Сѵм-

Сумпатїю откривала, дасте вы мои сынови; санъ ми е отъ ономадъ и обявїо, и дѣте ми, у робству намъ бывшимъ, толкуе, и докле годь промысль Божїй по неиспытаемымъ судбамъ своимъ намъ тайну ево не откры, и као завѣсу испредъ очесь нашихъ намъ не уклони, немогосмосе видѣти и познати! о мы смертни! сва наша сила, и мудрость наша на еданъ мигъ Божїй пада! — Іо! тако е то любезный Господине! прехвати Князь машући главомъ, мы мечтавамо намъ вели; да што знамо, а кадъ узмемо у сравнењe съ онимъ, што незнамо, то не можемо нашу мудрость спрамъ Божїе уподобити ни едному малому провлачку у полдне ужежену спрамъ солнца, кое свѣтлость свою на све свѣтове просыпа и разлива. Садь царица извѣстившисе о Клеменсу да е онъ сыну ея благодѣтелный отецъ, како што е и изъ повѣсти его при столу изъ друге собе чула, загерли его сердечнѣйше и благодари му. Сотымъ Князь узме за руку царицу купно съ царемъ, проведе ихъ за столъ у горне чело: Флоренса посади до Матере а Леона поредъ отца пакъ повиче на домочадце свое „дайте дѣцо! точ'те вїно да будемо весели! старино мой добрый! на Клеменса, та што си се ты намъ тако замыслїо! — „о Господине! рече, ал' се сладко исплакасмо! — „Е! заборав'мо на прешедша; ово е намъ еданъ рѣдкїй примѣръ, да промысломъ Бо-

Божїимъ свасе сбываю, и да мы буди у каковой печали были, о милости Божїей не отчаявамо: Пророкъ намъ лѣпо говори: Днесь водворится плачь, заутра же радость! — „Есть Господине! прехвати Князу Клеменсъ, и узме бокалъ, есть истина и вы имаше право! и вїно — вели пророкъ — веселитъ сердце человѣка, да пїемо убо, да се мало повратимо! — Князь се насмѣе и ты старый мой и двапуть имашь право, пїймо убо и будимо весели! — Садь поверве здравице и куцкаюћи имъ се съ бокали, затрубе младиħи пѣснми. При томъ повукусе нова ела на столъ: Госпи мои любезнїи рекне Князь, овай е дань за све насъ као штосамь и рекао сугубо намъ торжественъ, непрїятеля смо вѣшто предухитрили и любезне наше избавили, а друго што се намъ овакова данась сцена сбы, при коей се намъ два любезна сердца по осамнаесть лѣтномъ растанку, опеть соединише, како убо да небудемо весели! Овай старый їоць ће мораши са мномъ и играти! — И на глави ако хоћеше, Господине Милостивый, толико насъ ваша обвезуе доброта, а док' одемо у Лїонъ вели, видиħете и вы наше Француусе како знаду такове люде, као што сте намъ вы, по достоинству цѣнити, а и Краль ће насъ едва дочекати.

Князь съ Клеменсомъ и прочомъ ту при столу Господомъ пустисе у веселу шалу и лѣпе разговоре тако, да имъ се

вѣнь и воцане на полїеехъ свѣће ужегу, со тымъ дасе време Октавїану, да се са своїомъ любезномъ страдателницомъ наразговора. На пытанье убо его каже му повѣсть свою перво какове е судбе претерпѣла док' е у Іерусалїмъ дошла, кое е моимъ читателемъ испочетка книге и познато. Потомъ кадь самь дошла вели у Іерусалїмъ, намѣримъ се на едногъ честногъ Господина, и добра Хрїстїанина прикому се 4. године задержимъ. Зато време и дѣте ми мало отяча, добыемъ волю да се опеть у Европу вратимъ; одемъ убо къ соборной церкви, и ту найдемъ нѣке трговце, праве Греке, кои посѣтивши ту света мѣста у исто време враћахусе у Смирну, свое отечество. Сдружимсе всадъ съ ними и дойдемъ у Смирну. Вознамѣримъ ту съ дѣтетомъ нѣко Време задержатисе, и потайно распытати за тебе, и за стару ел' їощь жива. И ту се срећно намѣримъ на едногъ зѣло богата терговца, кои е у Граду и старѣйшина быо, родомъ и онъ Грекъ, но супругу има праву Латїнку. Добре двѣ душе, пазили су ме као братъ и сестра, те я 12. годинъ у нихъ као у своемъ дому проведемъ. И за све то време не само да ми ништа за пицу платити нису дали, него їощь почестосамь, а особито на Велике празнике, по 10. 15 и по 20 дукашовъ добыяла и то на каковый благородный начинъ: осване или мени, но више путїй дѣтету,

подъ

подъ главомъ! Пытамъ откудъ мени то, неће да ми кажу! Молимъ да то выше нечине, но оны бы ми се свагда изговарали, да они зато ништа незнаду. Между тымъ я чуемъ, да намъ е спара умерла! Мыслимъ у себи, штоћу садь чинити, дѣте већь отрасте, признамъ себи за должность промышляваши о его щастїю, а већь за мене самь и заборавила была. Дай да идемъ рекнемъ у себи, и да преко добрыхъ прїятелей прокушамъ срећу, не бы л' те увѣриши могла, поне да е дѣте твое, да се сирома нелиши наслѣдїя. И тако получимъ прилику опеть съ терговцы, опростимъ се съ любезны мои прїятели узмемъ дѣте и уидемъ у Галїю и срећно приспѣмо у Венецїю. Зауставимъ се ту при нѣкой Госпожи, удовицы жени, нѣколико месѣцїй. Кадъ ал' ето ти намъ на Венецїю нападну Турцы! те я сирота бѣжи садь съ дѣтетомъ у церну гору. Дойдемъ у еданъ малый градићъ, найдемъ обиталище у нѣкогъ войводе, кои се у исто време на войску спремаше. Сынъ нашь као младъ повседневно съ нимъ у сообращенїю, залюбисе у чинъ войнический! я сирота почнемъ его отъ тогъ отвраћаши, совѣтоваши и молиши, да то не чини и како бы онъ мене саму и у чужей земльи оставїо! ая! онъ кадъ хоће, те хоће! ясамь родьенъ вели, да войникъ будемъ. — „а есил' му казывала за мене? есамь! но онъ є то и вѣровао и невѣровао,

дер-

держао као за нѣку басну, и сумняо, да самь я закона супруга твоя. Іа убо видѣћи, да онЪ еднако у войну навалюе, отпустимЪ его, узме его ГосподинЪ Груица, испый войвода, отведе его Князу у стань, кои нїе далеко ни быо и любезно его препоручи. КадЬ после нѣколико седмицЪ, ал' ето ти мени его, лѣпо обученЪ, и весео, смѣесе; постао оффїцїремЪ! Хвалисе сЪ КнземЪ, како е его као сына возлюбїо. Турцы цѣлу Венецїю преиграю, поробе и поплѣне, пакЪ се отписну у Француску; дао БогЪ, те на церну гору не ударе, нит' су зарЪ и смѣли на Князa нашего срећу прокушати, едно збогЪ горовитыхЪ овудь мѣстЬ, а друго, пре него намЪ е сынЪ у войску стао, на едномЪ, као успутЪ маломЪ сЪ церногорцы сраженїю, искусили су, да сЪ оваковыми людми на край нећеду моћи изыти. Малый е любезный! ово народЬ, но другїи Римляни! ОдемЪ убо еданЪ путь, да Князу за дѣте захвалимЪ и да дѣте и сама препоручимЪ, да му управ' кажемЪ чїй е сынЬ, и сотымЪ ћу его доволно препоручити: обаче не заспанемЬ его дома, отишао е быо у Рагузу! врашимЬ се убо дома и отЬ дань до дань да му опеть одемЪ провучесе време ето до ономадь. ИзЬ Рима отЬ прїятелей моихЪ на писма моя на какова їощь отговора не прїймамЪ, само штосамь чула была, и то случайно да си шы у Француску отишао и потомЪ

жа-

жалостной мени, да си у робство пао а отъ нѣкихъ їоцъ да си и погинуо. Ово ме садь у нову жалость и скорбь бацы! сѣдимъ сама, садь вечь и безъ дѣтета, по цѣлый дань у соби, пакъ плачемь. Кадъ отъ ономадь ал' ми дойде дѣте и каже ми, да ме Князь зове. Обучемъ се убо лѣпо и одемъ му: о како ме е тай честный мужь дочекао, колико ли е мое шуге участїя узео, їоцъ више кадъ самъ му се казала, како ме е о момъ нещастїю сожалїо и тѣшїо, да ми е рожденый отецъ не би ми чинимисе више усердїя и любови показапи могао. И пре негочу я и уста отворити, да за тебе молимъ, извѣстивши се вечь, да си живъ и уробству, онъ ми се и самъ за цѣло обѣща даће те избавити, како што е ето и учинїо, нек' му Богъ плати а я му немогу доволно благодарити. Данась ми дѣте каже за него, како е онъ майсторїю употребїо и васъ избавїо, и нарочито сыну нашему дозволи, будући да Турски зна преруши-шисе и подъ шапоръ везировъ къ Вамъ опиши, кое я дасамь знала свисла бы отъ страха. Каже ми дѣте како е преварїо найпре Страженачалника, да е онъ изъ Парїса отъ Султанове дщери послатъ искапи васъ двоицу у промѣну за Султана показывао онъ тамо и нѣко претворно отъ нея писмо и шта я знамъ! Суди садь самъ на што е его любовь сыновня за своего родителя дерзновенымъ учинила!

осо-

особито тако млада и їощь неискусна! Но и Князь е мудро поступїо, што е у исто време, ноћю кадЪ е его сЪ еднымЪ гарнисономЪ послао сЪ налогомЪ подкрасписе кЪ вашему шатору и гледати да васЪ више украду, нежел' и отму, зашто силомЪ ударити, судилоесе, да васЪ могу непрїятельи при сраженїю изсћћи: у исто велимЪ време Князь сЪ нћколико гарнисоновЪ привучесе ТуркомЪ сЪ друге стране, тако лћпо да ови и не осћте, пакЪ внезапу на нихЪ нападши, обрати сву силу турску на себе и тако сынЪ нашЪ са своими лакше садь на стражу удари, коей турцы, збунени сЪ друге стране суцци, нису могли на помоћь колико е требало ни прибћћи. — „Кадь си убо ты, вопроси ю Царь овдћ у дворЪ дошла? на кое она: Князь пошле данась нашего Леона и зове мене на обћдЪ, но нїе мени до обћда было, упоена радостїю, кадь самь за тебе чула, не знамЪ ни сама како самь овамо доперчала, да те само видимЪ и нисамь ти се хотћла внезапу показати, да те при обћду несмупимЪ, особито и толика честна лица, но поиштемЪ се у ону ближню собу, да те чупи могу; а Князь те при томЪ наведе на бћсћду, теси твоя благородна о мени предЪ нимЪ изразїо чувспва, тыси любезный мой, говорїо а ясамь непрестанно плакала и мыслила на многе начине, како ћу предЪ тебе изыти, да те внезапнымЪ моимЪ видћнїемЪ

яко

яко не смутимъ, но кадъ се изъ повѣсти спараго їоцъ и за ово друго дѣте извѣстимъ, обвлада са мномъ чувство, подидьу ме чисто мрави, и изгубимъ присутствїе духа! Срећа, ше е дѣше при мени было, кое ме прехвати, а незнамъ како бы пала! и шако ме уведе овамо како шшо си ме и видїо.

Царь на то убрисавши очи свое погледи на небо и уздане! сошымъ време већь и вечери буде, зашо садь сви усшану и у шихомъ разговору изъ собе у собу исподь руке водећисе почну се шепаши, докле младьи на ново сполъ посшаве, на кои имъ се садь съ нѣколико знашныхъ лицъ оп реда войническа и число приумножи; кои имъ и шай гласъ донесу, да су се шурцы съ мѣсша своего кренули, и у Орвашску нагли; да су бѣле хоругве развили за знакъ мира, да они нећею никакова насилїя чиниши, само ако би шко на нихъ у пушу напао, себе бранипи. Князь засукуюћи грдне свое и просѣде већь бркове, слуша по и смѣшисе: колико имъ рече опъ овудъ сшопъ, шолко опъ онудъ годинъ и онда намъ дошли кадъ ихъ мы пожелѣли: но жао ми е приложи Милушине! и на тебе, а їоцъ више на Грую! шшо се оппрїе дуже мало съ ними не шукосмо, да бы ме бар' болье упамшили, кадъ су се съ Люшицомъ и съ црногорцы клипка вукли, ал' већь ништа, нек' иду безшрага имъ глава. Нећел' врагъ откудъ Хасан-

пашу

пашу изЪ Унгарїе овамо нанети, но безЪ сумнье емуħеду и наши Мачари запалити димлїе, а тко зна какоħею їощь и ови преко Орватске пропущени быти, до Босне имаħеду посла.

При веселой вечери и у шальивомЪ разговору све здравицу за здравицомЪ напїяюħи, кое су имЪ юначке пѣсне слѣдовале, да е отЪ нихЪ сала грмила проведу време до предЪ зору и едвасе разыдьу спавати.

Сутра дань предЪ полдне донесе имЪ се гласЪ, да су имЪ и Римляни ту веħь близу. Штета рекне Князь, што имЪ Турцы умакоше, ал' би имЪ дали ватре! — „Морао е ІбрахїмЪ за нихЪ и чути, придода Царь, зато се и уклони. Зауставе садь вѣстника на обѣдЪ, и по полдне отпусте его соизвѣстїемЪ, да е Царь и ФлоренсЪ избавленЪ, и да су турцы кЪ Орватской отишли, за то да се за уставе ту у нѣкомЪ граду, и да дочекаю Царя своего.

ФлоренсЪ еднако навальиваше у ПарїсЪ но Князь госте свое три седмице задержи, зато време ФлоренсЪ сЪ ЛеономЪ наслаждаваюħисе братске любови, и повседневно излазеħи у ловЪ, ни су се могли еданЪ другому доволно напроповѣдати, и свакїй свое житїе исказати. Найпосле прїйми изЪ Лїона писмо Князь отЪ Краля Францускаго, у комЪ ихЪ позыва у ЛїонЪ, Краль е веħь радостну вѣсть прїймїо быо, да е Царь сЪ ФлоренсомЪ избавленЪ.

бавленъ. Ови убо одма се спреме и у Лїонъ оду. Кадъ тамо ал' застану съ Кралемъ Дагобертомъ и проче Монархе союзнике его. Срадуюсе едно другому, кадъ се ту виде, изгерлесе любезно и взаймно испоздравляю. Княза Любомїра сви съ особитомъ учтивостїю садь предусрѣтну. „Ово е намъ Господо свѣтла! рекне Октавїанъ за Княза, еданъ чудесный мужь! рѣдкїй еданъ человѣкъ, кой ми есе тако на сердце впечатлїо, да я его вовѣки изъ памети изгладити нећу! Не само зато, што ме е отъ непрїятеля съ дѣтетомъ избавїо, и то на еданъ особитый начинъ, него ми даде любезну мою супругу, и два моя дражайша ево сына! Ови садь сви пронуши погледе на царицу! — „моя супруга повтори Царь, моя бивша страдателница и ово су мои сынови! — А за то и онъ за Княза: мой любезный отецъ, кой ми е окове съ ногу скинуо, кой ме е исподъ меча смертоносна исхитїо, фамїлїю ми у своме дому дао, тму мое печали съ моего сердца разгнао и радостнымъ свѣтомъ мене осїяо! садь судите сами Господо моя! съ колико самь му я обвезанъ! — „Богъ е све то, ваше величество! учинїо, отговори великодушный Церногорацъ, и я самь вели оно само учинїо, што бы и свакъ у подобномъ случаю по должности учинити морао.

Сотымъ садь посѣдаю, и Царь проповѣди украшко цѣлу повѣсть, коя све ту

присутствующе у велико удивленїе бацы, сви му се наново садь срадую, и наново царицу и младе прїнцеве поздравивши, Князу возблагодаре. На то отворе имъ се са стране изъ друге собе двокрыл на врата, и дѣвица коей бы и сама венусъ, са своимъ красотомъ своїомъ мѣсто уступити морала, полети къ Флоренсу, као на воздуху преко сале „Флоренсе! милый мой Флоренсе повиче, и падне младићу около врата! — Вїлхелмїно сунце мое! ел' то могући! возрази юноша, п загерли едно друго у восторгу. Маши имъ приступи и кротко ихъ и сама пригерливъ, погледи на проче, и ниспустивъ двѣ слезе низъ Царско свое лице, осмѣнесе: какова е намъ вели, садь опетъ ова сцена? Они по малой овако, у сладкомъ унинїю, почивши цѣлуюсе и взаймно поздраве, ахъ! ясамь те была оплакала! нигда те нисамь Флоренсе више мислила видѣти! сладка моя! благодаримо Богу, но колико си ми садъ у томъ одѣянїю и прикладнїя, не бы те могао ни познати. Сотымъ ю поведе предъ отца“ любезна моя вїлхелмино! ты си изгубила родителя, чуосамь, и сожалуемъ. а ясамь ево добїо, ово е мой отецъ! а ово е моя права мати, но шта намъ ради стара наша Мати, ели здрава? Дѣвица се на то осмѣне и погледи на иста врата пакъ опетъ тергне очи и найпре учини должность свою, и родителе его полюби у руку. Октавїань держећи

жѣни ю за руку, на коей ей отъ драгихъ каменей персти чисто гору, погледи на проче: Царска дщи, рекне Дагобертъ, и бытиѣе вамъ снаха! — „Ово е Султанова дщи! наша бивша Марцебїлла? Сотымъ ю полюби, о голубице моя, пригерливши ю и царица, шы си убо онай магнетъ кой моего сына у Парїсъ привлачишь право! драго мое дѣте! тыѣешь убо быти и моя снаха! — Клеменсъ приступи, къ прїнцеси, смѣшисе и едва дочека редъ да и онъ запыта за свою: а Бога вамъ вели, шта ради моя баба? На ову рѣчь искресне му баба на она иста враша, добро рече, тесе и садь сѣти! гле' садь чуда! рекне Клеменсъ, та и ты си шу, о куго моя! о сладкачо, разширивши шальивый старецъ руке къ ней, оди молимъ те вели, да и ми правимо едну сцену, као и ови двое! совуляго моя лѣпоглава! ангеле мой изъ пакла! лѣпото моя окорела! злато мое испредъ ковачнице (бронза) — „на кое она, хмъ! Соколе мой матори гавране! ангеле мой аравїйскїй! красото моя, што дѣцу плашишь, витезе мой оклепаный! крине бѣлый смердливый турчинакъ! дико моя кмельивый старче! овако едно другому на окришке косиреѣисе приступи и загерлесе. — право! повичу прочи смѣюѣисе; то е управъ еданъ обветшаный романъ! нашъ старый у равной мѣри прїйми! — садь стара пригерли сына, потомъ окренесе и Монар-

 хомъ

хомъ „Свѣтла лица покланяюћи имъ се, извините вели нашу шалу! она приступи и къ царицы “ ваше величество! радуемсе, да — царица ю пригерливши, пресѣче ей слово „Любезна моя рекне ей, высше судбомъ Божїомъ за 18. лѣтъ мапи моему сыну была, и мѣсто мое занимала, онъ остае вамъ отъ садъ, колико мой, толико и вашъ сынъ, и яћу вамъ добре двѣ душе за родителское ваше о немъ попеченїе, ваше труде и воспитанїе его знати благодарити.

Но да по любезной сцени, у откровенїю повѣсти царичине, добре мое читателье при свакой маленкости не задержавамъ, украткоћу овдѣ любопитству ихъ довле учинити.

Краль Францускїй люблећи Флоренса, измоли у Октавїана и Кассїе, родителей его, да му его поне на кою годину у Парїсу при немъ заостати допусте съ обѣщанїемъ да ће онъ его какогодь рождена сына держати. И ови судећи, да то и Младићу на велику ползу у Француском двору му быти драговолно на то соизволе.

И тако у Лїону месецъ дней сви весело проведу; потомъ сви онако скупа у Парїсъ врапесе гдѣ ихъ Парїсцы у великолѣпной слави дочекаю. Весъ градъ пришествїемъ Монарховъ на ново оживи, весъ у вечеръ освѣтленъ, мусїкомъ и пѣнїемъ на све стране затруби, да се небесному уподоби хору.

По

По нѣколико дней навале гости и дома вратитисе, особито Октавїанъ. „ неће то быти отвѣща Краль Дагобертъ, докле вели їощь и нашему сыну у свашовы не играмо, опредѣле убо и овому торжеству дань, и призову Флоренса и Вїлхелмину, даду имъ родителскїй благословъ и отведу ихъ у велику церковь предъ светый олтаръ, изиде Архїепископъ, и любезный овай паръ бракомъ обручи со всеобщимъ желанїемъ, да ихъ Богъ благослови, да срећни и долголѣтнїи буду. Изъ церкве садъ силный народъ свѣтлое ово вшествїе у царскїй дворъ допрати, и едвасе разиде.

Монарси при велелѣпной софри, у весели разговори позадержесе докле имъ годь дань къ ноћи не превали, и онда изиду шетатисе. У возвращенїю изъ вертовъ и прохладителнихъ мѣстъ, допрате Младенце у домъ Клеменсовъ, гдѣ ихъ родительи-Царь и Царица — съ домаћиномъ и са старомъ любезно дочекаю.

Третїй дань сви опеть кодъ Краля при обѣду буду, гдѣ и совѣщаю да и Леонъ Каролину Краля Спанскогъ дщерь узме. Октавїанъ навали садь Княза Лютицу молити, да иде съ нимъ у Римъ. Но овай засадь му то отрекне, изговараюћисе да онъ то збогъ своихъ пословъ нипошто садь чинити неможе, него вели кадъ узженишь сына, ондаћу вамъ за цѣло дойти. При столу їощь сѣдећи имъ спази Князь Лютомирь у огледалу спрамъ себе

себи

себи созади нѣкогъ Француса, кой при едномъ маломъ столићу сѣди, и нешто на папиру пише, кое часъ по часъ рукомъ заклоняше; но Князь уразговоръ съ прочими нїе имао кадъ на то ни внимати. Кадъ ал' по нѣколико дней, Краль отпущаюћи госте свое, измежду прочихъ драгоцѣнныхъ даровъ Князу, обѣси му и едань лѣпъ златанъ крестъ на вратъ, и покаже му его портре чрезъ едногъ искуснѣйшегъ живописца, тако удешено, да се Князь удивїо: Ово любезный мой! рекне му Краль за еданъ споменъ задержавамъ я при себи, а вамъ ево-извадивши друго-даемъ мое. Сотымъ садъ изгерлесе, и излюбе опроспесе и сви се странїи на путь крену. Краль е ихъ само до изванъ испратїо (далѣ бо му нису дозволили) и вратїосе, само Флоренсъ съ Вїлхелминомъ и съ Клеменсомъ, и са старомъ, и їощь съ нѣколико отъ знатныхъ лицъ, испрате ихъ до едно два часа далеко до нѣкихъ Вїноградовъ. Тусе сїйдьу и царица загерли сына и младу снаху свою съ матерньомъ милостїю, излюби ихъ сердечнѣйше, исплачусе сви и опросте съ обѣщанїемъ овымъ, даћеду се опеть скоро видѣти, и даћеду и они брату своему Леону у сватове дойти. Сошымъ они оду а овисе врате.

Приспѣвшимъ убо гостемъ и на границе, при коихъ се путь свакому у отечество свое починяше, опроспесе инди и овде любезно, и растану.

Октавїанъ ступивши у Італїю пошле на предъ посланике у Римъ, и заповѣди, дасе наредба учини, какоѣе его парадно дочекати. Овай дань за мене е пише на сенатъ — дань торжественнѣишїй у момъ животу, дань отъ коего я по долгомъ моемъ претерпѣнїю, щастливе часе мое у Риму броити починемъ. Радость е сад всеобща свимъ гражданомъ сердце у движенїе привела: два су реда самихъ оклопниковъ на двѣ милье предъ Царя изишла, и на кони стали и чекаю. Царю и на послѣднїй вѣѣъ холмиѣъ у колесницахъ ступившу, загрми гласъ людства: Вїватъ! да се чисто и земля потресе. На то падне имъ у очи и градъ: гордый Римъ на седамъ холмовъ узвишенъ и вече будуѣи, тако савъ освѣтлѣнъ, дасе нѣкой гори отъ самыхъ брїлїантовъ уподобляваше. Кому кадъ їощь ближе ступе, ал' силный народъ прикрилїо савъ градскїи котаръ (хатаръ мачарски) да се прегледати не може. А кадъ имъ и мусїческа їнструмента огласише, и после овыхъ на више мѣстъ банде съ тихомъ мусїкомъ и узъ нихъ дивне нѣке арїе, кое су тому народу наипаче свойствене, почеше пѣвати, отъ милина свакому се сердце, рекао бы у сладкомъ чувству растопи. Царь пригерливши едномъ рукомъ до себе супругу, а другомъ Сына „Кассїе моя любезна! Сыне мой сладкїй! колико е вели чувствительнїя радость по претерпѣнїю каковомъ,

а нарочито кой у совѣсти своей може признати дае невино што терпїо: забораѵимо убо на сва прешедша уживаймо щастїе наше; увѣримосе да е се намъ све промисломъ Божїимъ сбыло, и да Богъ, ако по неиспитаемимъ судбамъ своимъ на насъ и попусти што неповольно, есмо ли само мы на правомъ путу добродѣтельи, неће воистину насъ оставити, неће отъ насъ лица своего Богъ отвратити.

Они овако тихо разговараюћисе, и народъ веселый на обе стране изъ колесницъ съ любезнимъ погледомъ поздравляюћи, приспѣду и у дворъ свой, гдѣ ихъ цѣлый Сенатъ и сви дворяни съ радостнимъ восклицанїемъ дочекаю. Свака е блага душа садь о пришествїю царице и помиренїю ея съ Царемъ, радуюћи се Богу благодарила и свака е се невино што терпяца садь увѣрила, да промысль Божїи праведнаго не оставля: свакїй е духа патрїотическогъ сердцемъ умильенъ садь на младогъ прїнца, взоромъ красна и отцу у свемъ подобна: као на нову подпору отечества его, съ удивленїемъ гледао, и къ тому чуюћи и за другогъ, да имъ за садь у двору Францускомъ заостао, кой е такожде свими добротами украшенъ, свису судбу своего отечества ублажавали, сви сердце свое надеждомъ о всеобщемъ щастїю пипали: Блажена — измежду себе за царицу говорећи, — блажена предъ Богомъ жена, коея невиность промысль Божїй

жїй на таковый чудесный начинъ откры: дивный примѣръ; да добродѣтелный у бѣди неотчаява; примѣръ еданъ непоколебиме на Бога вѣре! о благо оному кои у вѣри на Бога неохладни! кой вѣру добрыми дѣлами оживотворену у себи осѣћавајући, о Милости Божїей не сумня; онъ е као една поредъ моря нерушима стѣна о кою се всуе волне бїю! као гора Сїонъ недвижима.

По пришествїю ихъ у Римъ на нѣколико дней касније, царь созове свое Князеве велможе и племенитородне, и царицу усвѣтлѣйшемъ торжеству на ново крунише, и абїе сыну своему Леону Краля Спанскогъ дщерь Каролїну за супругу доведе.

По истеченїю три лѣта Краль Енглискїй неимајући себи наслѣдника и осѣћавајући, да се смерти приближава совѣтуесе со своими мїнистры, на кого бы жребїе бацыли, да имъ Краль буде. По долгомъ убо ихъ о томъ размышленїю и между усобномъ у парламенти припиранїю, изыде имъ на среду благоглаголивый вїтїя ихъ и словомъ своимъ на то рѣшенїе сее ихъ согласи, да Краль самъ шаковаго имъ избере. На кое Краль: Господо, и друзи мои! кадъ се вели сви на то согласуете, да я вамъ изберемъ мужа, койће намъ кормило правленїя изъ мое хладне руке прїимипи; по на свѣту у садашне време болѣгъ найпи нећете отъ Флоренса Римскогъ Императора сына, у Францїи при

Кралю Мїнистра, и любимца Кралева! МладЪ е истина, но нимало се запо неустручавайше! перво шпо е БогЪ его їоцЬ у цвѢту юношескомЪ высокими дарми и свакомЪ добродѢшелїю украсїо; а друго, шпо принешенїемЪ вашего на главу его вѣнца, двѢ яке попенцїе у любовный сЪ вами союзЪ приводипе. Зашто его Краль Францускїй какогодь и отецЪ люби. УвѢрипесе убо любезнїи мои! да ни мало у томЪ нећепе погрѣшипи, и даћепе у немЪ више шпо, као у младомЪ, кому напредакЪ иде найпи, нежел' шпо у мени губипе. Іасамь его познао, ясамь искусїо весма добро, ясамь его возлюбїо, докле самь его провидїо и у томЪ се нимало не варамЪ.

На ово убо Краля предложенїе сви се единодушно садь подпишу и заключе Флоренса себи за Краля. После нѣколико дней Краль умре, а Енглези по Флоренса пошлю. ДагобертЪ е ово сЪ радосшїю прїимїо, и Октавїана на то пригласїо, кой такожде дойде и Флоренса у Соборной Церкви у Парїсу славно за Краля Енглиског крунишу.

Великодушный ФлоренсЪ као еданЪ благодарный сынЪ, зато шпо е и царскїй сынЪ, а садь већь и КралемЪ поспаде, нимало у любови кЪ благодѢшелнымЪ своимЪ воспипашелемЪ, и кЪ сыну ихЪ Клаудїю неохладни, онЪ е нихЪ безЪ найменше у своМЪ сердцу промѢне онако нѣжно и садь

лю-

любїо какогодь и найпре. Онъ садь у великолѣпномъ спровожденїю, полазећи у Енглиску ни пошто Клеменса, стару свою матерь и Клаудїя оставити у Парїсу неможе, но узме ихъ собомъ, ударе на Драбандъ и потомъ навезусе за Енглеску на море. Срѣћно прейду, и у Лондонъ, градъ царствующїй Енглискїй, приспѣду, гдѣ его као Краля съ Вїлхелминомъ Кралицомъ своїомъ, Князеви и проча Господа съ честїю и радостно као у своя нѣдра прїйме. Овдѣ его садь на ново съ Вїлхелминомъ за Краля потверде и на тронъ со всеобщимъ народа благословомъ обое ихъ возведу. Флоренсъ имъ се по закону садь землье закуне и бреме на себе со всежеланїемъ отъ Бога да таково достойно носи прїими. Дагобертъ и Октавїанъ посовѣтовавши его да вѣрно, благодушно, и мудро землю и народъ свой управля, опростесе съ нимъ, и кренусе со своими на путь, кое Флоренсъ съ многими отъ своихъ любезно испрати: и тако ови свакїй у свое отечество врашисе.

Краль Флоренсъ съ любезномъ своїомъ Вїлхелминомъ мужемудрено, и щастливо царствоваше. Родителису ихъ изъ Рима више путїй посѣщавали, и увекъ су се радостнїи отъ нихъ враћали; кои имъ ништа више желити нису имали, развѣ да ихъ Богъ їощь и породомъ благослови. Но и то е кодъ Бога, рекли бы у себи: наше е Богу съ умиленымъ сердцемъ уго-

 ждавати,

ждавати, и на него надежду имати, а онъ као милостивый отецъ, оно што е за насъ неће намъ отрећи. Како што имъ е и у томъ по истеченїю два лѣта желанїе и исполнїо. Вїлхелмина роди на всеобщу радость сына, кому име материно даду *Вїлхелмъ*, красно дѣте као и Родительи, его, коеће, како Исторїа у свомъ продолженїю каже, своему отцу по смерти его на тронъ возпослѣдовати; да е Енглїйска подъ ова два Краля са свими окрестными землями у миру прибывала и да е отъ тудъ слѣдовало, да Енглїйска у художествы, и терговинахъ сила процвѣта, кои цвѣтъ свой на якомъ основанїю сущь и до данасъ задержава: далше, да е овай истый Вїлхелмъ дщерь Португалскогъ Краля за супругу себи имао, и да е добрый Хрїстїанинъ, и еданъ благочестивый, своимъ Родителемъ подобный владѣтель быо, за кое добродѣтельи онъ и по смерти своей у сладкомъ кодъ народа заостане воспоминанїю.

Конецъ.

Имена ГГ. Пренумеранта у мѣстама по азбучному реду назначена:

А Р А Д Ъ.

Послани од Г. Марка Бабича.

Високор: Г. Савва Тюкюли от Кевермешъ Ц: К: Конз: златни надпетица Кав: и всѣхъ правъ Докторъ. — Преч: Г. Мойсей Манойловичь Архи: Ходожки и чест: Конзист: Арад: присѣд: и Вармеђе Арад: Чанадск: Асесоръ. — Благ. Г. Іоаннъ Крестичь. — Медиц: Докторъ. — Г. Іоаннъ Алексиħъ Шпанъ. — Г. Емануелъ Нанъ чле: комунит: — Г Марко Бабичь чле: комунит: и тутор. Церкв: С. П. и П.

6

Б Е О Г Р А Д Ъ С Е Р Б С К І Й.

Послани одъ Г. Ігнятїя Раича Ледцелд: Београдск:

Пречест: Г. Іоаннъ Хаџиħь. Протопрезвитеръ Валѣвскїй. — Честн: Г. Силвестеръ Христовиħь Еродїаконъ и Наставникъ І. классе Београдске юности. — Благор: Г. Іосифъ Милосавлѣвиħь главнїй

Кнезъ

Кнезъ у Нахїи Пожаревачкой за себе и за сина свога Милосава. 2. — Г. Атанасїе Димитрїевићь Полицай Београдскїй. — Г. Стефанъ Стефановићь Писаръ Поречкїй. Г. Димитрїе Срећеновићь. — Г. Никола Мариновићь. — Г. Коста Караянковићь. — Г. Петаръ Арановићь. — Г. Лазаръ Георгъ Милковићь. — Г. Стефанъ Іовићь. — Г. Іоаннъ Ѳеодоръ Арсенїевићь родомъ изъ Разлога. — Г. Іоаннъ Ђорђевићь. — Г. Георгїе Михайловићь Терговцы. — Г. Алексїе Георгїевъ Ставровићь Ученикъ. — Г. Никола Михайловићь Трговач: калф. родомъ изъ Валѣва. — Г. Димитрїе Гаврїйловићь Лебцелдер: калфа.

18.

Г. Милутинъ Радовановичь тргов: —2 Госп: Елисавета Супруг. Радовановића Коста синъ Радовановичь. — Г. Марко Радовановичь тргов. 2. — Госп: Марїа Супруг: Радовановића Живко Синъ Радовановичь — Г. Христофоръ Д. Милутиновичь тргг: рожд: Сараѣваць. — Г. Алекса Германичь тргов. калфа.

10.

БЕОГРАДЪ СТОЛНЫЙ.

Послани одъ Г. Павла Ристича.

Г. Іоаннъ Дуковичь. — Г. Михаилъ Марковичь. — Г. Михаилъ Стояновичь тргговци — Мл. Г. Георгїй Івановичь — Мл. Г. Петаръ Радуловичь. — Мл. Г. Никола Аћимићь. — Мл. Г. Димитрїй Поповичь. — Г. Димитрїй Симошски бухалт: — Г. Антонїй Ристичь Пѣваць. — Г. Василїй Димитрїевичь Поета. — Г. Михаилъ Хаџићъ Синт: — Г. Константинъ Ћурковичь. — Г. Михаилъ Поповичь изъ Варошхид: — Г. Михаилъ Поповичь изъ Левице. — Г. Аѳанасїе Поповичь изъ Каньиже. — Г. Іоаннъ Гужовичь. — Г. Антоніе Вуичь тргговачке кал: — Г. Георгїй Закичь. — Г. Георгїй Симоновичь Земледѣлци.

19.

БЕЧЕЙ СТАРИ.

Послани одъ Гослож: Аннаст: Стојановичь.

Честн: Г. Василїй Поповичь Паро: Островск: — Честн: Г. Марко Вукосавлѣвичь пар: Петр: Селски — Благор: Г. Георгїй опъ Чокићь — Г. Іоаннъ Петровичь Каса Перцепт: — Г. Василїй Пекаровичь Нотар: — Г. Ааронъ Поповичь Дѣтоначта: — Г. Павелъ Станишићь. — Г. Іаковъ Елчичь. — Г. Андреи Попадичь купци. — Г. Самуилъ Стефановичь. — Г. Ѳеодоръ Спарачки Ђюрчїа. — Г. Максимъ Елчићъ Шнайд: — Г. Павелъ Мапичь бербер: — Господич: Марїя Спакичь. — Г. Іоаннъ Елчићъ. — Г. Василїй Поповичь куп: кал. — Госпожа Аннаст. Спојановичь | Совокупипел:

17.

БРОДЪ.

Послани одъ Г: Т. Радичевича.

Г. Ігнятъ А: Брлићъ. — Г. Теодоръ, Поповичь. — Г. Теодоръ Теодоровичь. — Г. Коста Аџићъ прговци. — Г. Теодоръ Радичевичь К. практика;

5.

БУДИМЪ.

Послани Одъ Г. Томе Пантазића тргов:

Преч: Г. Герасимъ Зелићъ Архиманд: М: Крупе и бивши Врхов: намес; у Далмацїи. — Честн. Г. Іоанн Випковић паро. за сина Николу. — Високор. Г. Николай одъ Темешвари Секр. к: Конзилїе и врхов: надзир: нац. школа. — Благор. Г. Петаръ

одъ

одъ Аси-Марковићь бихарск. В. присѣ: — Благор. Г. Іоаннъ Игняшовићь Стареш: 6. Магистрата. — Високоу. Г. Іоаннъ Бериćь филос: Докторъ и Депут. шко. Актуар. — Благор. Г. Георгїе Костићь закл: Нотаръ кодъ Конзилїе. — Благор. Г. Стефанъ Прерадовичь Докторъ Лекарст: — Благор. Г. Павелъ Трифунацъ конц: код кам: — Г. Марко Карпузъ трг:

10.

Д М И Т Р О В И Ц А.

Послани одъ Г. Максіма Радосављевича.

Чест: Г. Іоаннъ Ненадовичь Паро: јамин. — Чест. Г. Петаръ Румианинъ пар: Кузмин: — Г. Павелъ Верховецъ тр: Кузм. — Чест. Г. Ѳеодоръ Зикичь паро: Мартин: и нариц: конзист: Ассесоръ — Чеет. Г. Сава Николичь Администт. М. — Г. Павелъ Марковичь Дѣтонастав. М. — Г. Лука Черноякичь препар; М. — За Новоустрое. Библїотек: Дмитровачк: — Г. Ѳома Возаровичь раст. и-бервајперъ. Г. — Стефанъ Радосављевичь ученикъ

10.

Послани одъ Г. Станоја Станковића трг:

Благор: Г. Алимпїя Георгїевићь Ц. К. Фендрихъ — Г. Урошъ Прокопљевићь Експедиторъ Поште. — Г. Петаръ Шполяревићь Армицїе и Соларе Практик: — Г. Георгїй Івковићь Надзирателъ Армицїе у Рачи. — Г. Павле Карамарковићь. — Г. Константїнъ Георгїевићь. — Г. Матїя Георгїевићь. — Г. Іоаннъ Ашанасїевићь. — Г. Іоаннъ Іанковићь. — Г. Трифунъ Петровићь Терговцы. — Г. Адамъ Колянинъ трг: за сина Тихомила. — Г. Димитрій Димовићь трг: изъ Манѣелоса. — Г. Іоаннъ Седоглавићь трг. изъ Нешшина. — Г. Евтимїе Колянинъ.

нинъ, трг: изъ Азашевца. — Г. Симеонъ Галовићь, трг: изъ Кузмина. — Г. Андрїя Івошевићь трг: за сина Гаврійла. — Г. Станое Станковићь, за себе, и за сина Милоша. 3. — Г. Александеръ Крестоношићь. — Г. Александеръ Радовановићь, Лебцелдеры. — Г, Лазаръ Мирковићь Абаџїя изъ Лаћарка. — Г. Авакумъ Момировићь, Чизм. за сина Павла. — Г. Димитрїе Іовановићь, Симић: за сина Янка. — Г. Павле Милановићь, Пушкаръ. — Г. Димитрїе Прокићь, Берберинъ. — Г. Пантелїя Радосављевићь, Бирташъ. — Г. Давидъ Роксандићь. — Г. Павле Кузминацъ. — Г. Павле Шодолацъ, Ц. К. Убоисте.

30. к.

ЗАДАРЪ (у Далмаціи).

Послани одъ Благор: Г. Матеа Ћурића.

Преосвештенѣйшїй и Високодостонѣйшїй Г. Венедиктъ Кралѣвићь. Православнїй Епископъ Далмашинскїй, Бококоторскїй, Рагузинскїй, и Істринскїй. — Пречестн: Г. Отацъ Спиридонъ Алексїевићь Парохъ Задарскїй, и Мѣстоблюститель Епїскопске Курїе. — Преподоб: Г: Отацъ Димитрїе Перагићь намѣстникъ Монаст: Крупе. — Честн: Г: Отацъ Іаковъ Ћюрђевићь, Іеромонахъ Монаст: Крупе. — Честн: Г. Отацъ Василїй Бубановићь Капеланъ одъ Гарнизона у свой Далмаціи, Свящ-никъ изъ Крижевачке Епархїе. — Благор: Г. Матїа Ћуриćь. Присѣдашель и Бїргермайстеръ Задарскїй. — Г. Стефанъ Іошеновићь, Контролоръ одъ Цївїл-Шпїталя. — Г. Кузманъ Ковачевићь Чиновникъ кодъ Кассе. — 10. Г. Стефанъ Ћурковићь Фабрїкаторъ Розолїе. — 9. Г. Арсенїе Поповићь Чиновникъ кодъ Епїскопске Курїе.

10.

З Е М У Н Ъ.

Послани одъ Г: Димитрїа Николича.

Честт: Г. Лазаръ Андреѣвичь пар: — Благ: Василїй Лазаревичь Ц: К: Капетанъ и биргермайст: — Бл: Г. Игнятъ Василїевичь Сенаторъ. — Бл. Г. Марко Крестичь Сенаторъ. — Г. Константинъ Радиновичь Полиц: и Виртш. Адиюнктъ. — Г. Стефанъ Радичевичь Дїюрниста. — Г. Петаръ Стояновичь Контр: Магаз: — Г. Антоніе Ѳеодоровичь за Кѣер Екатерину. — Г. Лука Соларъ. — Г. Никола Мариновичь. — Г. Урошъ Лазаревичь. — Г. Мойсило М: Лазаревичь. — Г. Константинъ М: Іоанновичь. — Г. Іоаннъ М: Іоанновичь. — Г. Стефанъ о: Милутиновичь трговци. — Г. Стефанъ Костичь древ: прад: — Г. Ѳома Іокичь Мар: трг: — Г. Василїй Мунчиѣъ. — Г. Новакъ Марковичь. — Г. Іоаннъ Ранковъ Марц: трговци изъ Ковина.

К И К И Н Д А В.

Послани одъ Благ: Г. Лазе Зупана.

Преч: Г. Василїй отъ Стојановичь Протопре: Чанад: — Честт: Г. Іоаннъ Влаовичь пар: В. Кики: — Честт: Петаръ Симичь Админ: пар: В: Кик: — Благор: Г. Іоаннъ Виловски Дишпр: Сенаторъ. — Благор: Г. Алекса отъ Стојановичь Дишпр: Сенат: — Благор: Г. Лука Кенѣелацъ Дишпр: Сенат: С. С. варме: Темишвар: Торонт: Асесоръ и Темиш: Круг: щк: Директ: — Благор. Г. Филипъ Вайдичь Дишпр. Сенат: — Благор. Г. Кузма Рацковичь Дишпр. Сенат: — Благор. Г. Іоаннъ Таназевичь Дишпр. Велик. Нотаръ. — Благор. Г. Василїе Недиѣь Дишпр: Rechnungsführer. — Благор. Г. Іоаннъ Маргетиѣь: Дишпр: Вице Фишкалъ. — Благор. Г. Ника отъ Стојановиѣь. С: Торон: Варм:

Вице

Вице Фишкалъ. — Благор. Г. Аца Веселиновићъ Адвокатъ. — Г. Стева Дилберъ Дипутр: Арчов: Геометра. — Г. Лука Симићъ Дипутр: први Канцелисша. — Г. Ћока Богдановићъ Дипутр: Amtſchreiber. — Г. Ника Марковићъ Дипутр: Акцесиста. — Г. Леца Кекезъ Дипутр: Дијурниста. — Г. Теша Іојкићъ Варошк: Нотар: — Г. Димитрїй Гаичичъ Варошк. Комораш. — Г. Веса Вајдићъ Ешкутъ. — Г. Аркадија Петровићъ II. Клас. Учитель. — Г. Штева Путник I. клас. Учит: — Г. Паја Влаовићъ совр. Богослов. — Г. Стева Рајовићъ трг: изъ Земуна. — Г. Мита Стефановићъ, трг: и вин: Аренд: Мокринскїй. — Г. Іова Нинковићъ трг: и вашар: Арендаторъ. — Г. Ћока Фани. — Г. Ђорђе Рус. — Г. Іоанъ Станоевићъ. — Г. Димитрїй Іанковићъ. — Г. Волтезаръ Николићъ. — Г. Арон Томашевићъ. — Г. Спиридонъ Путникъ Трговци. — Г. Алекса Вајдићъ Земљедјелацъ. — Г. Дина Станковићъ Абаџиа. — Г. Аца Вајдићъ љубишељ наука. — Гчна: Јелена ошъ Спојановићъ. — Гчна Милица Зубанъ. — Гчна Екатерина Галетићъ. — Гчна Милица Поповићъ.

Ф Р А Њ О В О.

Гчна Іулијана Чокрланъ. — Гчна Іулијана Іурасъ. — Гчна Екатерина Балтовићъ. — Г. Іоца Райковићъ Ешкушъ. — Г. Лаза Поповићъ трг:

І О З Е Ф О В О.

Чест: Г. Ђорђе отъ Мијоковићъ Парохъ. — Г. Теованъ Марковићъ Учитељ. — Г. Іозефъ Ћуришъ. — љубитељ Србскогъ књижесшва. — Г. Макса Тешићъ трг: Мокрин: и вински Аренд: Іозефовачки. — Г. Ћока Костићъ трг: — Г. Ђурка Ајвазъ Нотар: Керестурскїй.

К О В И Н Ъ.

Послани одъ Г. Аарона Десића.

Г. Ааронъ Деспимићь. — Г. Голубъ Лазаревићь. — Г: Лука Ранковићь. — Г: Петаръ Стојановићь. — Г: Евтимїе Ћурковићь: — Г. Евтимїе Миленковићь. — Г. Матей Абруш: трговци. — Г. Емануелъ Стефановићь Дѣтонастав: — Г. Андрей Станковићь Абаџїа.

9.

М Е Л Е Н Ц И.

Послани одъ Преч: Г: Паула Бибића.

Пречест: Г. Іоаннъ Іоанновићь Протопрес: В. Кикиндскій. — Пречест: Г. Павелъ Бибићь Парохъ Меленачкій. — Пречест: Г. Димитрій Ћаковачкій капеланъ изъ Франѣва. — Пречест: Г. Урошъ Трифунацъ Дїаконъ и Учитель. — Благор: Г: Лука Трифунацъ отъ Батфе Адвокатъ и Дипутр: В. Кикинд: Вице-Нотаріусъ. — Гчна Марїа Трифунацъ. — Высокоу. Г. Евта Секулићь Учитель изъ Кумана. — Г. Павелъ Крстићь. — Г. Живанъ Радакъ трговцы. — Г. Никола Бибићь. — Г. Кузманъ Станковъ. — Г. Арсенїе Граничь. — Димитрїе Поповићь ученицы. — Іоаннъ Ранковићь III. лат. тк. ученикъ. — . ГІоаннъ Дилберъ цркв. туш. изъ Мокрина. — Гчна Екатерина Веселїновићь изъ Кумана.

16. к:

Послани отъ Г: Симеона Субићь тргов.

Г. Симеонъ Субићь. — Г. Павелъ Шићаровићь — Г. Іоаннъ Петровићь Трговцы. — Г. Арса Неделковићь. — Г. Стева Богарошкїй. — Г. Арса Удицкїй. — Г. Аксентіе Іовишићь. — Г. Несторъ Шу-

Шулянскій изъ В. Бечк. — Г. Симеонъ Поповићъ. Уч. 1. кл. — Клара Елизаб. Шендлъ ученица I. кл:

10. к:

М И Ш К О В А Ц Ъ.

Честп. Г. Георгїй Поповичь парохъ.

М О Х А Ч Ъ.

Послани одъ Г: Георгіа Крестича.

Честп: Г. Іоаннъ Живковичь пар: Мохч: — Г. Георгїй Крстичь бировъ и Локал: Дирекш: — Г. Петаръ ПачићЪ куп: и ТупоръЪ. — Благораз: Г. ДрагутинЪ Груичь ДЂтонастав: — Г. Арсеній Вуичь ЖивописацЪ Печварск:

5.

Н О В Ы Й С А Д Ъ

Послани одъ Высокоу. Г: Георгія Магарашевића Профес:

Пречест: Г. ДавїдЪ Поповичь Игуменъ Мон: Ковиля и Ч Конс: Асс. — Честп: Г. ГаврїйлЪ Котарлићь ПарохЪ Визићкїй. — Честп: Г. ПорфїрїйГеоргїевићь Іеромон: Ковинь: и Ново-Садскїй ДуховникЪ. — Честп: Г, КонстантїнЪ МарїнковићъПарохЪ Ново-Сад: Каѳедралный и юности Гумназ. ЕксхортаторЪ и Катихета. — Честп: Г. САмуилЪ Бранковићь, Каѳедр: дїаконъ Ново-Садскїй. — Благор: Г. Георгїй Ружићь АдвокатЪ Мађар. и закл. конс. Бачке Нотарїй. — Благор: и Высокоу. Г. ІоаннЪ Хаџићь свию права ДокторЪ членъ юрид. Пешпан: Факултета. — Благор: Г. ГаврїйлЪ Ползо-

зовиħь. — Благор: Г. Пачелъ отъ Іоанновиħь. — Благор: Г. Андрей Печеновиħь. — Благор: Г. Лука Миланковиħь Адвокати Мађ: — Благор. Г. Петръ Чакра Фїшкалаша Адюнкшъ. — Благор. Г. Петръ Петровиħь Варошкїй Канцелиста. — Благор. Г. Аѳанасїй Трїфковиħь варошк. Канцел: — Благор. Г. Ѳеодоръ Свиларовиħь: — Благор. Г. Петръ Станоевиħь Петровардинскогъ Магїстр: Канцелларїсте. — Почтенор. Г. Лазаръ Поповиħь Пецы шрг: и куратюръ Гимназ. — Почшенор. Г. Петръ Димитрїевиħь шрг. и главный Туторъ. — Г. Ѳеодоръ Захариħь. — Г. Іоаннъ Политъ. — Г. Георгїй Кирїаковиħь. — Г. Лука Кисиħь изъ Н: Бечеа. — Г. Георгїй Стойковиħь. — Г. Ѳеодоръ Стойковиħь. — Г. Филиппъ Поповиħь Пецы. — Г. Аѳанасїй Георгїевиħь. — Г. Васїлїй Капдеморше. — Г. Іоаннъ Михайловиħь. — Г. Димитрїй Видулоиниħь. — Г. Петръ Марковиħь. — Г. Іоаннъ Болиħь. — Г. Петръ Костиħь. — Г. Ѳеодоръ Петровиħь. — Г. Пачелъ Лаушевиħь. — Г. Евтимїй Стоядиновиħь. — Г. Максимъ и Іоаннъ Пешковиħь. — Г. Іоаннъ Георгїевиħь. — Г. Михаилъ Авраамовиħь Трговцы. — Давїдъ Косановиħь Винопродавацъ. — Г. Максимъ Марковиħь. — Г. Стефанъ Станковиħь. — Г. Срета Стоядиновиħь кроячи. — Г. Прокопїй Поповиħь. — Г. Петръ Ковилянъ. — Г. Илїя Христиħь. — Г. Георгїй Давїдовиħь. — Г. Константїнъ Адамовиħь. — Г. Вїлхелмъ Хїршелъ Ученицы VI. клас. — Г. Пачелъ Поповиħь. — Г. Димитрїй отъ Страшимїровиħь. — Г. Іаковъ Камберъ. — Г. Іоаннъ Крестиħь. — Г. Гаврїилъ Баяцъ Ученицы V. клас. — Г. Милошъ Богиħевиħь изъ Сербїе. — Г. Велїмїръ Ѳешиħь изъ Сербїе. — Г. Димитрїй Милаковиħь изъ Дубровника. — Г. Аркадїй Радовановичъ Житаръ. — Г. Димитрїй Циковичъ ученикъ. — Гчна Марїя Циковичь. — Г. Георгїй Груиħъ трг. изъ Аде. — Г. Гаврїйлъ Нешковучъ трг. изъ Черев.

РУМ.

Р У М А.

Чест. Г. Станимїръ Крестиħь Парохъ. 5 — Благор. Г. Савва Илїйħь отъ Зорнецъ. 2. — Высокоу. Г. Стефанъ Филиповиħь мѣстный шк. дїректоръ.

М О Х О Л Ъ.

Пречест. Г. Васїлїй Ковачичь Протопрес. Сегед. и Кон. Ассесоръ. за Священство свага круга. 10.

74. К.

О С Е К Ъ.

Послани одъ Г. Іоанна Іанковиħь II. и III. класс. Учит:

Чест. Г. Аѳанасїй Спаичь Парохъ Осечкїй. — Чест. Г. Стефанъ Бачванинъ Парохъ Тарħанскїй. — Чест. Г. Константїнъ Поповиħь капеланъ Будимачкїй. — Высокоу. Г. Димитрїй Папхазїй В. Фишкалъ. — Г. Василїй Маргаретъ. Адвокатъ. — Г. Стефанъ Недељковħь Адвокатъ. — Г. Іоаннъ Живановиħь Іуратъ. — Г. Василїй Аргировиħь Канцелиста. — Г. Стефанъ Іовкиħь избран. Гражд. и трг: — Г. Симеонъ П. Аржокиħь љубитељ наук. — Благор. Гчна Марїа Іоанновиħь рожд. одъ Дука. — Благор. Гчна Екатерина Іоанновиħь рожд одъ Хаџиħь. — Благор. Гчна Іулїанна отъ Дука. — Гчна Анна Тайчевиħь рожд. Хаџиħь. — Г. Стојанъ Весичь гражд. — Г. Евтимїй Велендериħь гражд. — Г. Максим Бозда Трг. кал. — Г. Григорїй Сениħь Поета. — Г. Михаелъ Ѳаддичь III. грам. — Г. Стефанъ Іличь III. клак. ученикъ. — Благ. Г. Ѳеодоръ Миланковичь Дом. Даль. Касн. — Г. Николай Живковичь Дом. Даль. шпа:

22.

ПА-

П А Л А Н К А.

Послани одъ Г. В. Хаџића.

Честн. Г. Димитрїй Поповићь Парохъ Паланачкїй. — Честн. Г. Марко Доићь Парохъ Паланачкїй. — Честн. Г. Василїй Вуковићь Парохъ Гложанскїй. — Честн. Г. Георгїй Влайковићь Парохъ Товаришкїй. — Честн. Г. Стефанъ Петровићь Парохъ Обровачкїй. — Высокоу. Г. Илїя Ракићь Нотарїй. — Высокоу. Г. Аврамъ Савичъ Нотарїй Обровачкїй. — Г. Марко Ивановићь. — Г. Василїй Хаџићь трговцы. — Г. Георгїй Хаџићь Поезїе слишатель. —

10.

П Е Ш Т А

Честн. Г. Георгїй Марго Парохъ и Честн. Конзист. Ассессоръ. — Честн. Іоаннъ Коларъ Евангел. Проповедникъ. — Благор. Г. Михаилъ Вишковићь Табул. Адвокат, и Ассес. Чанад. Вармеђ. — Благор. Г. Іоаннъ Ракићь Табул. Адвокатъ. — Благор. Г. Павелъ Недоклянскїй кодъ Депут. нар. Кассаперц. — Благор. Г. Василїй Аѳанасїевићь Докторъ Медицине. — Г. Евгенїй Ракићь. — Г. Павелъ Петровићь. — Г. Марко Маринковићь. Юраши. — Г. Максимъ Стойковићь. — Г. Ѳеодоръ Розмїровићь Юристе. — Г. Іаковъ Мразовићь. — Г. Мойсей Крестићь Философ: слишательи. — Госпоя Пулхерїя Каулицїй. — Г. Георгїй Кузмановићь. Избран. гражд. Г. Михаилъ Іоанновићь. Избран. гражд. — Г. Іосифъ Миловукъ. — Г. Гаврїилъ Бозиповацъ. — Г. Іоаннъ Демепровићь. — Г. Ааронъ Добровоевићь. — Г. Петаръ Раичь. — Г. Георгїй Станковићь. — Г. Никола Спояновићь. — Г. Димитрїй Ненадовићь. — Г. Сима Николићь. — Г. Аѳанасїй Пулѣвићь. — Г. Іоаннъ Кнежевићь изъ Осека. -- Г. Андрїя Розмїровићь. Трговцы.

28.

СЕГЕДИНЪ.

Послани одъ Г: Стефана Савича.

Г. Исаакъ Георгїевичь. — Г. Іоаннъ Жеравица. — Г. Николай Жеравица. — Г. Стефанъ Савичь трговци. — Г. Димитрїй Лаушевичь ученикъ. — Госп. Персида Георгїевичь изъ Н. Сада. — Г. Іоаннъ Еремичь Заклепи Нотаръ у Мартон. — Чест. Г. Василїй Обрадовичь паро. Керестур. — Г. Аркади Путичь трг: изъ тур. Чанад. — Г. Василїй Агорастовичь. — Г. Захарїй Звекичь. — Г. Евтимій Игнятовичь трговц. изъ Мокрин.

12.

СЕНТОМАШЪ.

Г. Іоаннъ Манойловичь Трго. 2

СЕНТАНДРЕЯ.

Послани одъ Б: Г: П. Белградїй.

Благор: Господич: Милица Попанешковичь отъ Липпванове. — Господична Софїа Мартиновичь. — Господична Маріа Іоанновичь. — Господична Христина Апостоловичь. — Екатерина Пиперковичь

5.

СЕРБІА.

а) Шабацъ.

Его Высокородїе Господинъ Ефремъ Обреновићь Оберкнезъ Наїе Шабачке, Белградске и Валѣвс. 5. — Пречестн. Г. Прот. Матеей Ненадовићь, членъ суда народ. Србскогъ. — Пречестн. Г. Іоаннъ Павловићь Протопресв. Шабачкїй. — Чест. Г. Іоаннъ Живковићь парохъ Шабачкїй. — Благор. Г. Марко

Штитарацъ Кнезъ мачве и Поцерине. — Благор. Г. Марко Лазаревићъ Кнезъ тамнаве. — Благор. Г. Алекса Поповскїй Секретаръ его Высокор. Г. Ефрема. — Благор. Г. Петровићъ Секретаръ. — Г. Іосифъ Обрадовићъ учитель Шабачкїй. — Г. Марко Х. Стойло Скелеџїя.

б) Валѣво.

Пречестн. Г. Іоакимъ Кнежевићъ Архїмандрїтъ общеж. Монастыра Боговаће. — Благор. Г. Іовица Милутиновићъ Кнезъ у Н. Валѣву. — Благор. Г. Павелъ Даниловићъ Кнезъ.

С О М Б О Р Ъ.

Послани одъ Г. Георгїа Петровича.

Честн: Г. Аврамъ Максимовичь Паро. и Конзист. Засѣдат. — Честн. Г. Ааронъ Груичь паро. — Честн. Г. Павелъ Аѳанацковичь паро. и препар. ш. Капих. — Честн. Г. Петаръ Поповичь паро. Спапарски. — Благ. Г. Давидъ Коньовичь Сенаторъ. — Благ. Іоаннъ Михайловичь СенаторЪ. — Благ. Г. Николай Груичь Сенаторъ. — Благ. Іоаннъ Липпай велики Нотар. — Г. Николай Леовичь Егзакторъ и Чл. обще. — Г. Георгїй Петровичь виц. НотарЪ. — Г. Іаковъ Керовичь Чле. общ. — Г. Іоаннъ Харишъ Канц. и чле. общ. — Госпож. Марїа Маширевичь рож. отъ Іюрковичь. — Госпож. Александра Вуичь. — Г. Димитрїи Ригички. — Г. Іоаннъ Мошановичь Трговци.

16.

С У Б О Т И Ц А.

Послани одъ Г. Аарона Милосавлѣвича Дѣтоваст.

Честн. Г. Стефанъ Савичь ПарохЪ байшанскїй. — Благор. Г. Лазаръ Стойковићъ Адвокат: — Бла-

Благораз Г. Григорїй Петровић Учитель. — Благор. Гжа Іуланна Поповић. — Гжа Екатерина Радичь гражд. — Гжа Терезїа Прокопчаньи гражд. — Гжа Елисавета Зубко гражд. — Г. ПавелЪ Башичь гражд. и Арендат. — Г. ПетарЪ Милутиновичь трг. — Г. ІоаннЪ Манойловичь Поез. слиш. — Г. Манойло Увaличь куп. к. — Г. СтефанЪ Вујановскій куп. к.

12.

ТИТЕЛЪ У ШАЙКАШ: БАТАЙЛІОНУ.

Послани одЪ Г. Тїмотеа Георгїевића.

Благо. ГднЪ ТеодорЪ отЪ Поповичь пензїон: Маїорь. — Блиго. Г. СтефанЪ отЪ Тапавица дѢйствїе. Маїорь. 1. — Благо. Г. Илїа Георгїевичь лаитн. и АдютантЪ Батийл. 1. — Благо. Г. Геор. Милићевь Лаитн. и АдютантЪ Батайл: 1. — Благо. Г. ПавелЪ Комленски Лаитн. и АдютантЪ Батайл. 1. — Г. МихаилЪ Давидоваць Оберброукмаистерь. 1. — Г. СтефанЪ Милошевић Грундбухсфирерь. 1. — Г. ТеодорЪ Поповичь прив: кадет. 1. — Г. Тимотїе Георїевичь Тргов: 1. — Г. Георгїе Іанковичь тргов: 1. — Г. Живко Крстичь тргов: 1. — Г. Марко Іанковичь Тргов. 1. — Г. Димитрїи Николичь Шнайдерь. 1. — Г. Марко Рашковичь тргов: калфа. 1. — Гпя. Маріа Крстичь 1. — Гпоя Наталїа Георгїевичь. 1. — Г. Марко Георгїевичь ученикЪ. 1. — Елисавета и Христина Крстичь учени. 1 —

ПЕРЛЕЗЪ У БАНАТУ.

Г. Андрїа КуракЪ Тргов: 1 —

СЛАНКАМЕНЪ У СРЕМУ.

Г. ПавелЪ Напошевић. —

20

ТРИ-

Т Р И Е С Т Ъ.

Послани одъ Г. Димитрїа Владисавлѣвича.

Г. Петаръ Теодоровичь В. купацъ. — Г. Крста Цвѣтовичь В. Куп. — Благ. Г. Димитрїе Фрушичь Медиц. Докторъ. — Гос. Софїа Теодоровичь. — Г. Димитрие Ћирковичь. — Г. Димитрїе Владисавлѣвичь Дѣтонастав. 2. — Г. Ефтимїе Поповичь Дѣтонастав. — Г. Ћорђїе Копчевичь Синпак. — Г. Симеонъ Катуричь.

Р А Г У З А.

Благор. Г. Іереміа Гагићь росиск: импера: Т: Совѣтникъ Виц: Конзулъ и Ордена св. Анне 3. ред. Кавалеръ. — Г. Іово Шкулѣвичь куп: 2.

13.

Ш И К Л У Ш Ъ.

Послани одъ Аркадїе Станковића учит.

Пречест: Г. Савва Косичъ Протто - Пресвтеръ Мохачкополскїй. — Благор: Г. Іаковъ Алексичъ отъ Фелмїнешъ. — — Іоаннъ Алексичъ отъ Фелмїнешъ мѣстный Школскїй Надзирателъ. — Г. Іоаннъ Апостоловичь трг: — Г. Іоаннъ Ратковичь учителъ М. Байскїй. — Мїхаилъ Лукићь любителъ наука. — Аркадїй Станковичь Учутелъ Шиклушкїй. — — 2.

8.

ОБЯВЛЕНІЕ.

О будуцемъ Пештанскомъ Вашару С. Іоанна изићиће єдно трагическо сочиненїе под именем „*Невиность*“ или повѣсть страдателна *Светиславa* и *Милеве* наймладье кћери Кнеза Лазара. Време Предчисленїя трае до половине Іуліа, и свакїй любитель може се код ГГ. Совокупителя Лѣтописа Србског пренумерирати. Књига ова биће и єдным образом украшена. Цена јой є за Пренумеранте 24 *кр.* у сребру а после ће бити скупља.

У Пешти 20. Маїа 1827.

Матица Сербска.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р 13 Ср II 144. 1